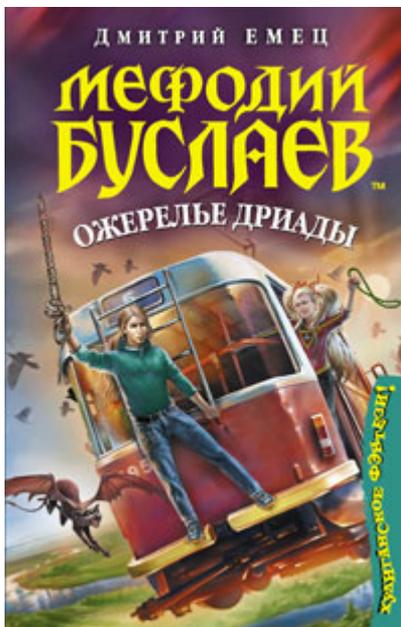

Дмитрий Емец Ожерелье Дриады

Мефодий Буслаев – 12

Мефодий Буслаев Ожерелье Дриады

Не только человек, каждая вещь, которой назначено место в бытии, стремится реализоваться. Когда не даешь вещи реализоваться, она мстит. Долго не едешь на машине – не заводится. Не режешь кухонным ножом – ржавеет гораздо раньше своего активно используемого собрата. Пока ты бежишь, ты жив! Пока барахтаешься – держишься на воде. Нет состояния покоя – есть состояние или активного действия, или не менее активной деградации.

В жизни каждого человека есть своя мучительная сверхзадача. Болезненная, страшная, сидящая как заноза. Барьер, который нужно перескочить с наскака или медленно и с усилием переползти, бесконечно срываясь. Самое странное, что остальным твой барьер совсем не кажется непреодолимым. Так, заборчик по колено. Он-то, другой, перешагнет его, не задумываясь, но сам после споткнется на ровном месте и сравняет нос с лицом. Потому что там будет его барьер.

Книга Света

Глава 1

Техпаспорт на ребенка

Скука – это игрушка для тех, для кого все дома на одно лицо, все кошки одинаковы, все книги похожи и все люди – замаскированные сволочи.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Как-то в субботу, перед сменой в «Звездном пельмене», Дафна и Мефодий отправились на блошинный рынок в Измайлово – не столько блох посмотреть, сколько себя показать.

Нижнюю, попсовую часть рынка, с буденовками, матрешками, биноклями и чебуреками, где пожилые японские и немецкие туристы, демонстрируя в непрерывных улыбках керамические чудеса стоматологии, отоваривались фляжками с военной атрибутикой и танковыми шлемофонами, они проскочили не задерживаясь. Поднялись по скрипучей лестнице между двумя медвежьими чучелами и оказались наверху, на деревянных мостках.

Промелькнули медные котлы, железные советские игрушки, таблички с прежними названиями улиц, ордена и марки. У Мефа капканом сработало хапужничество, и он с ходу купил новую солдатскую каску в промасленной бумаге и списанный, но тоже абсолютно новый противогаз, бывший до того на консервации. Немедленно надел его, привинтил снизу железную хрюкалку и, откинув назад тяжелый хвост волос, пошел по рядам. На него почти не смотрели. Чудаков здесь хватало.

Даф терпеливо шла за ним и помахивала Депресняком, которого несла как сумку – за ручку,вшитую сверху в комбинезон. Это был оптимальный способ не нарываться на его когти слишком часто. И так уже в ней многие внимательные люди мгновенно опознавали кошатницу по куче мелких царапин на наружной стороне ладони.

Дафна с удовольствием посмотрела бы старинные книги и пожелтевшие фотографии, с которых глядели цельные в своей серьезности лица. Мужчины в кителях, дети в матросках, женщины в шалях, старики с резными палками, шедшие к фотографу с торжественной ответственностью перед потомками. Вот только рассматривать их хотелось долго, без спешки, размышляя о каждом лице, – Меф же несся вперед как курьерский поезд и разве что гудка не давал.

Возле одного прилавка Буслаев остановился, восторженно промычал что-то сквозь противогаз и схватил очень реалистичную, но явно муляжную винтовку.

– Сдержись! Тебя с ней в метро не пустят! – успокаивающе заметила Дафна.

– Му-муммм-мму! – таинственно ответил Меф, щелкая затвором и в поисках, куда направить дуло, целясь в молодого продавца.

Продавец, радостный, красный и диатезный, точно его с двух лет кормили только помидорами и поили исключительно томатным соком, узрел в Мефе родственную душу. Он встал, разгладил пузырящиеся на коленях джинсы и, шмыгнув носом, деловито сказал: «Жди! Я – ща!» Нырнул под прилавок и спустя три секунды возник с германским ручным пулеметом «МГ-34».

Мефа пулемет впечатлил.

– Мым! – прогудел он сквозь противогаз и дернул стволом, будто стреляет.

– Бзддысь! Бзддысь! Джуджу-джуджу! – приветливо отозвался продавец, проводя дулом «МГ-34» справа налево и вместе с Мефом явно перерубая очередь и Дафну.

Даф вздохнула. Она поняла, что это надолго. У помидорного парня и Мефа установилось полное мужское взаимопонимание того градуса сердечного единения, когда всякие девушки становятся лишними.

– Я скоро! – пообещала она и отошла к соседнему прилавку, где среди парусников в бутылках, оленьих рогов и железнодорожных подстаканников поблескивали крашеным

фарфором нравившиеся Дафне фигурки охотничьих собак.

Рядом с фигурками лежал залакированный кусок дубовой коры, из тех, что вешают порой в коридоре в память о существующей где-то природе. Даф рассеянно коснулась его, сама толком не зная, зачем это сделала, и в тот же миг услышала женский голос, резкий, как звук дисковой пилы:

– Дафна? Страж света номер нолик в середине?

– Нолик в середине – это я, – осторожно признала Дафна, озираясь и пытаясь понять, кто с ней разговаривает.

Надо отдать ей должное, сумасшедшей она себя не сочла. Даже когда в древесной коре прорезался рот. Рот был узкий, деловой, окруженный мелкими морщинами, похожими на трещины.

– Уф! Ну наконец! Уже час пытаюсь с тобой поговорить! И туда дергаюсь, и сюда, а ничего дружественного поблизости нет!.. – с негодованием продолжал голос.

– Ничего дружественного? – вежливо повторила Даф, используя старенький фокус, известный всем студентам: не знаешь, что сказать, повторяй за преподавателем.

– А ты как хотела?! Не через сосновые же доски мне с тобой лялякать! Да сосна меня и не послушает! Она у нас дама важная! – едко передразнил голос. – А если через березу – им все хиханьки-хаханьки, сержки и порхание мотыльков! Другое дело: дуб. Старикан ко мне нормально относится. Ну все, идем! Возьми меня и неси!

Даф с тревогой взглянула на торговку. Та грустно гладила чучело крокодила и на нее даже не смотрела.

– Да не заметит она! А заметит – так флейта тебе на что? Бери и топай! Думаешь, она сама этот дуб вырастила? – поторопил рот.

– Даже и не подумаю! – отказалась Дафна.

Она не хотела становиться клептоманкой, которой булочка в магазине сказала: «Съешь меня!», чужой телефон: «Я хочу у тебя жить!», а серебряные часики: «Нам страшно! Мама, положи нас в карман!» Это только кажется, что скатываться можно медленно и со вкусом, любуясь окрестностями. Это назад карабкаешься медленно. Скатываешься же всегда в одно мгновение.

– Что, честность зачесалась? Ну тогда дай ей что-нибудь! Только быстрее, не тяни! Что ты двигаешься, как сонная муха? – раздраженно велел кусок коры.

– От говорящего полена слышу! – не сдержалась Дафна.

– Сама полено! Я репейная дриада! – с обидой сказал голос.

– Разве у репейника может быть дриада? Репейник не дерево! – усомнилась Даф.

Дриада многозначительно промолчала, и Дафна поняла, что прежде чем что-то ляпнуть, полезно все же подумать.

– Простите, – сказала она. – Вам, конечно, лучше знать.

– Прощаю!.. – сухо произнесла дриада. – Возможно, у деревьев дриады и поважнее, зато у меня есть кое-что, чего нет у них!.. А кто будет вертеть носом – тому вправлю сопелку! А теперь бери кору, и ать-два! Где я тут еще найду тебе дуб? Тут все сплошь – сосна да осина! Черновая доска!

Дафна попыталась узнать цену. Торговка с сожалением отложила крокодила и, заявив, что она тут первый день и цен не знает, стала перелистывать тетрадь, оставленную хозяином.

– Парусник в бутылке 0,6... Яхта в бутылке 0,2... Тетка без башки... дед с зонтом пьет какую-то бодягу... пацанчик в панаме нюхает цветок... – бормотала она, скользя пальцем по строкам. – Во – есть! Красное дерево!

Тут же была названа цена, совершенно астрономическая. Примерно столько Даф получала в «Пельмене» за месяц работы.

– Это дуб! – уверенно повторила Даф.

– Откуда знаешь?

– Мне сама деревяшка сказала!

– Тебе деревяшка, а мне хозяин! – заупрямилась продавщица.

Только после умягчающей маголодии она согласилась набрать номер и выяснила, что «красное дерево» – это фигурка скаковой лошади. Нужный же Дафне кусок коры обозначался хозяином просто как «всякая фигня» и цену имел доступную.

Расплатившись, Дафна взяла кору.

– Могла бы, между прочим, не сквалыжничать! Что, дуб дешевле красного дерева? Знала я их дриаду! Наглая особа! Только о себе и думает! Не хочу сказать: хамка и сплетница, но та еще свиномордия! – разворчался рот.

«Значит, свиномордия», – мысленно повторила Даф, взяв это на заметку. Одна из инструкций стражам, отправляющимся в человеческий мир, гласит: «Умей слушать! Все, что человек, как ему кажется, говорит о других, – он на самом деле говорит о себе». Вот только относится ли это, интересно, к дриадам?

– Куда идти? – спросила Даф, проверяя глазами, где сейчас Меф. Оказалось, он все еще у оружейных муляжей.

Репейная дриада уже распорядилась. Почти сразу Дафне велено было свернуть в закуток между двумя смыкающимися прилавками, где громоздились картонные ящики. Проход туда был узким. Сквозь сетку соседствующей проволочной витрины на Дафну смотрел глубоководный скафандр.

– Ну вот! Теперь можно! – удовлетворенно произнес рот. – Теперь брось меня!

– В каком смысле? – не поняла Даф.

– В самом идиотском! Ну!

Дафна разжала пальцы. Там, где упала кора, возникла невысокая, крайне решительная дамочка. Нос у нее был длинный, со свешивающейся с кончика прозрачной, то и дело обновлявшейся каплей. Где шлепалась капля, тотчас прорастал маленький колючий побег. Волосы – темные, жесткие и торчащие, со впутавшимся репейником. Лицо – красноватое, с крупными чертами, такое же резкое, как и голос, и вдобавок покрытое мелкими чешуйками. Когда на него упал свет, Даф сообразила, что это молодая кора. На шее у дриады играло солнцем ожерелье из крупных, зеленоватых бусин.

Пока Даф разглядывала ее, дриада втянула носом воздух и передернулась.

– Кто-то продает тут мяту! Шагов триста в ту сторону! Руки б поотрывала! – пробормотала она вполголоса.

– Вы что-то сказали? – переспросила Даф.

– Ничего!.. Я могу остаться здесь только две-три минуты! Так что давай сразу поставим черточку над **й**, точку над **і** и двоеточие над **е**! Я сама по себе. Не свет и не мрак! Даром услуг не оказываю! – сухо и быстро сказала дриада.

И, точно намекая на что-то, дриада провела пальцами по своему ожерелью. Дафна намека не поняла.

– И как у нас дела? Сильно болит? – тоном недоучившегося медика продолжала дриада.

– Что болит? – не поняла Дафна.

– А ты не знаешь, что у тебя болит?

Даф покачала головой. Дриада недоверчиво взгляделась в нее и с досадой поморщилась:

– А, ну да! Я опять опередила события!..

– Какие?

– А вот это неважно! Ничего: скоро ты ко мне прибежишь, но имей в виду: мне не нужны ни твои крылья, ни твоя флейта! Оставь их себе!

Дафна посмотрела на нее с беспокойством. Ничего себе заявочка: ей позволили оставить флейту! Тем временем дриада обошла вокруг Даф, бесцеремонно ее разглядывая. Потом протянула руку и потрогала волосы.

– Свои? – спросила она.

– Свои.

– Уверена, что не парик? А чего они все время порхают?

– Да так вот! – машинально сказала Даф.

– Можешь не оправдываться, – заявила дриада, хотя никто и не оправдывался. – Мне

нравится. Значит, так, за свои услуги я беру: а) твои волосы; б) твою красоту!

Дафне назойливо захотелось покрутить пальцем у виска.

– И как, интересно, вы это сделаете?

Сердитая дамочка вновь коснулась ее волос. Заметно было, что они ей нравятся.

– Это моя забота – как! Все, что можно отдать, – можно и взять. Спорю на двести колючек, что ты согласишься. Ну если, конечно, красота для тебя не дороже жизни. Всякое случается в нашем лягушатнике!

Дафне стало не по себе.

– Что-то я вас не понимаю! – сказала она жалобно.

– Скоро поймешь! И не зли меня! Слышишь? И надуть меня не пытайся! А то к красоте и волосам я попрошу чего-нибудь еще! – с угрозой произнесла дриада и, опустив глаза вниз, внезапно завопила: – А-а-а! Убери его немедленно! Это чудовище по мне ползет!

От неожиданного вопля Даф отпрянула, после чего обнаружила, что речь идет о ее коте. Депресняк, давно задумчиво присматривающийся к дриаде, внезапно вцепился в нее когтями и, точно по стволу дерева, стал деловито карабкаться вверх, к волосам, растрепанным как воронье гнездо. Сложно сказать, что ему померещилось. Может, надеялся найти там птенцов?

Растерявшаяся Дафна некстати дернула за вшитую в комбинезон ручку, но получилось только хуже. Вместо того чтобы втянуть когти, Депресняк на всю глубину запустил их в лицо и волосы дриады. Всклокоченная дамочка зашипела от боли, замахала руками. Очередная капля с ее носа описала полукруг и проросла на шиферной крыше торгового ряда.

– Теперь ты вообще ничего не получишь! Ни одной бусины! Искать меня будешь и не найдешь! Слышишь? Ты покойница! Уяснила: покойница! – мстительно завопила дриада.

Лицо у нее было разодрано, однако вместо крови из ран сочился вязкий сок. Сорвав Депресняка, она отшвырнула его от себя, топнула ногой и исчезла. Кот прихрамывал, но вид имел довольный. Когда животное пребывает в такой степени убежденности в своей правоте, его даже ругать невозможно. Дафна погрозила ему кулаком и отвернулась.

«Сумасшедшая. Не все дома! Ну или, во всяком случае, многие отлучились!» – подумала Даф и, вспоминая безумные глаза дриады, боком выбралась из закутка. Мягкие самовары смотрели на нее блестящими боками. В одном из самоваров Дафна увидела лицо в противогазе и каске.

– Ну что, купил ружбайку? – поспешно спросила она, оборачиваясь к Мефу.

Если не хочешь отвечать на чужие вопросы – задавай свои.

– Не-а, наигрался. Мне даже каска надоела. Обрати ведь не примут? – ответил Буслаев с сожалением.

Он вечно себя на этом ловил: чем с большим нетерпением схватишь какую-то штуковину, тем ненужнее она после окажется. Синдром бумажного языка, купленного в цирке, с которым уже в метро ощущаешь себя жгучим идиотом.

– Это радует. Значит, ты не безнадежен, – рассеянно одобрила Даф.

Она только что сообразила, что оставила кору дуба валяться в закутке, но возвращаться не стала. Ей и так ясно было, что дриада не скоро захочет с ней увидеться.

* * *

Около одиннадцати вечера Корнелий заглянул на кухню. В коварной душе его обреталось намерение утащить из холодильника колбасу. За столом он увидел Улиту и Эссиорха. Их головы почти соприкасались. Палец Улиты задумчиво скользил по полировке, растягивая и вновь собирая большую каплю воды. О чем они говорили, было непонятно, однако остального мира для них явно не существовало. Он был задвинут на задворки вселенной и тихо пылился там вместе со всякими ненужными вещами.

Другой бы на месте связного света молча удалился, однако в данном конкретном случае на месте Корнелия был именно Корнелий.

– Ага! Попались! Встать! Руки за голову! Проверка документов! – заорал он.

На Корнелия вскинулись сразу две пары раздосадованных глаз. Выключенный чайник на плите закипел сам собой. Корнелий забеспокоился.

– Эй! Это шутка была! Что вы на меня уставились, как злобные сычи на дохлую лошадку? – спросил он тревожно.

– Сычи лошадок не едят, – сказал Эссиорх.

– Чего, так плохо? Хотя тебе лучше знать!.. Что у вас тут? Бунт зверушек? Моська в сговоре со слоном дают Крылову тему для новой басни?

Улита напряглась. Существовал целый ряд животных, домашних и диких, упоминаний о которых она не переносила.

– И кто тут слон? – поинтересовалась она подчеркнуто спокойно.

Чайник на плите выкипел и намертво приварился к решетке.

– Разве непонятно? Эссиорх! У, хобот слонячий, отвернись от меня! – поспешно нашелся Корнелий.

Сравнение с моськой Улиту более-менее устроило. Эссиорх же из себя выходил долго. Во всяком случае, Корнелий научился улавливать момент, когда надо улепетывать.

– Ты никогда не задумывался, что люди могут иметь право на свободу от твоего присутствия? – спросил Эссиорх.

Корнелий озадачился. Об этом он действительно размышлял редко. Окружающий мир для него был корнелиецентричен. Он выключался, когда связной закрывал глаза, и послушно ждал его пробуждения. Даже солнце и то переставало светить, когда Корнелий на него не смотрел.

Корнелию захотелось брякнуть, что людей он тут не видит, а видит одного хранителя и одну ведьму, но в этот момент дверной звонок решительно произнес: «ДЗВИААК! ЧИУ-ЧИУ!»

«Чиу-чиу!» являлось началом мелодии, которая должна была играть, но вечно куда-то западала. Эссиорх покорно встал, всхлипнув расштанной табуреткой, и отправился открывать. На площадке стоял мужчина в светлом льняном пиджаке. Круглое, циркулем вычерченное лицо с двумя ямками на щеках. Брови – короткие щетки.

– Привет, Ратувог! – с удивлением поздоровался Эссиорх.

Ратувог молча сунул ему твердую ладонь. Руку всегда стискивал так, словно предполагал у того, с кем здоровался, наличие многих лишних костей. Хотя Эссиорх был, по-моему, единственным, кому это нравилось.

– Проходи! – пригласил Эссиорх, посторонившись.

Ратувог проходить отказался, но в коридор все же продвинулся и тотчас закупорил его. Он был вовсе не громоздким и не особенно мускулистым, но везде, где он оказывался, сразу становилось тесно.

– Я по делу! – сказал он.

Эссиорху это и так было ясно.

– В общем, тема такая, – решительно продолжал Ратувог. – Есть девочка, сирота. Три с половиной года. Родители погибли в аварии. В опеке у дяди и тети. Девчонка нервная, часто плачет, заходится. Тетка и муж ее успокаивают: хлещут ее чем попало – мокрым полотенцем, ремнем. В последнее время стали еще и сигаретами прижигать.

У Эссиорха расширились ноздри.

– Чем-чем прижигают? – переспросил он.

– Ты не ослышался, – сухо подтвердил Ратувог.

Эссиорх уже обувался, терпеливо шнуруя высокие ботинки.

– А тебе самому нельзя? – поинтересовался он.

Ратувог пошел пятнами.

– Видишь, тут какая штука. У меня запрет на насилие под угрозой потери крыльев! Я нарушал его дважды. Это будет последний, – выдал он.

– Мне кажется, Троил бы понял, – заметил Эссиорх.

– Он уже два раза понимал. Нельзя же бесконечно! А когда кто-то мучает детей, меня капитально срывает. Я боюсь, что с этими двумя уродами могу наломать дров, – сказал Ратувог.

– А я спокойный? – спросил Эссиорх.

– Ну, ты хотя бы притворяешься, – утешил его Ратувог.

Подпрыгнув, Эссиорх ладонью сбил с высокой вешалки мотоциклетный шлем и поймал его у самого пола. Движение было отработанным. Кожаную куртку он захватил с собой.

– Ясно, – кивнул Эссиорх. – Адрес помнишь?

– Коровинское шоссе. Сразу после развилки с Дмитровкой второй дом. Квартиру скажу, как только вспомню.

– А вспомнишь-то скоро?

– Уже на подходе. Вот тут вертится, – сказал Ратувог и пальцем ткнул себя в центр лба.

– Ты куда? Уходишь, что ли? – завопил из кухни Корнелий.

Эссиорх быстро поднес к губам палец, торопливо выскользнул из квартиры и прикрыл дверь.

– Ты его с собой не берешь? – спросил Ратувог.

– Я человек мирный. Мне не нравятся боевые вопли, пальба маголодиями по стоп-сигналам подрезающих нас таксистов и крики «на шесть и по хлопку!», адресованные всякой выпивающей компании, – пояснил Эссиорх.

Ратувог с интересом наблюдал, как он отковывает мотоцикл от липы и откатывает его. Когда Эссиорх завел мотоцикл, инструктор боевых маголодий присел и с интересом понюхал дергавшуюся выхлопную трубу, из которой вместе с дымом вылетали непереваренные капельки бензина.

– Занятный способ перемещения, – сказал он, улыбаясь.

Эссиорх позволил мотоциклу прогреться, включил фару и энергично повернул ручку газа.

– Я сообщу тебе, как все получилось, – пообещал он. – Пока!

Ратувог молча махнул ему рукой. «Пока!» и «Привет!» были для него словами абстрактными, не несущими никакого содержания, кроме эмоционального. Эмоциям же Ратувог не доверял.

– Третий этаж слева! – крикнул он вслед.

Дороги были полупустыми, светофоры дружелюбно зеленеющими, и до Коровинского шоссе Эссиорх добрался минут за двадцать. По дороге он даже успел сделать один телефонный звонок.

Нужный дом он нашел сразу. Поднялся, отыскал квартиру и, не услышав отзвука после нажатия на кнопку звонка, энергично постучал. Грузные шаги. Сопение. Чувствуя, что кто-то смотрит в глазок, Эссиорх нетерпеливо подбросил мотоциклетный шлем, яркий, как апельсин.

– Ну! Открывать будем?

– Чего надо? – спросили у него хмуро.

– Разговор есть! – ответил Эссиорх, ощущая себя мелким бандитом.

– Так говори! – настороженно ответили ему с той стороны, но дверь все же открыли.

Вход в квартиру загромождал огромный молодой мужик с мятым лицом. По центру груди сбегала узкая струйка влажных волос. Пузо его, колтыхаясь, занимало весь дверной проем.

– А ты кто? – поинтересовался он, напирая пузом на Эссиорха.

Кто он такой, Эссиорх пояснять не стал. Информация была явно лишней.

– Девочку бьешь? Сигаретой прижигаешь? – спросил он.

Он мог бы не спрашивать. Ему достаточно было взгляда, чтобы определить правду. В конце концов, он был хранитель. Это человек видит только поверхность океана и лишь догадывается о том, что лежит ниже. Хранитель же видит и толщу, и дно, и то, что на дне.

Маленькие глазки мужика засверлили тревогой. После этого его внезапно замкнуло, и он задал самый банальный из всех мужских вопросов, свидетельствующих обычно о полном отключении головного мозга:

– Слышь, парень, ты вообще знаешь, кто я?

Эссиорх не знал, но догадывался.

– Редкостная дрянь! – предположил он.

Озадаченный мужик сделал шаг вперед. Лицо его медленно сизело. Глазки налились носорожьим гневом. Эссиорх представил себе перезрелый помидор, вот-вот готовый брызнуть соком.

– Да кто ты такой? – прохрипел мужик.

– Все равно не поверишь! – ответил ему хранитель. – Я – добро.

Пузо озадачилось.

– Че ты мелешь? Какое еще добро? Абсолютное? – спросило оно, демонстрируя некоторую начитанность.

– Увы, не абсолютное, – грустно признал Эссиорх.

Он дождался, пока мужик грузно замахнется. Легко уклонился и пропустил прямой удар мимо скулы. В следующую секунду его левый кулак врезался мужику в печень. Тот осел вперед ровно настолько, сколько это требовалось, чтобы Эссиорх поймал апперкотом его подбородок. Тяжелая голова мотнулась вверх. Глаза стали бараными. Тело мягко осело на руки Эссиорху. Хранитель подхватил его под мышки и аккуратно опустил на пол.

– Никаких маголодий! Одна голая физкультура, – сказал он себе вполголоса.

Напуганную девочку он отыскал сразу. Должно быть, возня в коридоре разбудила ее, и она вылезла из кровати. Она пряталась за журнальным столом, не понимая, что из-под стола видны ее ноги.

Эссиорх обошел стол сбоку, присел на корточки и поинтересовался:

– Как дела?

Девочка смотрела на него затравленным зверьком. Дрожала. Волосы у нее были русые. Бровки чуть вздергивались вверх. В мочке правого уха – красная сережка-бусина.

Мягко, чтобы не напугать, выудив ее из-за стола, Эссиорх осмотрел ребенка и обнаружил семнадцать мелких ожогов-крапин, которые ни с чем нельзя было спутать. Они до конца не исчезали, только багровели и углублялись в кожу, а следы должны были остаться на всю жизнь. Большинство из них на ногах.

За его спиной послышался шорох. Эссиорх обернулся. Кто-то заглянул в комнату и метнулся назад. Девочка, заметив того, кто заглянул, дернулась. Глаза у нее сразу стали бессмысленно-затравленными.

Посадив ребенка на стул, Эссиорх выскочил в коридор и, догнав худощавую женщину, помешал ей запереться на кухне. Женщина откидывалась назад и пыталась боднуть его затылком в лицо.

– Кто вы такой? Уходите немедленно! Я вызову милицию! – визжала она, беспорядочно нажимая на кнопки радиотелефона.

Эссиорх не препятствовал.

– Я пришел забрать ребенка. А милицию вызывайте! Я покажу им девочку. Давайте я сам наберу!.. – предложил он.

Женщина отшатнулась к стене. Недоверчиво прижала трубку к уху. Ждала. Ждал и Эссиорх.

– Дежурный по отделению Резниченко! – запрыгал упругими мячиками бодрый голос. Не дождался ответа и нетерпеливо возвысился: – Алло? Вас слушают! Будем в молчанку играть?

Эссиорх спокойно ждал. Продолжая испытующе смотреть на него, женщина зачерпнула ртом воздух, но вместо призыва о помощи внезапно дала отбой.

– Вы не понимаете! Она очень нервная! Больная! С ней по-другому нельзя! Она тупая, не понимает! – крикнула она.

Эссиорху девочка тупой не показалась. Скорее, вконец запуганной.

– Ожоги, – произнес он.

– Это не я! Я просила его успокоиться! – взвизгнула женщина.

Эссиорх заглянул ей в глаза и понял, что она врет, причем не только ему, но и себе. Эта молодая женщина целиком была во власти мрака. Ее эйдос, вроде бы пока и не проданный, был окружен им точно вязким тестом. Ни один луч не смог бы сейчас к нему пробиться.

– Значит, плохо просили, – сказал он устало, заранее зная, что его не услышат. – Иногда человек как будто говорит правильные слова, но на самом деле науськивает. Порой и «люблю» можно произнести так, что тебя выбросят в окно... Ну все, пошли!

– Куда?

– Вначале на кухню. Возьмем какие-нибудь консервы... шпроты.

Женщина презрительно дрогнула бровью. Спротивляться она не пыталась. Была умна и понимала, что не поможет.

– Украсть хотите?

– Это не мне! – сказал Эссиорх жестко. – Это вам.

К даме он насилия применять не стал и ограничился тем, что запер ее в туалете. Перед тем как выйти из туалета, он выстроил консервы в ряд и деловито осмотрел дверь. Дверь была крепкая и замок надежный. Потом он отсоединил от телефона аккумулятор и сунул его в карман.

– В жизни каждого человека бывают дни, когда он должен побыть в одиночестве и пересмотреть свои прежние ценности. Воды в унитаза бачке сколько угодно, и все время набирается новая. От жажды вы не умрете. Через недельку я пришлю кого-нибудь вас открыть, – сказал он.

– Меня откроет муж!

– Сомневаюсь. Он отправляется скалывать лед в соответствующие широты. Российские ледоколы старые, не справляются. Им надо помогать.

Телепортировав мычащего супруга, куда он обещал, и снабдив его ломом и ватником, Эссиорх вернулся к девочке. Она по-прежнему сидела на стуле, покорно свесив руки. Само повиновение: сказали стоять – стоит, сказали сидеть – сидит. Только бы не делали больно. Городской ребенок, бледно-зеленый и тощенький, как одуванчик, пробившийся между камнями сырого двора.

– Как тебя зовут? – спросил Эссиорх.

Ответа он не ожидал, но неожиданно получил его:

– Алися.

– Алиса?

Девочка замотала головой.

– Алися. Говоли плавила! – сказала она недовольно.

– Лариса? – повторно рискнул Эссиорх.

На этот раз оказалось в точку.

– Хочешь пойти со мной?

Девочка молчала, разглядывая его.

– Улять? – уточнила она.

– Гулять, – согласился Эссиорх. – Только вначале пошли покажешь, где твоя комната! Нужно собраться.

Во дворе Эссиорха уже ждали. У подъезда рядом с его мотоциклом стоял красный поцарапанный «Иж» с коляской. Вокруг «Ижа», изредка задумчиво пиная его переднюю шину, прохаживался байкер по фамилии Баснецов. От известного художника он отличался одной буквой и родом занятий. Баснецов был сорокалетний холостяк, толстый, как подушка, и настолько же добрый. Рыжая борода росла у него радостными ключьями.

Это ему Эссиорх звонил по дороге. Баснецова не пришлось даже будить. Ночами он не спал, а неторопливо ездил по улицам и проспектам в облаке бензина, постреливая барахлящим выхлопом. Выше восьмидесяти его «Иж» не разгонялся, но Баснецову выше и

не надо было.

Спал он днем, на службе. Труд Баснецова располагал к здоровому сну. Работал он системным администратором на складе чугунных изделий, где стояли всего три компьютера. Ломались они только тогда, когда кто-то проливал на процессор кофе или садился на клавиатуру.

Эссиорх подошел и посадил девочку в коляску. Из коляски пахло арбузными корками. Шелестела упаковка давно съеденных орешков, сухариков и шоколадок. Баснецов был культурный байкер. Мусор на улице он не выбрасывал, а швырял его к себе в коляску, где он скапливался месяцами.

Оказавшись в коляске, девочка повела себя целеустремленно. Первым делом она угнездилась на сиденье так деловито, будто всю жизнь только и делала, что ездила в коляске. Затем протянула руки к шлему. Шлем у Баснецова был такой же древний, как и «Иж». Даже, возможно, древнее.

Баснецов посмотрел на девочку с любопытством.

– Как называется эта марка двуногого мотоцикла? – спросил он.

– Лариса, – ответил за девочку Эссиорх.

– Ребенок не промах! Соображает! – произнес Баснецов одобрительно. – Это тот, которого ты изъял? И чей он теперь? Твой?

– Не угадал. Твой, – любезно сказал Эссиорх.

Баснецов дружелюбно ухмыльнулся.

– Ты что, опух? – поинтересовался он.

Эссиорх, однако, не считал, что он опух. Он взял громадную исцарапанную клешню Баснецова, которой тот без ключа подтягивал «ижевские» гайки, и потряс ее.

– Мои поздравления! Ты стал отцом! – сказал он.

Баснецов заволновался. Он не то чтобы нервничал, но постепенно терял чувство юмора.

– Издеваешься?!

Эссиорх с ним не согласился.

– Тебе сколько лет? – спросил он.

Добрый лоб Баснецова опечалился морщинами. Своей внешностью он никогда не был озабочен, а с ней вместе и возрастной арифметикой.

– Сорок, кажись. Или больше? Нет, сорок.

– Чудесный возраст для отцовства! – одобрил Эссиорх. – Пора понемногу раскачиваться. Или теперь, или никогда.

Баснецов перевел мученический взгляд с Эссиорха на девочку и обратно. Лариса выудила из коляски разводной ключ и, экспериментируя, пыталась зажать себе палец на ноге.

– А документы всякие? На детей же документы нужны. Свидетельство о регистрации, технический паспорт и всякое такое! – радостно воскликнул владелец «Ижа».

Ему казалось, что он подыскал веский аргумент.

– Минутку! – сказал Эссиорх.

Рука потянулась к «молнии» на кожаной куртке. Лицо Баснецова вытянулось. Эссиорх достал из внутреннего кармана сложенную вдвое папку-файл.

– Тут все документы, – проговорил он. – Даже фамилия в свидетельстве о рождении твоя. Привыкай, папашка! У тебя куча лишних сил! А ничто так не уничтожает человека, как лишние силы, если они раходуются бестолково.

Баснецов с сомнением разглядывал бумажки на свет.

– Подделка? Нет? А говорил, что техосмотр на «Иж» сделать не можешь! – произнес он с негодованием.

– Это не подделка, – строго заметил Эссиорх. – Это документы строгой отчетности, зарегистрированные всюду, где полагается. А вот любой техосмотр был бы подделкой. Особенно на твой драндулет.

Баснецов вздохнул, пробурчав, что собственный байк Эссиорха не лучше. Все же заметно было, что он колеблется.

– Погоди! А чем детей хотя бы кормят?

– В Интернете посмотришь. Вобьешь что-нибудь вроде «правильное питание ребенка-ничегонеежки». У тебя млекопитающие какие-нибудь были?

Баснецов, пригорюнившись, покачал взлохмаченной башкой.

– Только хомяк! И тот сгинул, когда я, прогрев его лампой, случайно накормил холодным арбузом. Жуткая картина! У меня на глазах вцепился в арбуз и – тырк! – замариновал санки! – признался он.

– Зато теперь ты знаешь, что этого делать не следует, – успокоил его Эссиорх.

Баснецов пасмурно посмотрел на него.

– Самый умный, да? Подложил мне... хм... родственника и радуешься! Сколько ей хотя бы лет?

– А ты сам сколько бы дал?

Системный администратор оценивающе оглянулся.

– Больше года, но меньше пяти!

– В точку! Три с половиной. А про еду не волнуйся. Я серьезно. Абсолютно уверен: она не избалована.

Баснецов посмотрел на свою дочь. Та застеснялась и полезла прятаться. Зашуршали бумажки.

– Надо же! Три с полтиной! Компьютеры в таком возрасте почти полный хлам. А люди еще ничего, довольно новые. Странно, да? – сказал Баснецов задумчиво.

Как многие компьютерщики, он был философ, причем абсурдного склада.

Минут пять спустя Баснецов завел «Иж» и медленно уехал, то и дело задумчиво заглядывая в коляску. Эссиорх остался один у подъезда.

– Ты не ошибся? Он как-то не особо был рад! – внезапно спросил кто-то.

Эссиорх увидел Ратувога. Инструктор боевых маголодий стоял рядом с его байком и с интересом трогал руль. При этом лицо у него было такое, словно он не исключал, что эта грохочущая штуковина способна поехать сама собой.

– Ты здесь давно? – спросил хранитель.

– С самого начала.

– Он был *постепенно рад*, – пояснил Эссиорх.

– Чего-о?

– Нормальная мужская реакция медленного привыкания. Было бы странно, если бы взрослый мужик, увидев маленького ребенка, бежал к нему с воплями: «Вау! Какая лапочка! Хочу быть его папой!» Тогда бы я, пожалуй, нашел кого-нибудь другого. Даже не пожалуй, а точно бы нашел.

– А почему он? Байкер! Перекати-поле! Он небось и дома-то ночует только зимой в гололед, – заметил Ратувог.

Эссиорх оскорбился. Он не переносил, когда его друзей подвергали сомнению. Тут самым беспробитным является принцип постоянной и щепетильной надежности. Не слушать ничего лишнего и ничего лишнего не говорить. Если у тебя есть приятель, который много сплетничает тебе о других своих знакомых, то вполне логично предположить, что так же пространно он сплетничает им и о тебе. Тут есть повод задуматься. Нельзя предать на пять копеек. И нельзя предать никого, кроме себя самого.

– Баснецов – уникально верный человек! Другого такого лично я не знаю, – сказал хранитель убежденно. – Сейчас он сам позабыл свои былые желания, но когда-то он мечтал о ребенке. Даже смешно мечтал, немного идеалистично, не как о живом киндере со своими заскоками, который все пачкает и вопит, а наивно и чисто. М-м-м... ну как поселковый рокер с «Восходом» о мотоцикле «БМВ».

Ратувог улыбнулся. Он заметил, что воображение Эссиорха чем дальше, тем сильнее приобретает байкерский окрас.

– Как-то не верится. И почему он не завел себе этого идеального ребенка?

– Опять же из-за верности. Баснецов однолюб. Некоей особе он делал предложение четырнадцать или пятнадцать раз. Отметил по календарю кружочками и шпарил через каждые четыре месяца лет пять подряд. Потом девушка все же приняла предложение, но, увы, чужое. А Баснецова пригласила в свадебном кортеже с лентами ездить.

– И он ездил?

– Ездил. Но в самом конце, потому что у него мотоцикл плохой. И в дружбе он такой же надежный... Это, по-моему, главное. Ну а что платье у девочек застегивается на спине, он как-нибудь разберется. Не думаю, что это сложнее, чем собрать компьютер.

– Ну-ну... Хотел бы я тебя понять! – задумчиво пробурчал Ратувог. – В любом случае, девчонка теперь на нашей с тобой ответственности. Если что-то с ней пойдет не так, по мозгам получим прежде всего ты и я. Ты в курсе?

Эссиорх это знал.

– Брысь с моего мотоцикла! Если хочешь, подвезу до шоссе, – предложил он.

– Я не смертник! – отказался Ратувог.

За его спиной, сияя, всплеснули золотые крылья. Мгновенье – и он исчез, скользнув с необычайной ловкостью между двух высоковольтных проводов, лишь чудом не задев маховыми перьями ни один из них.

– А еще смертником обзывает! Вот уж точно: каждый говорит про себя, – заметил Эссиорх и вставил ключ в замок зажигания.

Глава 2

«Про чемоданы я попросил бы не заикаться!»

Сила света ровна, неспешна и незаметна, как движение тайной, сокрытой от всех пружины. Она как морской прибой, как вращение планет, как неустанное созревание пшеницы в полях. Но она же и медлительна, так что порой кажется, будто ее и нет вовсе.

Эссиорх. Дипломная работа

Дафне не спалось. Она словно чувствовала, что этой ночью с Мефом что-то должно произойти. Она держала его сердцем, как мать держит младенца, когда, даже не смотря на него, знает, тянется ли он к конфорке или вознамерился упасть со стула. И неважно, что Меф находился сейчас в другой части города – все равно она не теряла его.

Даф стояла у окна общежития озеленителей и смотрела на чахлые деревца с подпорками. Примерно трижды в минуту по деревьям, начиная от крайнего, пробегала волна света. Это показывалась из-за поворота очередная бессонная машина. Через дорогу напротив помещалась кавказская шашлычная. Стандартная аккуратность канадского газона у ее входа успешно побеждалась горской небритостью.

В редком кустарнике переругивались коты. Звук был ненастоящий, с фальшивинкой. Слыша его, Даф предполагала, что кого-то корчит от остроумия, но всякий раз это действительно оказывались кошки. Зато дважды, когда она слышала «настоящий» кошачий крик, это были придуривающиеся озеленители.

Депресняк, получивший недавно пару серьезных укусов в схватке с безобидным на вид миттельшнауцером, к кошачьим разборкам проявлял равнодушие. Он дремал на подушке у Дафны, изредка шевеля во сне лапами, будто неторопливо направлялся куда-то.

Даф отвернулась от окна и, включив свет, прошла по комнате. Теперь, когда она жила тут одна, комната казалась ей опустелой и пугающе просторной, хотя на трезвый взгляд была и тесна, и захлавлена.

Рядом с микроволновкой стоял круглый кактус в глиняном горшке. Это был лысеющий, с коричневатыми потертостями, семейственный старикан, усиденный сверху целым выводком пушистых кактусят. Прежде Меф любил натывать на его иголки желтые и

розовые бумажки со всякими поручениями самому себе. Обычно это бывало нечто вроде:

Подг. + + + =

Отж. + + + =

Носки!!!

Купить еды и батареек

Некоторое время назад на кактусе появился темный нарост, крайне противный с виду, похожий на облезший хвост дохлого зверька. С неделю Даф неприязненно приглядывалась к нему, сейчас же, окончательно решив, что это болячка, решительно отломила. Звук нароста получился неожиданно полным и обиженным. Дафну это насторожило. Она поднесла его к лампе, аккуратно надсекла оболочку и увидела ярко-алый нераспустившийся цветок, покрытый снаружи словно серой шерстью.

Глядя на цветок, который она так глупо погубила, Даф ощутила острое чувство вины. Ей стало вдруг ясно, что все, происходящее в человеческой душе – то, как душа зреет и растет, – всегда тайно и сокровенно, как этот цветок. Кто на самом деле знает, что внутри того, что представляется нам струпом? Многое позволительно в этом мире, а вот скovyривать ничего нельзя. И думать плохо ни о ком нельзя, потому что все равно ошибешься.

Вот она, к примеру, осуждает Мошкина, Чимоданова и Нату, считая их безнадежными, а на деле кто знает? Может произойти чудо – и нечто стремительное, радостное, бесконечно доброе и не считающее своей доброты, подхватив их, вынесет на поверхность, к солнцу. И тогда у пустого корыта окажется тот, кто мысленно уже зачитал им обвинительный приговор.

Внезапно острая тревога заставила Дафну встрепенуться. Она почувствовала, что нужна Мефу.

...Меч появился около дивана Буслаева перед рассветом. Он лежал на ковре, даже и не пытаясь утопать в отсутствующем ворсе. Меч лежал так близко от ладони Мефа, что тот легко коснулся бы его, если бы уронил с кровати руку. Узкий, тускловатый, с четким округлым навершием.

Через минуту после меча в комнате появилась Дафна. На этот раз ее интуиция забила в барабан тревоги почти сразу. Дафна возникла беззвучно. Шторы дрогнули, надулись парусом и опали. Золотистое сияние телепортации слилось с сырным блеском откушенной луны.

В комнате спали трое. Зозо свернулась калачиком на кресле-кровати, ухитрившись накрыться с головой. Если бы этой картине требовалось название, оно было бы: «Я маленькая мышка! Меня нету!»

Эдя Хаврон лежал на спине, широко размахивая руки и отбросив одеяло на середину комнаты. Просто поверженный богатырь на героической картине. Не хватало только раскиданных вокруг трупов врагов и стрелы, торчащей в центре груди. По мужественному лбу Хаврона бродила наглая муха, которую тот отгонял грозным шевелением бровей. Ощувив сквозь сон взгляд Дафны, Хаврон грузно повернулся. Под кроватью лязгнули блины штанги.

Мефодий стонал во сне. Дафна прислушалась. По всем признакам он видел мужской «убивальный» сон № 2.1.1 по классификации мрака. Не то сам Меф кого-то «рззал», не то его «рззали». А раз так, то и возникновение поблизости меча представлялось логичным.

Первым делом Даф выглянула наружу, проверяя, не прилип ли к стене шныркий суккуб с рюкзаком гаденьких снов за плечами. Так и есть. На светлой стене дома что-то темнело, осторожно переползая. Правда, теперь суккуб успел спуститься этажей на пять вниз, поочередно забрасывая сны во все окна и форточки.

– Улыбнись и скажи: Лигул, купи парашю-ю-ют! – пробормотала Дафна и поднесла к

губам флейту.

Суккуб запоздало взвизгнул, а еще несколько секунд спустя влажный шлепок об асфальт доказал, что Дафна недаром разучивала маголодии, повторяя одно и то же до судорог в пальцах.

– Чтобы освоить любое новое движение, нужно правильно повторить его семь тысяч раз. Если вы талантливы, то шесть. Безумно талантливы – пять с половиной. Гениальны – пять тысяч, но никак не меньше! А то сделают двадцать раз и ноют: не получается! Я бездарен, как крышка от унитаза! – говаривала Эльза Керкинитида Флора Цахес, больше известная в народе как Шмыгалка.

Разобравшись с суккубом, Даф присела на корточки, озабоченно разглядывая меч и размышляя, как с ним поступить. Клинок не появлялся уже месяца два с половиной, с тех пор, как у Мефа отняли память о его службе мраку.

«Хорошо бы убрать его куда-нибудь, а то Меф проснется – и что? Еще решит, чего доброго, поиграть с дядей Эдей в секир-башку и удивится, почему не получилось понарошку», – подумала Даф.

Она хорошо знала своего подопечного. Меф не в состоянии был пройти мимо турника, чтобы на нем не повисеть, мимо тира, чтобы не стрелнуть, и мимо меча, чтобы им не помахать.

Дафна легкомысленно протянула руку, чтобы взять меч, но так и не успела его коснуться. Клинок изогнулся, сделал неуловимо-быстрое движение и наискось рассек ей правую ладонь от мизинца до середины подушечки большого пальца.

Даф вскрикнула, запоздало ощутив холодную длинную боль, возникшую из точки и сразу расширившуюся и захлестнувшую все ее сознание. Алая, сияющая кровь светлого стража хлынула на клинок. Секунду или две он жадно впитывал кровь, как губка, так что на поверхности и капли не осталось. Тусклая сталь вспыхнула, побелела, расплылась и исчезла – точно блестящая гадюка скользнула в нору.

Даф старалась не смотреть на раненую ладонь. Ей вполне хватало мерзкого ощущения сбегавших по пальцам и срывававшихся липких капель. Морщась, здоровой рукой она стянула с плеч рюкзак и вытянула флейту. Рассеченную ладонь она поневоле держала на отлете, пачкая ковер. Играть на флейте одной рукой было невозможно. Заливать же флейту кровью ей не хотелось. Да это и не привело бы ни к чему. Пальцев раненой руки Дафна не ощущала. Они были чужие и онемелые.

Сосредоточившись, Дафна вызвала Корнелия. Связой света был гораздо бестолковее Эссиорха, однако вопросов задавал меньше и смотрел не с таким сострадательным укором. От него проще было схлопотать пинок, чем добиться укоризненного взгляда. Даф же порой предпочитала пинок.

Корнелий появился почти сразу. Он был заспанный, злой и в одном ботинке. Флейту он, однако, захватил с собой и даже успел примкнуть к ней штык.

– Чего тебе? Тройх ты ухлопала! Дрыхнут как суслики! – хмурым шепотом сказал он Дафне, с сожалением обнаружив, что врагов в комнате нет и крошить некого.

Дафна молча показала ему ладонь. Корнелий моментально перестал болтать и принялся откручивать мешавший ему штык.

– Без паники! Ничего ужасного не произошло! И без пальцев люди живут! – бормотал он.

«Хорошенькое утешение!» – подумала Даф, наблюдая, как он подносит флейту к губам.

С маголодиями Корнелий напортачил и, останавливая кровь, сделал так, что шрам на ладони у Даф покрылся темным, очень густым мехом.

– Фа диз! Понимаешь: ди-ез!!! – подсказала Даф, попутно ощущая, что у нее начинают расти и увеличиваться передние зубы. На ножки табурета она смотрела теперь почти хищно.

– А, ну да! Фа – это для раненых бобров! Как же я мог перепутать? – спохватился Корнелий.

– Не фолфай! Сфевай фто-нифуть! Или я тефя уфуюю! – с усилием произнесла Даф.

Передние зубы уже доросли у нее до середины подбородка, и это, видимо, был еще не предел.

– Уфююю – это как? – заинтересовался Корнелий. – Кстати, тебе никто не говорил, что ты похожа на саблезубого бобра?

Дафна молча пнула его. Связой света предусмотрительно отскочил и, хихикнув, исправил ошибку.

Убедившись языком, что ее зубы вернулись к прежнему размеру, Даф сердито оттолкнула Корнелия и подошла к окну. При лунном свете заметно было, что рана закрылась. Кровь больше не бежала, однако Дафна ощущала в глубине ладони холодную пульсацию. Боль, проникающая под кожу, жила внутри и никак не могла утихнуть.

«Странно. По идее, исцеление должно быть полным», – растерянно подумала Даф.

Проверяя, она несколько раз сжала и разжала ладонь. Пальцы повиновались, хотя и с замедлением, как у человека, вернувшегося с мороза. Все же их подвижности хватило, чтобы маголодией очистить ковер от крови.

– У-эээ! Бли-ии-ин! Бы-ы-лиии-и-и-ин! – заохал кто-то рядом.

Оставленный без присмотра, Корнелий додумался выкатить из-под кровати штангу Эди, попытался приподнять и, благополучно опустив себе на ноготь большого пальца, занялся печением блинов и сочинением былин.

Зозо зашевелилась под одеялом. Меф открыл глаза и сел на диване. Даф даже позавидовала, как Корнелию легко удалось его разбудить. Уж она-то хорошо знала, каких усилий ей всегда стоило поднять Мефа. У них даже особый термин существовал – «стоять над диваном», где-то равный по смыслу «стоянию над душой». «Стояние над диваном» заключалось в том, что она, Даф, прыгала по комнате общежития озеленителей, терла Буслаеву уши, забирала одеяло и монотонно повторяла намеренно противным голосом: «Вста-а-авай! Вста-а-авай! Вста-а-вай!»

Опытным путем Даф высчитала, что будить Мефа нужно никак не меньше пяти минут. Если же поверить, что результат достигнут, и уйти, допустим, через три минуты, то Меф, кажущийся проснувшимся, свесивший ноги и смотрящий ясными глазами человека, готового приступить к будничной жизни, окажется лежащим и дрыхнущим поперек дивана, а то и вообще на коврик. Короче говоря, там, где настигнет его злодейская пуля дяди Морфея.

Это, конечно, за исключением дней, когда Буслаев брался тренировать волю. Тут вообще получался парадокс, потому что, подорвавшись часа в три ночи, Меф бегал по комнате, принимал душ, отжимался и молотил кулаками грустную «тетю Грушу». Из бедной, многократно залатанной «тети» бежал песок и летели опилки.

Закончив с «тетей Грушей», а заодно и с воспитанием воли, Меф обычно долго стоял посреди комнаты, размышляя о чем-то монументальном, после чего громко и назидательно говорил спящей Дафне:

– Напомни мне утром, что надо купить мешки для мусора!

Но так было прежде. Теперь же Меф подскочил всего-навсего от сдавленного вскрика Корнелия. Поняв, что еще немного – и их увидят, Дафна поспешила исчезнуть. Охающий Корнелий телепортировал с запозданием на полторы секунды.

Меф так и не понял, видел он что-либо или нет. Когда он зажег свет, в комнате никого не было. Крик же приписали Эде, которого хитрый Корнелий, перед тем как исчезнуть, маголодией сбросил с кровати.

Заснуть Меф не пытался. Что-то тяжелое, связанное не то со сном, не то с чем-то иным, мучило его и тревожило. В памяти оживали и сразу погасали воспоминания, похожие на брызги краски на белом холсте. В комнате висел слабый, дразнящий, почти неуловимый цветочный запах, почему-то напомнивший ему о Дафне. Ощущение ее недавнего присутствия здесь было таким реальным, что он даже опустил на четвереньки, втягивая ноздрями воздух.

– Ты чего? – спросил Эдя.

– Просто так!

– «Просто так» ковер не нюхают! – резонно заметил Хаврон.

Меф решил.

– Что ты обычно делаешь, когда ночью тебе мерещится любимая девушка?

Эдя, чесавший короткопалой пятерней мощную грудь, прервал свое занятие, чтобы покрутить пальцем у виска.

– Я понял, – сказал Меф. – Ремонтируешь мыслящий аппарат. Дальновидно.

Чтобы не слышать праведно-негодующего мычания желающего спать дяди, Меф отправился на кухню. Потоптался у открытого окна, выглядывая в подсвеченную далекими прожекторами ночь. Выпил воды из-под крана. Зозо сто раз пыталась отучить его от этой привычки, но это не особо помогало, потому что и она сама то и дело, отдыхая от материнской роли, так поступала. К тому же Мефодий почему-то всегда был уверен, что не он дохнет от микробов, а они от него.

Вода камнем легла в желудок, не прогнав беспокойства. Меф, ненавидевший всякую расслабленность, отправился в душ и долго стоял под струей, пока тело не стало сердито-красным и равнодушным к холоду. Тогда он растерся полотенцем и все на той же кухне, с заездом длинных ног в коридор, отжался в первом подходе девяносто два, во втором – семьдесят и в третьем – пятьдесят восемь раз.

Трицепсы и грудные мышцы забились приятной тяжестью. Мутная тревога отступила. Если бы хоть вспомнить, что снилось ему ночью и почему он проснулся таким разбитым?

«В четыре часа утра отжимаются только психи. Или Буслаевы!» – выплыл в памяти чей-то голос. Меф отмахнулся от него как от навязчивой мухи.

– Надо что-то делать! Что-то менять! – громко сказал он в открытое окно.

* * *

– Привет! Чего с тобой такое? – с беспокойством спросил Меф.

В каждой руке у него было по грязному подносу с посудой, и еще один хитрым образом угнездился между ними. Недопитый бумажный стакан с кофе съезжал то вправо, то влево, пока не определившись, в какую сторону ему завалиться.

Выглядела конструкция хлипко, и, если не обрушилась пока на голову никому из посетителей «Пельменя», то лишь потому, что достойная голова до сих пор не была обнаружена.

– А что со мной? – спросила Даф.

– Ну... э-э... выглядишь ты неважно... Словно вампир выпил из тебя весь томатный сок! – Голос Мефодия вильнул, как собачий хвост. Он не был уверен, что девушкам об этом говорят.

– Спасибо, – поблагодарила Даф.

– Да, в общем, не за что, – виновато ответил Меф.

Обеспокоенная Дафна отыскала на стене зеркало. Точнее, это были здоровенные зеркальные часы, призывавшие не растрачивать время жизни попусту, а с утра до вечера проводить его в «Звездном пельмене».

Часы Дафну не утешили. Собственное лицо показалось ей посторонним. Бледное, перевернутое. Под глазами – круги. Чувствовала же она себя, как ни странно, неплохо.

– Питаться надо нормально! И спать по ночам! Надо мне будет бросить работу и плотно заняться твоим воспитанием! – заявил Меф. Он все еще торчал рядом со своими подносами, представляя опасность сразу для двух столиков.

Дафне стало тоскливо до лютой. «Вот она, настоящая мужская забота!» – подумала она.

Дверь служебки закачалась. В зал выкатилась кругленькая Гощикова. Пчелой подлетев к Мефу, она сердито прожужжала:

– Буслаев!

Меф не удивился, что он Буслаев. Свою фамилию он выучил еще в детском саду и

закрепил в младших классах. В сущности, это было единственное верное и надежное знание, которое он вынес из общеобразовательной школы. Все остальные знания были приблизительными.

– Ну?!

– Не нукай! Кто последний спускался в подвал за брикетами: ты или Памирджанов?

– Я! – с гордостью сказал Меф, не видевший повода дарить Памирджанову свои социальные заслуги.

У Тошиковой побагровели нос, клочок лба и два участка на подбородке размером с рублевую монету. Краснела она всегда точечно.

– Ты меня запер! Выключил свет и поставил на сигнализацию! Два часа я сидела на ящике, пока Митина не спустилась! – крикнула Тошикова.

Упомянутая Митина караулила тут же, в полуметре, притворяясь, что задвигает стул. Вид у нее был внешне незаинтересованный. Казалось, ей все равно – отправят Буслаева на корм пельменницам или помилуют.

Меф сделал самое глупое, что мог сделать в подобных обстоятельствах, а именно заржал. Тошикова, вытянув руки, схватила его за горло, собираясь задушить, но не задушила и внезапно хрюкнула. Звук был пороссячий, радостный и свежий. Сразу три столика радостно оживились и бросились заказывать пельмени со свиной.

– Холод там дикий! Я клеенку на себя наматывала, чтобы не замерзнуть! – сказала Пончик сквозь смех.

Последовательно злиться она не умела. Митина сердито пнула стул и отошла.

* * *

В середине июля, когда вылились все дожди и на небе не осталось больше воды, в Москве объявилось лето. Нерешительное, бледное, оно развело солнечными руками сизые тучи, деликатно, как из блюдца, выпило все лужи, а потом набралось сил да и осталось. Сухим жаром облило проспекты. Высветило неожиданные кувшинки на Москве-реке в промежутках между строительными баржами. Воспламенило желтыми прыгучими огнями темные воды Яузы, так что больно было смотреть.

Днем асфальт разогревался так, что можно было печь оладьи, если бы обнаружили желающие их есть. Крыши машин пламенели. Воробьи выстраивались в очередь к единственной в Москве луже у фонтанов на Манежной площади, свидетельствуя, что жара продлится долго.

Неблагодарные москвичи, прежде клявшие дожди, теперь стали поругивать жару. Зонтики, впрочем, таскались по-прежнему. Истинный москвич всегда недоверчив.

В один из таких дней Мефодий и Дафна шли по Большой Никитской, направляясь от журфака МГУ к бульварам. Смена в «Звездном пельмене» закончилась сорок минут назад. В голове у Мефа еще толкались перебивающие друг друга слова: «Ваш чек! Приятного аппетита! Приходите еще!», а кожа рук пахла дезинфицирующим раствором, которым в «Пельмене» протирают рабочие поверхности кухни.

После той пикировки с директором по подготовке персонала Меф ожидал перевода на мойку холодильников или на парковку, однако о нем словно забыли. То ли у Бруха не находилось времени о нем вспомнить, то ли Даша Пименова действительно приносила ему удачу, как она сама с улыбкой утверждала.

– И как? Приняли тебя? Сдал? – спросила Дафна.

Она знала, что утром перед сменой Мефодий ездил в универ смотреть вывешенные результаты экзаменов. По тому, как Меф неохотно разлепил губы, Даф поняла, что если бы ему было чем похвастать, он сделал бы это еще в «Пельмене».

– Угум. Сдал. Аляску, Финляндию, Польшу и Алеутские острова. Остались штаны и три пуговицы, – проворчал Меф.

– Что, не поступил?

– На дневной баллов не наскреблось, но написал я вроде нормально. Меня внесли в резервный список.

– Это как? – не поняла Даф.

– Ну если кому-то столб упадет на голову и он передумает учиться, меня возьмут.

– А такое бывает?

– Да сколько угодно! Вертолеты, кирпичи, дохлые вороны...

– Я не о том. Кто-нибудь может передумать?

– Ну мало ли... Я бы не передумал, – сказал Меф без особой надежды.

Даф вздохнула. Соблазн, конечно, был большой, но если она ради Мефа прихлопнет кого-то столбом, то чем тогда свет будет отличаться от мрака? Лучше уж тогда идти на платное.

У консерватории они нежданно-негаданно встретили Чимоданова. Петруччо стоял, задрал голову, и внимательно смотрел на памятник великому композитору. Лицо у него было созерцательное. Под наивными детскими глазами залегли голубоватые тени. Волосы торчали как проволока.

Дафна подкралась сзади. Ей захотелось толкнуть Чимоданова под колени. Однако у Петруччо была слишком хорошая реакция. Он обернулся.

– Прикидываешь, сколько динамита надо? – любопытствовала Даф. Она склонна была приписывать Чимоданову только определенные мысли.

Петруччо оскорбился, как карточный шулер, которому сказали, что он не сумеет отличить короля от туза:

– Думал: смогу я его оживить. Вообрази: топает такой среди машин. Капитально?

– Капитально, – согласилась Дафна, строго взглянув на Чимоданова.

Тот был уже предупрежден, что всякий, напомнивший Мефу о его прошлой службе мраку, будет немедленно катапультирован с использованием ботинка сорок пятого размера. Такой размер был у Эссиорха.

Меф с любопытством смотрел на Чимоданова. Сообразив, что Мефодий его не узнает, Дафна их познакомила. Чимоданов познакомился с Буслаевым с большим удовольствием и тряс ему руку до тех пор, пока Дафна не наступила Петруччо на большой палец ноги.

В эту секунду из консерваторского кафе, в котором вечерами подвыпившие околмузыкальные фрукты лезут двумя пальцами сбавать на фортепьяно «Мурку», вышли Ната и Мошкин. Ната шагала решительно. Евгеша догонял ее короткими перебежками, пытаясь на ходу завязать шнурок.

– Минеральная вода у них теплая! Теплая же, да? – привычно сомневался он.

Заметив Буслаева, Мошкин радостно подскочил к нему. Евгеша был единственным, кого Меф узнал. Именно Мошкин вытаскивал его из котлована на Большой Дмитровке и сидел у кровати в квартире Эссиорха, когда Меф очнулся. С Вихровой же ему тоже пришлось знакомиться заново.

Ната подошла к знакомству серьезно. Вначале попыталась представиться Ариадной, затем Викторией, после этого нежно потрогала Мефу грудные мышцы острым ногтем, вслух поразившись тому, какие они сильные. И все это время лицо ее прыгало, лоб морщился, а улыбки били сериями по три и четыре, как короткие автоматные очереди.

– Подержи, пожалуйста, моего кота, Ариадна! – мило сказала Даф и сунула в руки Наты Депресняка, которого та терпеть не могла.

Увидев перед собой усатую бандитскую рожу, Ната отпрыгнула назад с таким ужасом, что едва не размазалась по постаменту памятника великому композитору.

Дальше они гуляли уже все вместе, большой компанией.

Виктория, она же Ариадна, охмурила всех подряд, отыгрываясь за неудачу с Мефом, больно уколотившую ее самолюбие. Потом на нее наехал велосипедист, парень лет двадцати пяти, в бейсболке, надетой козырьком назад. Вскочив, Вихрова и ему тоже грохнула сердце. Правда, тотчас об этом пожалела.

Велосипедист попался приставучий, как дешевая турецкая жвачка, используемая

сметливым русским народом для экстренной подклейки разъехавшейся обуви. Буксируя за рога своего железного друга, он тащился сзади, монотонно просил прощения и умолял выйти за него замуж. Даже порывался показать паспорт, мол, у него нет ни штампа о браке, ни детей.

– Накройся медным тазом! Знаешь, почему у тебя детей нет? У такого, как ты, рождаются только краснощекие потребители! – отрезала Ната.

Обладатель непроштампованного паспорта зацепился штаниной за педаль, однако накрываться медным тазом не стал, видимо из-за отсутствия при себе таза.

Эту фразу Вихрова спонерила у Улиты. Причем одолжила прочно, без надежды на возврат. В конце концов, Натe она была нужнее. Не Улита разбивала по восемьдесят сердец в день. Ее трудовые нормы были куда скромнее.

От велосипедиста избавились, пройдя сквозную торговую галерею, куда с железными друзьями не пускали.

Чимоданов и Мошкин надумали забредать по дороге в магазины и притворяться даунами. Чимоданов в роли дауна был убедительнее Станиславского. Он бродил, за ногу волоча за собой Зудуку, который бумкался головой о пороги и ступеньки, как классический Винни Пух.

Его все жалели, а в одной продуктовой палатке даже бесплатно дали шоколадку, на которую он, жалобно бляя, показывал пальцем. Мошкину же убедительности не хватило. Или, может, он просто не туда сунулся. Из ювелирной лавки его вывели за ухо.

Охранник был сухонький и воинственно-сердитый старичок, которого легко было представить в роли мужа Мамзелькиной. Только у Аиды Плаховны была коса, у старичка – смешная сбруя из дубинки, газового баллончика и открытой кобуры, в которой вместо пистолета торчала рация.

Спасая Мошкина, Дафна подошла к охраннику и стала на него смотреть.

– Девушка, чего вы на меня уставились? Я что, красивый? – с досадой спросил охранник.

– Да. Очень красивый. У вас добрые глаза, – сказала Дафна без иронии.

Старичок что-то растерянно пробурчал. Раздражение из него уже выветрилось. Отпустив ухо Евгеши, он вытер пальцы о рукав, повернулся и вновь скрылся в магазине.

– А пальцы-то зачем вытирать? – спросил Мошкин с обидой.

– Чтобы самовоспламенения серы не было! – пояснил Чимоданов.

Он так ржал, что от хохота осел на тротуар. Смирный Евгеша внезапно вспыхнул.

– Ты мне не друг! – сказал он решительно.

Утвердительная интонация в собственном голосе так изумила Мошкина, что он даже моргнул.

– Как это не друг? – озадачился Чимоданов. – А ты мне, выходит, друг?

– Я тебе друг! – заверил его Евгеша.

– Как такое может быть? – не врубился Петруччо.

Оскорбленный Мошкин промчался вперед, и вместо него объяснила Даф.

– А я понимаю так. Вот скажи: корова человеку друг? – спросила она.

– Ну, – согласился Чимоданов.

– А человек корове друг или не друг? Только откровенно?

Петруччо шмыгнул носом, раздвигая сухие губы в широченной улыбке. Между верхними зубами у него были здоровенные щели. Нижние, напротив, напознали друг на друга, точно льдины в ледоход.

– Заметь, что не я первый сравнил Мошкина с коровой! – заявил он, очень смутив этим Дафну.

Нату необычные зубы Чимоданова внезапно очень заинтересовали и, когда Петруччо наехал на нее минут пять спустя, она, огрызаясь, спросила, когда он чистил их в последний раз.

– Лучше спроси, когда я почищу их в первый раз! И вообще: налет на зубах защищает

их от порчи! – без тени обиды парировал Чимоданов.

Ната огорчилась. Всегда обидно, когда хочешь сказать гадость, а на тебя не обращают внимания. Все равно что долго прятать за пазухой пригоршню грязи, самому перепачкаться, а потом промахнуться, бросая с двух шагов.

– Превратить свои недостатки в принцип – это сильно. Я тебя люто ненавижу, Чимоданов! Ты злобный пигмей! Непрошибаемое животное! – прошипела она.

Злобный пигмей самодовольно хихикнул.

– Кажется, сегодня день разборки чемоданов! – неосторожно пошутила Даф.

Петруччо гневно выпрямился и высоко, как римский диктатор, вскинул подбородок.

– Подчеркиваю в первый и в последний раз! Про чемоданы в моем присутствии... – начал он.

– «...прошу не заикаться!» – одновременно закончили Мошкин и Ната.

Чимоданов хотел что-то возразить, но внезапно застыл и, повернувшись, проводил кого-то взглядом.

– Опа! Какая девушка хорошая! – сказал он.

Все изумленно повернулись, чтобы посмотреть на хорошую девушку Чимоданова. За восемнадцать лет жизни это был первый случай, когда Петруччо отозвался о девушке без цинизма.

Оказалась, что девушка Чимоданову понравилась такая же, как и он. Небольшого роста, крепкая, на быстрых решительных ногах с сильной голенью. Такие девушки шагают так упруго, что, кажется, после каждого шага их подкидывает.

– Чимоданов начинает интересоваться противоположным полом! Невероятно! Не иначе как наступил сезон цветения пеньков и парковых лавок! – заявила Ната.

В ее голосе звучала легкая досада, проявлявшаяся у Вихровой всякий раз, когда кто-то смел интересоваться не ею, а кем-либо другим.

– Хочу познакомиться! – сказал Чимоданов Мефу.

Буслаев не возражал.

– Знакомься!

– Ага, знакомься! Ща! Давай ты сдернешь у нее мобилку, а я тебя настигну и сломаю тебе шею! – предложил Чимоданов.

Буслаев отказался. Мошкин тоже не горел желанием. Он так долго переспрашивал: «Кто? Я?», что девушка ушла и вместе с собой унесла целый виток несвершившейся судьбы.

– Сволочи вы! Мобилку сдернуть не могли! Теперь вот попросите меня о чем-нибудь! – угрюмо сказал Чимоданов и молчал целых три минуты, изредка замахиваясь, чтобы хлестнуть себя по спине Зудукой.

Ната все не могла успокоиться. Влюбленный Чимоданов не давал покоя ее воображению.

– У меня есть отличная подруга! Футболистка! А ноги какие! Ты таких и не видел! Страуса запинаят в восемь секунд, – дразнила она.

– Познакомь! – сразу клюнул Чимоданов.

– Даже и не подумаю! – отказалась Ната.

– Почему?

– У меня принцип такой. Никогда не знакомить своих друзей между собой. Особенно мальчиков и девочек. Это хуже, чем оказаться между вагонами во время сцепки. Куда ни дернешься – все равно придавит и кругом окажешься виноват, – заявила Вихрова.

Петруччо постучал пальцем по лбу.

– Подчеркиваю! Фактор Ж! – категорично произнес он.

Фактор Ж означал у него «фактор женщина», и этим все было сказано.

Они прошли по Никитской и свернули к Новому Арбату. Через дорогу от них каменел высокий бульвар с новыми скамейками.

Здесь к Чимоданову подошли два стареньких японца, которым на двоих было лет сто семьдесят, протянули ему фотоаппарат и знаками попросили их снять. Петруччо старательно

шелкнул, держа Зудуку в зубах, а затем преспокойно сунул фотоаппарат в карман и застегнул «молнию». Дождавшись, пока с вежливых японских лиц сметет дежурные улыбки, он расстегнул «молнию» и вернул им фотоаппарат. Старички вновь заулыбались, часто кивая и быстро пятась.

– Перегрелся? – спросил Меф.

– Обожаю производить мерзкое впечатление! – самодовольно сообщил Чимоданов. – И вообще, откуда они знают: может, я всемирно известный фотограф, и эта камера – мой авторский гонорар?

Даф хмыкнула. Некогда Петруччо выбрал себе амплу нравственного уродца и теперь изо всех сил его поддерживал. Поначалу это было нечто вроде: «Я знаю, что я смешной урод, но я буду уродом, потому что мне нравится быть уродом!» Да и получалось неважно, но мало-помалу привычка прорастала и преобразовывала натуру.

Пользуясь тем, что внимание Дафны отвлечено на Чимоданова, Мефодий взял ее за руку. Ладонь Даф чуть дрогнула, но осталась у него в плену. Даже на миг дружелюбно сжалась. Ната зорко покосилась на руку Мефа. Такие детали никогда не ускользали от ее быстрых глазок.

– Что за хватательный рефлекс? В каждом парне дремлет младенец? «Мамочка, возьми меня за ручку!» – поинтересовалась она.

– При чем тут это? Может, я дорогу боюсь один переходить! – спокойно пояснил Меф.

– Какое совпадение! Я тоже! – умилилась Вихрова. – Эй, Пименова Дарья Батьковна, дайте мне тоже ручку!

– Давай я тебя возьму! – предложил Чимоданов, только что закончивший ковырять в носу.

– Ага, щас! Ты меня под машину попадешь! – отказалась Вихрова.

– А я? – предложил Евгеша.

– Ой, только не ты! – взмолилась Ната. – Все, кто угодно, только не Мошкин! Ты будущий мамик!

– Что за мамик?

– Худшая разновидность папика, – отрубил Вихрова и хладнокровно перешла одна, наплевав на запрещающий сигнал светофора.

Ната о чем-то размышляла, с кошачьей ловкостью идя по бровке, бок о бок с проносющимися машинами.

– Интересная тема для нездоровых фантазий! – внезапно заговорила она. – На необитаемый остров поселили группу маленьких детей. У них есть пища, дом, компьютерные программы, которые учат читать, книги – короче, все, что нужно. Но одна оговорка: ни в одной из их книг нет слова ЛЮБОВЬ и вообще ничего о любви. Смогут они когда-нибудь любить? Я имею в виду чувство.

Даф покосилась на Нату с удивлением. Вихрова всегда казалась ей нравственно и содержательно примитивной, как мелодия о чижике-пыжике, а тут вдруг такая мысль. Вот уж правду говорят: человек всегда шире любого твоего суждения о нем.

Чимоданов хмыкнул.

– А пока они маленькие были, почему они не передохли? Кто этих детей обслуживал? – уточнил он.

– Отвали! Какая разница кто?! Роботы! – огрызнулась Ната. – Так что: смогут или нет?

– Не-а, куда там, – усомнился Петруччо. – Как чаек камнями подбивать, может, и сообразят, а насчет прочего вряд ли.

– А я думаю, смогут. Даже скорее, чем остальные, – уверенно ответила Даф.

– Почему? – озадачилась Ната.

– Потому что остальной мир знает слово «любовь» в его дежурном виде, короче говоря, ест то, чем кормят в фильмах, а что ему соответствует – само наполнение понятия, всю его глубину – постепенно забывает. Остался один скелет слова, внутри же все выгнило. Там же на острове, возможно, не будет самого слова, но возникнет главное – его внутреннее

наполнение.

– И откуда оно там возьмется? – усомнилась Вихрова.

– Само появится, – заверила ее Даф. – Из сочувствия, сострадания, жалости, заботы. Если они будут, то любовь не сможет не появиться. Если есть зажженная спичка и облитые бензином дрова – костер возникнет сам собой.

Ната выслушала ее недоверчиво.

– Я такой любви не хочу! Какая-то она каличная, – заявила она.

– А какой ты хочешь? Чтобы табуретки летали? – уточнила Даф.

Ната расцвела.

– Ага. Самое то!

– Распространенное детское желание. Правда, в большинстве случаев оно сохраняется до первой табуретки, которая попадает тебе в нос, – согласилась Даф.

– Не факт. У некоторых дольше, – сказал Меф, думая о матери.

Они шли по Новому Арбату, когда их обогнал щеголеватый человек с пятном кетчупа на заднем кармане светлых брюк. Он шел, пританцовывая, и так вихлял бедрами, что ухитрился цеплять тазом всех проходивших мимо. Каждого задетого он хватал за запястье и, заглядывая ему в глаза, извинялся. Заметив на газоне невзрачный цветок, мужчина подскакивал от восторга, с воплями подбегал к нему на четвереньках и обязательно нюхал. В какой-то момент у него из кармана выпала скомканная сторублевка и точно специально была поднесена ветром к ногам Евгеша.

– Эй, вы уронили! – крикнул добрый Мошкин.

Даф попыталась лягнуть его ногой, но было поздно. Человек с пятном кетчупа обернулся. Это был суккуб Хнык. Его простроченное лицо сияло.

– Нюня моя! Кого я вижу! Евгешечка, Дафочка, Мефочка! А я-то иду и думаю: «Что за симпампули?» Как тесен мир! Как же я рад, нюня моя! – засюсюкал он и, облизав губы, бросился целоваться.

Дафна притормозила его фразой: «Спасибо! Не надо!» Ненавистное суккубу слово было подобно двойному останавливающему выстрелу в бронежилет. Хнык отскочил, с трудом переделав злобную гримасу в дружелюбную улыбочку.

– А я тут вот тружусь, дорогули мои! – сказал он. – Кстати, слышали новость? Контору-то нам новую отгрохали. Блеск и чистота! Десять приемных окон! Работает круглосуточно, не то, что раньше. Никаких неприемных дней, перерывов. И хочешь порой в очереди потолкаться – ан нет ее! Товар сдал, регистрацию шлепнули – и иди дальше вкальвай!

Лепеча, Хнык не забывал переводить глазки с одного собеседника на другого. Глазки у него были цепкие, засасывающие, как пылесосы, и совсем не вязались с добреньким и расхлябанным голоском неостановимого болтуна.

– Вы-то как сами? Как жизнь?

– Прекрасно! – ответила за всех Даф. С ее точки зрения, все подробности для Хныка были лишними.

– Ну у вас-то в эмпиреях все всегда прекрасно!.. – ехидно сказал Хнык. – А как Арей поживает?

– Понятия не имеем, – сказал Чимоданов.

Это было правдой. Все они не видели Арея уже два с половиной месяца, с того дня, как он отдал карту Варваре. Где он теперь и что с ним – загадка. Лишь мельком они слышали от Эссиорха, что за голову мечника Лигул назначил награду.

В разговоре Хнык то и дело вопросительно поглядывал на Мефа, точно приносивался к нему. Даф присела на корточки и, открыв рюкзак, неназойливо продемонстрировала Хныку флейту. Хныкус Визглярий Истерикус Третий, неглупый, как все суккубы, правильно понял намек и прикрыл словесную лавочку на вербальный засов.

– А что за контора? – спросил Меф.

– Так контора она контора и есть! Офис, стало быть! – уклонился Хнык, тревожно

косясь на рюкзак Дафны.

Меф с интересом разглядывал Хныка. В отличие от Дафны, простроченного лица он не замечал, но все равно ощущал тревожащую двойственность. Он давно обнаружил, что выражение – или то, по чему мы судим о выражении – зависит порой от малейшего пустяка: едва приметного движения мышцы, поворота головы или случайной тени, скользнувшей по крылу носа. Даже горошину за щекой не спрячешь так, чтобы это не отразилось на лице.

Вот и в лице Хныка он явственно улавливал ложь, но, чувствуя ее, не понимал, откуда она возникает. Суккуб продолжал что-то лепетать, подпрыгивать и несколько раз в разговоре с Мефом упоминал Прасковью, всякий раз гадко подмигивая.

– А что, получается, Прасковья сейчас главная? – наивно спросил Мошкин.

Хнык улыбнулся правой половинкой рта и туманно пошевелил пальчиками, будто намекал на что-то, чего не мог озвучить.

– Главная-то она главная... Да! Мы ее страсть как уважаем, нюня моя! Да только мы существа подневольные. Маленькие существа, то есть. Нам до такого высокого начальства не допрыгнуть. У нас и поближе начальник есть. Помощник Прасковьи!

– Ромасюсик, что ли? – поразила Даф.

Хнык захихикал, продемонстрировав зубки. С одной стороны рта они были мелкие, женские, острые, как у хорька, со следами помады, а с другой – крупные, тесно-крепкие, с синеватой подъединкой в стыках. Такие идут обычно в комплекте с квадратным подбородком.

– Какой там Ромасюсик, мамуля! Ромасюсик – пуф! А тут личность! Персона, нюня моя! Куда там Арею!.. Тому бы только головы сносить, а тут государственный ум! – В голосе Хныка послышалось благоговейное уважение, какое нередко испытывает мелкий жулик при виде махинатора крупного калибра.

Хорошее настроение Дафны дало трещину. Новость была скверная. Как она и предполагала, Лигул не доверил Прасковье самостоятельное руление российским мраком, а прислал из Тартара кого-то более толкового. Прасковье же была уготована роль свадебной генеральши. Она сколько угодно могла расплавлять взглядом комиссионеров, рвать пергаменты, страдать от силы собственных желаний и хохотать – но только этим все и ограничивалось.

Не она же, в конце концов, устроила эти десять безостановочно работающих окон, в которые то и дело просовывались липкие ручонки с зажатыми русскими эйдосами? При Арее, в конце концов, был только стол, за которым Улита шлепала печатью да и по физиономии могла ею же треснуть.

– И как зовут этого нового? – спросила Даф.

Хнык высунул острый язычок, как принюхивающаяся змейка. Голос у него в смущении завилал. В жабьих губах заблудилась улыбочка.

– Пойми меня правильно, золотце мое! Может, это и не особая тайна, да только лучше, если ты не от меня узнаешь... Все ж таки ты не из нашего болотца! Давай без обид, а?

Дафне захотелось его пнуть. Ей неприятен был этот липкий, вкрадчивый голосок. Да и какое она ему золотце? Бриллиантец ты наш!

– Ну хорошо. А как выглядит, можешь сказать?

Суккуб смутился. Как существо маленькое и зависимое, в оценках он всегда проявлял крайнюю осторожность.

– Орел, нюня моя! Истинно коршун, Тухломошей клянусь! Лев! – восклицал он, предпочитая размытые характеристики.

Ната задумалась, сбита с толку этими зоологическими восторгами. Можно было решить, что Лигул заслал в Москву целый зоопарк.

– А заглянуть-то в резиденцию можно? Любопытно, как там чего отстроили! – сказала она.

Услышав о желании Вихровой, Хнык засомневался и, сдернув с ноги узкую девичью туфлю, мгновенно связался с резиденцией, держа туфлю у уха, как трубку. Разумеется, он

мог бы сделать это и так, но суккубы обожают театральщину. Секунда – и из тупли полился громкий, сдобный голос Ромасюсика.

– Заглянуть – да ноу проблемов! Прашечка не хаает ничего против! – зачирикал он утренним воробушком. – Хлебанем чаечку два по двести пятьдесят! С шугером! Тортик рубанем! А Зигги Пуфс-то как рад будет!..

– Что за Зигги Пуфс? Это тот самый, да? – насторожилась Даф.

Хнык так застенчиво и красноречиво заколыхал плечиками, так сложно заиграл ускользящими улыбочками, что ответ пришел сам собой. Даф убедилась, что Зигги Пуфс и был тот самый таинственный орел, коршун и лев в одном лице.

– О, там и Дафочка! Слышу знакомое вяканье! – обрадовался Ромасюсик. – А Мефочки рядом нету? А то Праша мне весь рукав издергала. Она очень... у-о-ой... ухо!.. Зачем же так сразу?

Послышался хруст пористого шоколада. Хлопнула дверь.

– Какое ухо? – не поняла Ната.

– Никакое. Новое теперь только завтра вырастет, – горестно сообщил изувеченный Ромасюсик.

Ната засмеялась.

– Предсказываю: однажды Прасковья проснется среди ночи голодная, злая и несчастная. Она наберет номер Мефа, просто, чтобы послушать его голос, но к телефону подойдет Дафна. Тогда Прашечка разобьет телефон о стену, устроит где-нибудь извержение вулкана, и тут ей случайно подвернется Ромасюсик. Он не успеет даже пискнуть: она сожрет его целиком, до последнего ногтя, запивая водой из-под крана.

– Хе-хе-хе! Хю-хю-хю! – залился смехом Ромасюсик. Однако чувствовалось, что смеяться ему не хочется.

Дафне стало грустно. Она остро ощутила, как Прасковья несчастна и как она, Даф, возмутительно счастлива на ее фоне. У нее есть свет, и Меф, и Депресняк, и полеты, и флейта – и много чего еще. А у Прасковьи, если задуматься, только придурок Ромасюсик, хотя она будто бы и повелительница мрака. И вот она и себя терзает, и Ромасюсика поедом ест.

Когда ты любишь – тебе принадлежит весь мир. Когда ненавидишь – ты даже сам себе не принадлежишь, а принадлежишь одной только ненависти.

– Так что, Ната, ждать тебя? Когда? – спросил Ромасюсик, переставая хюхюкать и хехекать.

Вихрова задумчиво посмотрела на ближайшую водосточную трубу, которая, точно рыбьей чешуей, шелушилась рекламными бумажками.

– Где-то через полчаса, – сказала она.

– А Мефа ждать? Если Праша спросит?

Умный Хнык посмотрел не на Буслаева, а на Дафну.

– Светлая мотает головой! Вот из каких составляющих рождается твердое мужское «нет», – сказал он противным голосом.

Удар был нанесен метко. Меф ощутил досаду. Дафне же захотелось размазать Хныка маголодией по всему Новому Арбату, раскатав его по асфальту в толщину одной молекулы. К слову сказать, и подходящая маголодия в арсенале у нее имелась. Что ни говори, а суккубы умеют ссорить как никто. Замешкаешься, позволишь проникнуть в себя самолюбию или обиде, и крошечную трещину в отношениях, которая в противном случае заросла бы сама собой, эти скользкие гады растянут до размеров пропасти.

Ромасюсик в трубке хрюкнул.

– А *те двое* придут? – спросил он, объединяя Чимоданова и Мошкина в одно обидно-собирательное понятие.

Чимоданов кивнул. Другой из «тех двоих» от прямого ответа уклонился.

– Он тоже идет. Идешь же, да?! – решительно произнесла Ната, вцепившись ему в рукав.

Одна из самых больших проблем Евгеша состояла в том, что из-за своей патологической мягкости он совершенно неспособен был сказать «нет». Равно как и «да». Но «да» в большинстве случаев оказывалось менее важным словом, и Мошкина просто волокли за собой.

– Он не идет! – сказала Даф.

– Нет, идет! – повысила голос Ната.

Лицо у Евгеша стало страдальческим. Он не знал, что ему делать и как поступить, чтобы никому не отказать. Такие ситуации складывались у него регулярно. Из-за своей бесхребетности Евгеша поневоле давал всем кучу обещаний, которые часто взаимно исключали друг друга. Нельзя же одновременно быть и не быть, сделать и не сделать.

Боясь кого-либо обидеть, Мошкин шел у всех на поводу, страдал, мялся, и получалось в тысячу раз хуже и больнее для него и для других, чем если бы «нет» прозвучало сразу.

Даф поняла, что спор может продолжаться бесконечно. Ната готова орать одно и то же до пены у рта – это проверено.

– Пусть он решает сам! Он мужчина! – сказала Дафна Вихровой.

Ната хмыкнула и с презрением посмотрела на Мошкина.

– Ну фиг с тобой! Решай, мущина ты наша! – разрешила она.

Оглядываясь то на Даф, то на Нату, Мошкин закудахтал, как Курочка Ряба, и вместо золотых яиц понес какую-то ахиною. Все же заметно было, что он больше склоняется к тому, чтобы посмотреть на новую резиденцию.

– А ты-то там зачем? – спросила у него Дафна.

– Ну я это... одним глазком, – принялся оправдываться Мошкин.

Даф уступила. Про себя же подумала, что в том-то и проблема, что на мрак нельзя взглянуть «одним глазком», как и с крыши многоэтажки нельзя упасть слегка. Вот и сейчас, выдернутые на время из цепких лапок мрака, бывшие наемные сотрудники вновь устремлялись к нему, как оса, которую только что заботливо выудили чайной ложкой из варенья, опять, жужжа, в него влетает.

Ната и Чимоданов ушли сразу. Евгеша потоптался с минуту, посмотрел на Дафну виноватыми щенячьими глазками и тоже слинял в мутную неизвестность.

– Чего ты в него вцепилась? Ну хочет идти и пусть идет! – только теперь удивился Меф.

Пока Ната и Дафна спорили, он благоразумно не вмешивался, чтобы не оказаться в положении человека, из любопытства всунувшего голову в закрывающиеся двери метро.

– Жалко его. Все кому не лень из него веревки вьют, – сказала Даф.

– Просто он мягкий, – заметил Меф.

– Если бы был мягкий, я бы не беспокоилась. Он бесхребетный.

– Ну я и говорю...

– Ты говоришь «мягкий». Мягкость и бесхребетность – разные вещи. Мягкость – от силы и мудрости. Бесхребетность – от слабости, вялости и полного отсутствия внятных внутренних ориентиров. Бесхребетного человека можно заставить пойти в магазин и убить молотком кассира. А вот мягкого – не заставишь. Мягкие люди на самом деле очень твердые. Все герои на войне – настоящие, не случайные – были мягкими. Психопаты обычно тихо сидели в окопах и размышляли, как слинять, получив неопасную рану в ногу, – сказала Дафна.

Меф рассеянно выслушал ее и подумал, что вот, тянет же его к умным девушкам. Видно, природа так устроила, что у кого чего нет, тот то и ищет.

Они купили два бутерброда с сосисками и, капая кетчупом, присели на горячий мрамор пешеходного перехода недалеко от Дома книги. Дафна надеялась, что Хнык отстанет, но тот все маячил и вертелся поблизости, то отбегая, чтобы с кем-нибудь заговорить, то вновь подсакивая к ним.

Лишь когда Даф решительно сунула руку в рюкзак, Хнык спохватился и стал прощаться.

– Покусики, мои лапустики! Бай-бай!

Жестким пальцем короткопалой мужской руки он нажал на нос Дафны, сказав «Пыки-пык!». Женская же тонкая рука ласково скользнула по щеке Мефа.

– Какая лапочка! И щетинка еще не колется! – проворковал он и исчез прежде, чем Дафна поднесла флейту к губам.

– Уф! Отделались! Что это был за псих? Где ты с ним познакомилась? – спросил Меф с досадой.

Как всякий нормальный, не любящий излишне мудрить парень, склонный к здоровому деспотизму, он желал знать жизнь девушки полностью, начиная с момента, как в детском саду в нее запустили огрызком от яблока.

– Э-э... Работали вместе, – пояснила Даф.

– Что, серьезно? Где?

– В одной конторе.

– Это ее они умчались смотреть?

– Э-э... Ну да, – подтвердила Даф.

– А при чем тут Прасковья? – спросил Меф.

Дафна ощутила, что еще немного, и она окончательно запутается в объяснениях. И это при том, что лгать ей не хотелось, чтобы не рисковать перьями. Максимум сказать не все, оставаясь в то же время в узких, но единственно возможных рамках правды.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Из парусинового балаганчика летнего кафе вынырнул громадный черный пес. В пасти он держал жареную курицу. Пес бежал неторопливо, с достоинством. Не столько улепetyвал, сколько передвигался приплясывающим шагом. Рот у него был широко открыт, а черные края губ задраны. Создавалось впечатление, что пес многозначительно улыбается.

За псом гнались два официанта. Первый, носатый, восточно-горячий, размахивал полотенцем и так злился, словно знал украденную курицу с цыплячьего возраста и даже сам помогал наседке высидывать яйцо. Другой, длинноногий, халтурил и семенил проформы ради, без желания догнать. Всякий раз, когда, казалось, что он должен настичь пса, официант приостанавливался, бросал сбоку взгляд на безмерно серьезного пса и принимался ржать.

– Ой, не могу! Держите меня сорок человек! Ой, не могу! – стонал он.

В очередной раз упустив пса, носатый подпрыгнул и, задыхаясь от гнева, принялся колотить своего напарника полотенцем.

– Пачэму нэ ловыл? Пачэму плохо бэжал? Мушшына ты или проста чэлавэк?! – восклицал он.

«Проста чэлавэк» увертывался от полотенца, продолжая ржать. Сразу прекратить смеяться он не мог, как выключенный чайник не сразу перестает кипеть и булькать.

– Да отстань ты от нее! Ну отберешь курицу, и что? На стол подашь? – спросил он.

Носатый искренне удивился.

– Как отстань? Каждый сабака будыт куриц брат, а платыт – нэт? – спросил он, точно подразумевая, что каждый приличный пес должен иметь при себе бумажник или на худой конец кредитку.

Дафна, узнав пса мгновенно, едва ли не раньше выгнувшегося дугой Депресняка, уже мчалась за ним. Удивленный Меф торопился следом, стараясь не потерять из хот-дога сосиску. Пес нетерпеливо трусил по тенечку, держась стен домов. Самое удивительное, что украденной курицы он не ел и даже не опускал ее на траву.

Некоторое время спустя пес остановился у подземного перехода. Посмотрел в одну сторону, в другую и культурно скользнул в переход. Буслаев присвистнул. Он впервые видел собаку, которая переходила дорогу так грамотно.

– Мы тоже туда? – крикнул Меф.

Даф уже спускалась. Лампы дневного света гудели в струе щиплющего глаза сквозняка.

В центре перехода на складном стульчике угнездился одинокий флейтист, у ног его стоял бумажный стакан из-под сметаны, полный мелочи. Тут же на газетке лежал и толстый

кот в ошейнике, возле которого тоже помещалась своя кружка для сбора.

Флейтист и Дафна посмотрели друг на друга настороженно, как две osoby в одинаковых свитерах, случайно вошедшие вместе в лифт. У Дафны мелькнула мысль, что это светлый страж на боевом посту, у флейтиста же ход мыслей был свой.

– Идеи, блин, воруют на каждом шагу! Девушка, имейте совесть: помогите коллеге-музыканту! – с гневом сказал он в пространство.

Пока Дафна помогала коллеге-музыканту, уговаривая Мефа отдать ему фирменную бейсболку «Звездного пельменя», а Депресняк шипел на толстого кота, пес с курицей куда-то исчез. При этом и у Мефа, и у Дафны создалось ощущение, что перехода он не покидал.

Вскоре все прояснилось. На выходе подземный переход разветвлялся. Слева – ступеньки, справа – наклонный заезд для детских колясок. Тут же начинался короткий узкий коридор. Завершался он железной дверью с молнией и надписью: **«Высокое напряжение! влезай – убьет!»**

Именно «влезай – убьет». «Не» кто-то старательно закрасил черным маркером.

Однако пес, как видно, желал, чтобы его убило. У этой двери он и скребся, уверенно толкая ее лапой. Казалось, открыть дверь невозможно, поскольку снаружи на ней висел в кольце-«антифомке» здоровенный замок.

Но произошло чудо. Невероятное победило очевидное и закидало его мертвенно-дохлый трупик вусмерть убитыми фактами. Дверь открылась вместе с висячим замком, который оказался просто наваренным на нее сверху.

Пес скрылся внутри. Подав Дафне знак подождать, Мефодий осторожно заглянул внутрь. За дверью обнаружилась квадратная комната примерно четыре метра на четыре. Освещали ее такие же гудящие лампы, как и весь пешеходный переход.

Никаких смертоносных щитов с электричеством внутри он не увидел. Окна, разумеется, тоже отсутствовали, зато имелись старый диван и круглый пластиковый столик, по всем признакам «прихваченный» из летнего кафе.

Черный пес успел уже удобно развалиться на диване. Положив перед собой курицу, он смотрел на нее, вывалив язык и склонив голову набок. Заметив Мефа, он заворчал, но скорее предупреждающе, чем агрессивно. Главным для него было донести мысль, что курицу Буслаев не должен трогать ни при каких обстоятельствах.

– Я и не трогаю! Я знаю, что недостойн ее морально! – сказал Меф.

Пес перестал ворчать. Видя, что Мефодий не появляется, Дафна просунула голову, осмотрелась и вошла. Перед ней на стене висел пожелтевший плакат начальной военной подготовки, сообщавший, что: «Правильно ведя оборонительные действия, каждый солдат может уничтожить большое количество техники и живой силы противника». Прыгающие буквы наверху со знанием дела уточняли:

«ЕсЛи хочИшь вСех зафИгачить, беРиги каНсерВы. ЗопаСай гранАты и потроНы! В первую очередь грохни офицера, свизИста, СнайПера, пулемеДчика и кариКтировщика огня».

В нарисованном кустарнике лежал солдат, кривизной крепких ног надежно смахивающий на Чимоданова, и, выставив дуло, вел оборонительные действия. Выражались они в том, что он пунктирной линией палил по неприятельским солдатам, машине и мотоциклу. Дафна представила, что это Чимоданов палит по Эссиорху, и ей захотелось пририсовать мотоциклисту кожаную куртку, а солдату ерш жестких волос.

Она подняла флейту, чтобы оживить плакат и устроить сражение, проверяя, сколько живой силы уничтожит Чимоданов, но вовремя вспомнила, что Мефу ничего подобного показывать сейчас нельзя. И вообще для светлого стража у нее становятся сомнительные интересы.

Депресняк клокотал у Дафны на плече, как закипающий чайник. Правое крыло он высвободил из комбинезона и хлопал им, безуспешно пытаясь взлететь. «Я тебя презираю!» – сообщал он псу.

«А я тебя в упор не вижу!» – так же без слов отвечал ему пес.

– Впервые вижу собаку, у которой есть своя комната в подземном переходе, свой стол и свой плакат по гражданской обороне, – сказал Меф.

– Это точно, синьор Помидор! У этой собаки много чего есть! – заверил насмешливый голос у него за спиной.

Буслаев обернулся. В дверях стоял Арей, вошедший беззвучно. С ним рядом Варвара сердито постукивала по ладони вытянутым из ножен тесаком.

Глава 3 Царевна-волчица

Настоящая любовь не может остаться безответной. Если любовь безответна – это инстинкт.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Ирка разрывала землю передними лапами, сердито откидывая ее себе под живот. Она не могла найти кость, зарытую вчера, и злилась. Изредка Ирка вскидывала морду и огрызалась на Антигона. Она подозревала, что это он утащил кость и сгрыз где-нибудь в сторонке.

Кость была ей не нужна, есть бы ее она не стала, но Ирка и прежде терпеть не могла, когда пропадают ее вещи. Срабатывал извечный женский принцип, что нужны именно те брюки, которых не можешь найти. Причем нужны исключительно до тех пор, пока они не найдены.

Матвей стоял рядом и с грустью смотрел сверху на волчий загрызок. От любимой девушки назойливо пахло тухлой рыбой. Волчица всякий раз не могла удержаться и вываливалась в рыбьих внутренностях, если где-то их обнаруживала. Ей казалось, что это отличная маскировка, и теперь собаки не разберутся, кто она такая, и примут за сухопутно путешествующую по своим делам дохлую атлантическую сельдь.

В шерсть на загрывке впутались колючки, торчащие со всех сторон ошейника-строгача. Иным волчицу было не удержать. Хотелось бы обойтись вообще без поводка, но тогда Ирка невесть куда забрела бы и могла нарваться на неприятности. К ней и так уже многие подозрительно приглядывались.

Багров давно разобрался, что волков и собак отличают не столько по хвосту и серебристому окрасу, сколько по понуро-хитро-разочарованному виду. Собака чаще всего жизнерадостна и деловита, волк же сутуловато-уныл. Вечно стоит с опущенной головой и смотрит исподлобья, никому не доверяя.

Движения волка похожи на движения зашуганного, известного всем в городке попивающего воришки, который бочком пробирается по рынку, втягивает голову в плечи, не огрызается, когда на него кричат, но при первом же случае ухитряется схватить и унести что плохо лежит.

Матвей ощущал себя опустошенным. Когда внутри все выжжено и гложет чувство вины, оставаться нормальным нельзя. Можно только притворяться нормальным. Матвею казалось, что у него нет ни прошлого, ни будущего. Одно длинное бесперспективное настоящее.

Целуя тогда Ирку, он и не задумывался, что это приведет к таким последствиям. И вообще не верил в последствия. К кодексу валькирий он относился как к чему-то древнему и отжившему. Вроде не отмененного до сих пор средневекового устава европейского универа, запрещающего вводить с собой лошадь в аудиторию и проносить на экзамен заряженный боевой арбалет. Багрову казалось, что в законе есть главная часть, которую соблюдать надо, и есть нечто такое, что потихоньку можно и нарушить. Теперь же оказывалось, что кодекс валькирий ничего лишнего не содержал.

Служение валькирии слишком ответственно, чтобы можно было совмещать его с малейшим эгоистическим удовольствием. Тот, кто несет за царем его меч, не может по

дороге заходить в пивнушки. Тут – что-нибудь одно. Если все же хочешь жить для себя – передай служение валькирии кому-то другому: отдай копье, шлем и щит.

Ирка же – из-за него, Матвея, – нарушила кодекс, увлеклась запретным чувством и теперь вот рычит, когда у нее пропадает кость.

Все же главным, что добивало Багрова, ущемляло его выпуклое мужское «Я», была полная собственная беспомощность. Как некромаг, он привык, что может решить большинство проблем, теперь же оказывалось, что вся его магия – блеф и возможности не идут дальше способности шевелить лапками дохлых зверушек.

Вечерами Матвей сидел и часами, ни о чем не думая, вычесывал волчице шерсть. Ирка, обычно не любившая прикосновений, уступала. Она лежала, вытянувшись, и умиротворенно смотрела на огонь. В ее выпуклых зрачках пламя обесцвечивалось, двоилось и казалось прирученным.

Антигон хлопотал возле буржуйки, порой из лени скармливая печке такие крупные поленья, что дверца не закрывалась. По полену любопытный огонь выползал наружу и тянул к потолку тонкую дымную руку. Поленья постреливали рыжими, скоро гаснущими искрами.

Реальность двоилась, печной смолистый дым висел под потолком, едва соглашаясь скользить в открытую форточку, и иллюзия никак не могла договориться с правдой, кто из них настоящий. Антигон пыхтел рядом, что-то бормотал. Изредка подходил и совал Багрову то чашку с кофе, то бутерброд, радушно желая «приятно подавиться!» и «скверного аппетита!».

Матвей разрывался на части. Он почти ненавидел волчицу, забравшую у него Ирку, но одновременно страшился ее лишиться. Волчица была единственным мостиком, соединявшим его с Ирккой. В глазах волчицы он видел порой не звериную, а напряженную человеческую мысль. В такие минуты Матвей ясно осознавал, что волчица не вытеснила Ирку окончательно, а лишь отняла у нее тело. В остальном же они независимо существуют на разных уровнях – волчица на нижнем этаже, этаже плоти, Ирка же там, где плоть не властна и куда не простираются ее простые, как удар дубиной, интересы.

Матвею казалось, что если очень близко поднести ухо ко лбу волчицы, то можно услышать, о чем думает Ирка. Однажды он так и сделал и после долго, морщась, мазал ухо йодом. Волчице не понравилась чрезмерная интимность, и она прищелкнула его зубами, точно компостером.

«Колючки, так и быть, выбирай, а ушами хлопай в другом месте!» – очень ясно было сказано Багрову.

С аллеи донеслось рычание и резкий, как удар хлыста, щелчок поводком по мощной спине:

– Стоять! Ко мне!

К Ирке рвался широкогрудый мастиф. В ошейник ему вцепился мужчина в спортивном костюме. Толстые стекла очков мешали ему отличить волчицу от собаки. Волчица выдвинулась навстречу мастифу. Она не рычала, но, припав на передние лапы, оскалилась. Взгляд четко был устремлен псу на горло. Уши поджаты. Хвост, прямой как полено, почти коснулся земли.

– Фу! Назад! Фу! – грозно крикнул Багров, натягивая поводок.

Ему странно было разговаривать так с любимой девушкой. Беда была в том, что другого языка любимая девушка сейчас не понимала.

Спортивному костюму удалось наконец обмотать поводок вокруг дерева и остановить своего пса.

– Парень! У тебя кто? Кобель? – крикнул он.

Багрову захотелось его придушить.

– У меня девочка! – угрюмо ответил он.

Очки-лупы усомнились.

– А вот брехать не надо! Мой только на кобелей кидается!

Когда мастиф с хозяином удалился, за спиной у Багрова кто-то засмеялся. Матвей

обернулся и увидел Бэтлу. Валькирия сонного копья сковыривала ногтем смолу с сосны и отправляла ее в рот. Рядом стоял оруженосец, гоня травинку из одного края губ в другой. Матвей заметил: упитанные люди вечно должны что-то жевать. Хотя бы спичку или ноготь. Без этого жизнь представляется им неполной.

– Чем не практическое пособие о вреде поцелуев? Целуешь лягушку – получается царевна. Целуешь валькирию – и прогуливаешь волчицу на резинке от трусов, – сказала Бэтла своему оруженосцу.

Голос у нее был полуденно радостный и июльски довольный жизнью.

– Это не резинка от трусов, а парашютная стропа!

Багрову было не смешно. Чувство юмора вообще факультативно. Шаг вправо – юмор заваливает в тупое ржание. Шаг влево – в ехидство. Во все же действительно важные моменты жизни юмор начисто пропадает. Когда тебя везут на операцию – не хочется шутить про докторов, забывших внутри скальпель.

– Вы бы тоже превратились в волчицу, хозяйка, если бы я вас поцеловал? – заинтересовался оруженосец.

– Боюсь, я превратилась бы в бегемота! Хотя ты и так сделал меня бегемотом, безо всяких чмоков, – полушутя-полусерьезно ответила Бэтла. – Все! Пора прекращать трескаться самой и начинать кормить других!

Она присела на корточки и, протянув руку, предложила волчице колбасу. Волчица сперва сделала вид, что ей неинтересно, но внезапно метнулась вперед и, натянув парашютную стропу, срезала зубами палку колбасы у самых пальцев Бэтлы.

Валькирия сонного копья озабоченно оглядела руку.

– Странные они, эти волки! Вроде даешь им по-хорошему, а они все равно не верят и лезут отнимать. Прямо как некоторые люди! – сказала она.

Выпрямилась, посмотрела на Багрова и с интересом спросила:

– Что у тебя под глазом?

Матвей скользнул рукой по лицу. Поморщился.

– Где? А-а, это! Таамаг заходила посмотреть, как мы живем, – вспомнил он.

Оруженосец Бэтлы сочувственно ухмыльнулся:

– И как вы живете? Нормуль?

Багров вновь потрогал под глазом.

– Хорошо живем. Лучше, конечно, бывает, но редко, – сказал он.

Оруженосец со знанием дела оглядел фонарь. Он стараниями Таамаг получился узкий, похожий на гантель, с двумя округлениями – одним у переносицы и другим, желтоватым, с заходом на скулу.

– Это она, жалея, в треть силы. Кулак у тети тяжелый. Могла бы вообще скулу в черепушку вмять! – ободряюще заметил он.

Багров пожал плечами. Обиды на Таамаг у него не было. Он вообще не ощущал ничего, кроме усталости. Все чувства у него были перекручены, точно кто-то взял много кусков пластилина и смешал их в нечто лишенное формы и цвета.

– Томка очень переживает. Она ее полюбила. Ей вообще-то трудно кого-то полюбить, она недоверчивая, но когда полюбит – это все, – сказала Бэтла, с жалостью наблюдая, как волчица терзает колбасу и, вскидывая морду, заглатывает ее крупными кусками.

– Так мне и надо, – произнес Багров. В тот день он, признаться, даже жалел, что Таамаг его не убила.

Бэтла протянула руку и осторожно коснулась блестящей шерсти волчицы:

– Расскажи мне о ней. Как она вообще?

– Лучше не бывает. Нос холодный и влажный, – ответил Матвей.

Он уже не рад был, что валькирия сонного копья заскочила к нему, хотя недавно страдал от одиночества. Антигон в счет не шел. Он по большей части ворчал и подсаживал слезами кофе. Слезы же у кикимора были уникальные. Пахло от них тиной и болотом, да не простым болотом, а правильным, северным, с кислинкой и ржавинкой.

Бэтла приподняла брови.

– Издеваешься? – уточнила она.

– Если бы! Днем она зарывает кости и пугает велосипедистов. Вечером выкусывает блох. В драки без повода не влезает, но, когда влезет, мне приходится смываться, чтобы хозяева псов, которых она порвала, нас не убили, – безнадежно сказал Багров.

Валькирия сонного копья внимательно посмотрела на него и внезапно пнула подъемом стопы в голень. Не сильно, но больно. Багров воззрился на нее с недоумением. От Бэтлы он такого не ожидал.

– За что?

– А за то, что сам себя жалеешь! А кто себя жалеет, тот не человек, а дохлятина!.. Ясно?

Багров молча тер отшибленную голень. Обычно сонная, Бэтла выглядела окончательно проснувшейся. Даже глаза ее, всегда полузакрытые, утопавшие в подушках щек, стали больше и шире.

– Ты считаешь, что любишь, – продолжала она с напором. – Но что такое «любить» – не знаешь и сам. Можешь ли ты честно сказать, что не ищешь своих удовольствий? Не раздражаешься, готов принимать человека и в болезни, и в дурном настроении, готов бесконечно терпеть? Прощать несовершенство, ошибки, недостатки? Некрасивость, появляющиеся морщины, портящиеся постепенно зубы? Всегда отдавать, ничего не получая взамен? Любовь – это бесконечные мелкие жертвы. Крупные жертвы от тебя будут требовать редко, а вот мелкие – каждую секунду. И если ты к ним не готов, не готов и к любви. Назови свое чувство как-нибудь иначе и не пачкай хорошего слова. Оно и так сейчас испачкано вконец.

– Хватит мне извилины полоскать! Сложно все как-то! – с досадой сказал Матвей.

Он прикинул, что если каждая валькирия навестит его хотя бы по разу, чтобы поговорить про любовь и человечность, то конец недели он встретит в гипсе.

– Если тебе сложно, то валькирия-одиночка не для тебя! Найди себе губастую вешалку для дамского белья и всю жизнь объясняй ей, что слово «мозги» не пишется через «а». Когда объяснишь – выкинь эту вешалку как слишком умную и найди другую, которая даже и читать не умеет. Ее можно будет обучать вдвое дольше! А губы в другой раз не распускай! Захочется поцеловать валькирию – возьми в рот носок и пожуй! Всякую романтику убивает навывлет... Отжимания и холодный душ тоже могут помочь, – последнее Бэтла посоветовала смягчившимся голосом.

Багров почувствовал это и улыбнулся.

– Душ у нас не предусмотрен. Разве что из ведра обливаться, – заметил он.

– Из ведра даже лучше! И вообще, мой тебе совет: не верь своему телу! Его чувствам, инстинктам, желаниям, лени, голоду, усталости. Тело – это ленивая, сонная, бестолковая, тормозящая и предательская дрянь! Все, что оно говорит и желает, – ложь. Возьми его за горло, или оно возьмет за горло тебя. И, взяв, не пожалеет. И не думай, что ты первый наступаешь на эти грабли. Каждая валькирия и каждый оруженосец когда-нибудь сталкивались с чем-то подобным.

Бэтла сказала это с болью, кривясь ртом, будто отдирала прилипший к ране старый пластырь.

– Что? Все? – усомнился Матвей.

– Поверь: *каждый икаждая!* Просто вникни раз и навсегда, что любая романтика поцелуйного слюнообмена не для тебя. Прогулки под луной тоже, если, конечно, ты не крадешься снимать часового. Отруби даже саму мысль о личном счастье! Если уж закрывать двери, то крепко и навсегда, не оставляя щелей. Тут что-нибудь одно: или служить свету или курить бамбук. Ясно?

Матвей не то кивнул, не то дернул головой. Разумом он готов был это принять, а сердцем нет. Когда же сердце не готово усвоить истину, разум может зудеть сколько угодно. Его не услышат.

– Глупо все. Она же искренно служила свету! Увлеклась самую малость, и то по моей вине. И теперь вот бегаешь, кости зарывает – за что? Неужели заслужила? Нечестно, – сказал Багров с обидой.

Бэтла протянула руку и без церемоний постучала костяшками по его лбу.

– Неправильно мыслишь! Будь она просто девушка с улицы и продавай в магазине зонтики – ничего бы не случилось. Целуйся сколько хочешь и только передние зубы не сломай. Но она взяла копье света, и ее ответственность сразу возросла в тысячи раз. То, что для твоей совести пылинки, для ее совести – валун. То, что для тебя глупая ошибка, – для нее преступление. Она – валькирия-одиночка!

Багров оглянулся на волчицу. Та терзала колбасу, заглатывая непрожеванные куски. Собственная уникальность, похоже, мало ее заботила. Бэтла сидела на корточках и, разглядывая волчицу, о чем-то думала.

– Когда я училась в шестом классе, мы пошли в поход, – вспомнила она. – Каждый пер свои вещи и какую-то часть общих. Мальчишки тащили самое тяжелое – котел и две здоровенные палатки. У меня же в рюкзаке лежала часть общей еды. Как сейчас помню: плавленые сырки, две буханки «Бородинского» и пакета три шоколадных конфет... Это было невыносимо: нести и не иметь право ничего съесть! Я мучилась, потела, терзалась, как никогда в жизни. Точно в масле меня варили. Под конец я умоляла, чтобы мне дали нести котел, или палатки, или лопату, – только бы отобрали эти проклятые конфеты. А Томка, например, запросто смогла бы нести рюкзак, полный еды, а вот на хорошие боксерские перчатки, капы и шлем у нее не хватило бы беспристрастия – жабеныш бы задушил.

Багров, недоумевая, посмотрел на нее.

– Ты это к чему? – спросил он.

– К тому, что каждый борется со своими тараканами. Я потом часто вспоминала этот случай, когда мне было тяжело. Кому свет может доверить свою силу, как не тем, кто способен ограничить себя и не стать жертвой этой силы? Все другие ненадежны. Понял?

– Я тупой, – буркнул Багров, которому в данном случае невыгодно было проявлять себя понятливым.

Оруженосец Бэтлы хлопнул его по спине. Вроде как дружелюбно, но одновременно и с предупреждением.

– Я тоже тупой, и поэтому представляю себе все просто. В магазин любишь ходить? Замечал: если просто отвертку покупаешь – служит долго. А если решишь выпендриться и купишь что-то комбинированное, скажем, отвертку с фонарем и плоскогубцами – через два дня окажется на помойке. Так и люди. Пока ты просто молоток – ты служишь. Но как только захочешь быть одновременно шилом или миксером – ты труп.

«И этот зануда! Спелись!» – подумал Багров.

Их слова сверлили Матвею мозг. Как бы ему хотелось, чтобы Ирка стала его собственностью, чтобы не делить ее со светом. Но, увы, это было невозможно. Чем больше он пытался выгрызть ее для себя, тем сильнее все портил. Последнее же время ощущал себя Иванушкой-дурачком, только что спалившим лягушачью шкурку Василисы, а заодно ее гражданский паспорт и трудовую книжку.

– Я бы не сказал, что ты так уж усердно служишь свету! Бродишь по городу, деревья рассматриваешь, на тучки зеваешь. Ну размажешь порой комиссионера-другого, только и всего, – сказал он, желая кольнуть Бэтлу.

– Когда тебе больно, пни кого-нибудь – появится компания, с кем поплакать, – сквозь зубы проворчал оруженосец.

– Не злись! – сказала Бэтла.

Деловито распахнув на оруженосце куртку, она движением спецназовца выдернула из подмышечной кобуры бутерброд с сыром, завернутый в пленку. Посмотрела на него и крупно куснула, отпечатав на сыре полную карту верхних зубов. К своему оруженосцу валькирия сонного копья относилась собственнически, как молодая мамаша к четырехлетнему бутузу. Если бы тот вдруг заявил, что у него есть собственный карман, куда

она не имеет права залезать, она не поняла бы юмора.

– Понимаешь, Багров, какая штука! Я-то, может, и шатаюсь. Толстая, ленивая... И цена таким, как я, три дюжины за пятак. Но все-таки служу-то каждый день и комиссионеров грохаю каждый день, если подвернутся, – сказала она без обиды.

– И чего?

– И ничего. Ключевое слово тут не горячность, а постоянство. С новым знакомым, которого через неделю и близко не будет, церемонимся, трясемся, чтобы его не обидеть, а на родственников и старых друзей орем. А почему? Потому что привыкли к ним. А служение-то свету годами и десятилетиями длится. Трудно начальный трепет сохранить. Лучше уж сразу запрограммировать себя на ровное, размеренное и спокойное служение, чем вначале истерическая страсть, а потом откровенная халтура.

Матвей присел и высвободил парашютную стропу, обвившую волчице лапу.

– Еще она таскает в зубах сумку. Спит с ней, никому не дает. Рычит. Антигону ласт прокусила, когда он пытался ее подвинуть, – сказал он.

Услышав о сумке, Бэтла насторожилась.

– Какая сумка? От ноутбука? – уточнила она.

– Ага.

Валькирия сонного копья просияла.

– Вот видишь! Какой-то прогресс все же есть!

Белая волчица успела умять колбасу и, повернув голову, внимательно разглядывала оруженосца Бэтлы. Чуткий нюх донес ей, что под пиджаком у него много чего вкусного.

– Вот уж кого животные любят! – сказала Бэтла ехидно. – Завидую Алешке каленой белой завистью! Пока до дому дойдет, с десятков собак к нему прицепятся. А он их даже и не приманивает! Только швыряет в них ветчиной и кусками сыра, чтобы отвалили.

Так Багров впервые узнал, что оруженосца Бэтлы зовут Алексей.

– Белой зависти и свежей дохлятины не бывает. Это я как профи говорю, – сказал Матвей.

– Как профи по зависти или по дохлятине? – коварно уточнила Бэтла.

Багров не стал разграничивать.

– По тому и другому, – авторитетно заверил он.

Видя, что волчица застоялась и тянет его, Матвей перешел на бег. Ходить спокойно, когда у тебя на поводке волчица, не получается. Ирка бежала через подлесок, незаметно, но упорно убыстряясь. В столбах пробивавшегося сверху солнца плясали широкие листья молодых кленов. В толпу берез забредали желтоватые, с рыжиной, сосны и корявые дубы, похожие на сыроватых старцев.

Всякий раз, покорно догоняя волчицу, Матвей думал, что тут действует универсальный закон любви: уступай и будешь мудр. В любви кто-то всегда должен пойти навстречу. Иначе даже на бытовом уровне будет тупик. Один скажет: «Я – направо!» и пойдет направо. Другой скажет: «Всего хорошего! А я прямо!» и пойдет прямо. Чтобы остаться и продолжать прогулку вместе, кто-то должен прищемить дверью свое «я». В идеале, конечно, уступают по очереди, но этот идеал на практике нереализуем. Обычно уступает самый умный или великодушный, что, в принципе, одно и то же.

Всякий раз, увидев сломанное или накрененное дерево, Ирка изменяла направление и специально тянула туда, чтобы проскользнуть под стволом, поставив поводыря в дурацкое положение. Пролезать – не пролезешь: щель узкая. Сверху ветви мешают, да и поводок нужно перебросить, не то запутается. Хитрый зверь, разумеется, ждет этой минуты и непременно дернет, чтобы вырваться и долго дразнить Багрова, мелькая в кустарнике.

Все же Матвей привык к проделкам волчицы и со всеми препятствиями ухитрялся бежать быстрее, чем Бэтла и ее спутник. Пыхтящая валькирия и оруженосец едва за ними поспевали. Лица краснели созревшим помидором и просились в салат.

– Притормози ее! – взмолилась наконец Бэтла.

Матвей потянул за стропу. Волчица неохотно остановилась и вопросительно

оглянулась, точно спрашивала: ну что еще? Кого ждем?

– Как-то неважно ты бегаешь для хорошего бойца, – заметил Матвей.

– Свет ни за кем не бегают! Пускай за нами все бегают! – вытирая пот, назидательно сказала Бэтла.

Оруженосец услужливо сунул ей сок с трубочкой, сам же стал пить квас, обнаружившийся в его обширном продуктивном патронташе. Мужчина он был дюжий. Бутылку в полтора литра вытянул взасос, не отрывая от губ и не давая ей затянуть воздуха. Бутылка пластиково похрюкивала, пищала и сжималась на глазах.

– Тухло, что с Ирккой все так. Бывают паршивые состояния, когда и для души плохо, и для работы. Ее копые пригодилось бы нам в ближайшее время. Даже не столько копые, сколько прочие таланты одиночки, – сказала Бэтла.

Матвей насторожился, перестав наблюдать за тем, что происходит с бутылкой. Примерно в то же время оруженосец оставил бутылку в покое, и она, с треском расправившись, набрала воздух.

– Что-то случилось?

– Да. У света похищена свирель Пана. Серьезное наступательное оружие. Бонусы против драконов. Это если играть с одного конца. Если же с другого, то возможность серийных сглазов минометными боеприпасами, – ответила Бэтла.

– Что, серьезно?

Оруженосец неосторожно хихикнул, чем выдал хозяйку.

– Шутка! Хотя не совсем. Все наши на вокзале, – заметила Бэтла.

– На каком вокзале? – не понял Багров.

– Ясно на каком. На Казанском. Стоят в суточную кассу. Обилечиваются.

– Зачем?

Бэтла замялась.

– Не уверена, что могу тебе сказать. Это секрет Фулоны. Хотя, раз его знают Гелата и Ильга, скоро он станет секретом общего пользования... Так что потерпи чуток.

Матвей кивнул.

– Ну хорошо. А куда билеты, сказать можешь?

В этом Бэтла секрета не видела.

– До Мухтолова.

– Э-э? А что в этом Мухтолове?

– Там река Сережа, – загадочно ответила Бэтла.

Багров, никогда не слышавший ни о Мухтолове, ни о реке с человеческим именем, недоверчиво скривился.

– У реки не может быть такого названия!

Бэтла моментально сунула ему красную ладонь.

– Тебе лучше знать! Спорим на вареный мизинец! – с ходу предложила она.

– Как это на «вареный мизинец»?

– Узнаешь, когда поспоришь!.. Леха, разбивай! Я поймала его клешню!

Багров поспешно выдернул ладонь и спрятал руку за спину.

– Ладно-ладно! Сережа так Сережа, – сказал он. – Все равно странноватое название.

Убедившись, что ей поверили, Бэтла успокоилась.

– Есть маленько! Я и сама сегодня его в первый раз услышала. Все-таки роскошь иметь страну, в которой не знаешь восемь рек из десяти и девяносто процентов озер, – сказала она миролюбиво.

– Как бы за эту роскошь не получить по шапке, – буркнул осторожный Алексей.

– Когда вы уезжаете? – уточнил Багров.

Бэтла исторгла вздох. Ощущалось, что ей никуда особенно и не хочется. Москва – великий магнит, а магнит неохотно отпускает прилипшие к нему гвозди.

– Сегодня вечерним поездом. Я же сказала: в суточную кассу. Надо только байдарки напрокат взять, но это Ламине поручили.

– Как-то я не доверяю Ламине! – озабоченно заявил оруженосец. – Сейчас ничего толкового и не возьмешь: все в походы рванули. Двухек и трешек точно может не оказаться... Надо было Таамаг отправить. Она бы байдарки выбила!

– Ага. Вместе с зубами. Томка когда просит, вначале распускает руки, а потом вспоминает, что забыла сказать «пожалуйста!», – хмыкнула Бэтла.

Волчица, нетерпеливо бегавшая вокруг Багрова, обмотала ему поводком ноги. Обнаружив, что он этого не заметил, она с силой дернула и, когда Матвей рухнул, сочувственно высунула язык.

– Вечно я на это попадаюсь! И ведь не в первый раз! – морщась, сказал Багров.

Высвободив ноги, он встал и, ослабив поводок, вновь позволил белой волчице рвануть с места и скрыться в подлеске. На сей раз валькирия сонного копья и Алексей за ними не последовали.

– Если что – я с тобой свяжусь! Запомни: Мухтолово! Река Сережа! – крикнула ему вслед Бэтла.

Глава 4

Про нельзей и лъзей

Когда бываешь в сомнительных местах – вцепись в сумку обеими руками и держи ее перед животом. Если же место не выглядит сомнительным, сумку лучше вообще с собой не брать.

Улита

Мошкин, Чимоданов и Ната вынырнули из переулка, оглушенные царящим там треском отбойных молотков. Москва, эта беспокойная молодящаяся старушка, вечно сверлилась, чинилась, достраивалась и наводила марафет, уже который год заставляя всех своих жителей находиться в состоянии вечного ремонта.

Всю дорогу к резиденции мрака Ната пребывала в хорошем настроении. Чуть ли не впервые в жизни рассказывала о своих родственниках и называла тетю Свету – «тетя Цвета». Затем купила у какой-то бабульки перезревшие вишни, мгновенно окрасив губы и зубы в вампирствующий цвет.

Большая Дмитровка встретила их каленым солнцем. Была та предвечерняя пора летнего дня, когда город внезапно высветляется и кажется остановившимся и неестественным. Раскалившиеся стены домов дышали жаром. По асфальту, обгоняя застрявшие в пробке машины, неторопливо катилась скомканная газета. На месте знакомого дома возвышалось теперь нечто скромно-респектабельное. Подчеркнуто и намеренно никакое. Такими бывают неброские офисы крутых западных фирм, избегающих назойливой рекламы и работающих под девизом: все, кто надо, о нас и так знают.

На небольшой вывеске (настоящее золото, хитро маскирующееся под обветренную медь) значилось одно-единственное слово:

EIDOS

И чуть ниже:

Московское представительство.

– Надо же! Никакой строительной сетки! – озадаченно сказал Мошкин.

Он так привык к ней, страшной, потемневшей, с взлетающими от ветра бородами грязи и тополиного пуха, что без сетки дом казался ему не одетым и чуть ли не неприлично голым.

– Только что заметил? – поинтересовалась Вихрова.

Десятка два зеркальных, до блеска отмытых окон безлико таращились на Большую Дмитровку. К одному из них Чимоданов прильнул лицом, надеясь углядеть, что внутри, но не увидел ничего, кроме собственных безумных зрачков. Затемненное стекло запотело от дыхания.

Чимоданов углядел у двери кнопку и клюнул ее пальцем. Раз, другой, третий. Никакого эффекта. Ната, никогда не имевшая терпения, потеряла то небольшое благоразумие, которое его заменяло.

– Ты будешь звонить или нет? – накинулась она на Чимоданова.

– Я и так звоню! – огрызнулся тот.

– Громче звони!

– Громче нельзя!

– Нечего мне рассказывать про нельзя и лязей! – огрызнулась Ната.

Подумав, Чимоданов что-то шепнул Зудуке, раскрутил его за ногу и запустил в крайнее левое окно на втором этаже, где прежде, в старой резиденции, располагалась его комната. Метнув Зудуку, он присел, ожидая звона стекла и осыпающихся осколков, однако ничего не произошло. Стекло, чавкнув, расступилось и, поглотив Зудуку, сомкнулось за ним, как поверхность болота.

Более того, на краткий миг весь дом с его темными окнами, сероватым облицовочным камнем и пластиковым водостоком зримо смялся, как огромный кусок глины, и ухмыльнулся, провиснув карнизом. По дому пробежала рябь, затронувшая даже асфальт у их ног, и все стало, как прежде – солидно и офисно. Белое солнце, спрятавшись за соседними крышами, дышало блинным жаром. Пыхтели бензиновыми легкими и обмахивались веерами вентиляторов сгрудившиеся в пробке автомобили.

Не доверяя себе, Мошкин уставился на Нату, а та на Чимоданова. Сомнений не оставалось – все трое видели одно и то же. Это прежде, до сноса, по Большой Дмитровке, 13, помещался честный дом с фундаментом, стенами и балками. Теперь же, втиснувшись между соседствующими строениями, перед ними, точно надутый мыльный пузырь, затаилось живое глумящееся и мыслящее существо, чем-то родственное, возможно, комиссионерам и суккубам. Хорошенькую резиденцию приготовил добрый дяденька Лигул для России!

– Может, нам туда не надо, а? – дрожа, спросил Мошкин.

– Как не надо? А Зудука? Я за своего Зудуку весь мрак порву! – вознегодовал Чимоданов.

Если прежде он надеялся, что Зудука прокрадется по лестнице и откроет, то теперь эта надежда стала призрачной. Он метнулся к двери и, не жалея кулаков и ног, стал барабанить.

– Это чего? Не пускают нас? А если мне хочется мерзости творить? – облизывая губы, поинтересовалась Ната.

Дверь, до того упрямо закрытая, скрипнула и гостеприимно поддалась. Весь дом радостно чавкнул и раскрылся, точно устрица. Вихрова отпрянула, как кошка, которой брызнули в нос из пульверизатора.

– Ну вот! Надо было только правильное слово сказать! – просипел Чимоданов.

На пороге стоял Ромасюсик. За его спиной Тухломон держал за ворот Зудуку. Лицо у Тухломона было деловитое. Бывших сотрудников он не узнавал в упор.

– Че надо? Милостыни не подаем! – заявил он нагло.

Ромасюсик расплылся и обдал всех симпатией такой приторной и ненастоящей, что даже толстокожий Чимоданов ощутил себя перемазанным прокисшим вареньем. Чуткому Мошкину внезапно стал ясен секрет Ромасюсика – причина, почему он стал верным слугой мрака и «рупором» Прасковьи. В привычном варианте ложь стоит на правде и осознает себя ложью, что делает ее наглоглазой, легко смущающейся и уязвимой. В Ромасюсике же ложь громоздилась на лжи и ложью же цементировалась, выстраивая гигантскую пирамиду. До правды докопаться было нереально, поскольку во всей этой пирамиде ее не было вовсе. Куда ни ткни – все мыльный пузырь. Обычно только женщина способна верить своей лжи до

конца, создавая в своем роде новую реальность. Мужчине же чаще всего для этого не хватает воображения.

Однако Ромасюсик перещеголял и опередил любую женщину. Даже Прасковья могла при невероятном стечении обстоятельств измениться к лучшему, круто повернув свою жизнь. Личность она была хоть и своевольная, но цельная, а упрямства хватило бы на целую дивизию казаков-пластунов. Ромасюсик же, дряблый, хитрый, злорадный и вечно врущий, измениться не мог в принципе. В этом смысле для Лигула он был куда надежнее Тухломона.

Сводя вместе эту парочку – Прасковью и Ромасюсика, Лигул, разумеется, хорошо понимал природу зла и его иерархию. Во главе всякого злого начинания в человеческом мире стоит обычно талантливый, падший, несчастный и изломанный человек, служащий вольно или невольно орудием мрака. Его же окружают уже совершеннейшие подонки, спасаясь от которых люди поневоле начинают искать заступничества и идеализировать того первого – падшего и изломанного. И вот от зла они бегут за защитой к злу.

– От лица Прашечки сообщаю, что рад вас видеть! – официально сообщил Ромасюсик.

– А твое лицо куда делось? – спросил Чимоданов.

Ромасюсик повернулся к Тухломону.

– Ты моего лица не видел? – спросил он.

Тухломоша осторожно хихикнул и поспешил поклясться суккубом Хныком, что ничего не видел и ничего не брал. Наклонившись, он поставил Зудуку на пол и отряхнул пальчики.

– Забэрите ваш прэдмэт! – высокомерно сказал он Чимоданову.

– Почему так долго не открывали? – спросила Ната.

Ромасюсик и Тухломон посмотрели друг на друга как два сиамских близнеца, которых спросили, кто родился первым.

– Зигги Пуфс был занят! – произнесли они почти одновременно.

Ромасюсик больше приударил голосом на «Зигги», а Тухломоша на «Пуфса». В остальном же фраза совпала на все сто.

– А Прасковья?

– Праша встречается с ценным сотрудником!

В голосе Ромасюсика показалась затаенная подлянка. Поскреблась ласковой лапкой, сделала скромное «ку-ку!» и скрылась.

Тухломон отодвинулся, пропуская Нату, Чимоданова и Мошкина в резиденцию. Внутри каждый повел себя в полном согласии со свойствами натуры. Евгеша скромно потупился. Чимоданов принялся нагленько и задиристо зыркать. Ната, покачивая бедрами, выпятила грудь и выдала лицом такую сложную серию атакующих гримас, что ее физиономия смялась, как резиновая.

Они стояли в просторном помещении, похожем на клиентский зал преуспевающего банка. Всюду темный, с желтоватой жилкой мрамор. На стенах – множество служебных инструкций. Большинство на латыни, все в новых пластиковых рамках. Пара-тройка высоких столов для написания отчетов. У каждого поблескивает новый одноногий табурет с сиденьем мягким, круглым и выпуклым, как шляпка гриба. В остальном же ничего лишнего. Царство не теории, но практики.

К приемным оконцам течет жидкая очередь, совсем короткая, на пару минут. Суккубы и комиссионеры стоят отдельно, что уменьшает число свар. Все тихие, тревожно держат в потных ладошках пакетики с эйдосами. Чимоданов удивленно фыркнул и воззрился на Нату. Уж ему-то эта публика была знакома. Он привык к шуму, гаму, крикам, необходимости хвататься за топор, ругаться, спорить, а тут просто пансион для благородных девиц.

Демонстрируя, что стеклянная перегородка пуленепробиваемая, Ромасюсик извлек автомат Калашникова – новенький, чуть ли не в заводской смазке, близоруко оглядел его, сдвинул пальчиком предохранитель и с внезапной решимостью дал от живота две короткие очереди. Запрыгали по мрамору горячие тусклые гильзы. По стеклу пошли трещины и сколы, но оно выдержало. Отскочившие пули горохом рикошета разлетелись по залу и едва не сбрили Мошкину половину скулы.

Суккубы и комиссионеры даже ухом не повели. На Ромасюсика если и посматривали, то мельком, как умная тетька на дурачка с пистонами. Петруччо шагнул к прозрачной перегородке и будто невзначай заглянул за нее. Тотчас, безошибочно уловив взгляд, на него подняли песочные глаза и махнули рукой в конец очереди.

– Не толпитесь! Больше чем по одному к окну не подходить!

Чимоданов спешно попятился, мгновенно ощутив себя нулем в гигантской канцелярской ведомости. В боксе, куда он заглядывал, сидел уже не задерганный наемный сотрудник, с неминуемыми человеческими проблемами и желаниями, которых не могли не чувствовать умные суккубы и комиссионеры, а страж мрака. И не только в этом боксе – за каждым из множества окон сидело по стражу!

Нет, это были не подобные Арею рубаки, нетерпеливые и позволяющие легко одурачить себя всякой мелкой сволочи. Рассечь-то надвое такой сможет и нос вмять в голову тоже, а вот разобраться в куче грязных бумажонок – тут его и пот прошибет.

Здесь же за каждым окном на вертящемся стульчике, обложенный папками, восседал бюрократик из Канцелярии Тартара – в полосатом костюмчике, пахнущий сложной химической смесью одеколona и пота, упитанный, с уместной лысинкой, устало слезящимися глазками и непременно пучком не замеченных при бритье волос на подбородке или щеке.

Мошкин, запоздало сообразивший, что обновленная резиденция российского мрака ему не нравится, со скромной улыбочкой попятился к двери.

– Я сок куплю, хорошо? – оправдательно пробурчал он в пространство между Ромасюсиком и Тухломоном, втайне собираясь выбирать его до конца текущего десятилетия.

Тухломоша умильно закивал и задвинул речугу про полезность витаминов для растущего юношеского тела. Он даже подозвал двух суккубов, чтобы они потрогали Мошкину мышцы на руках и вместе с ним порадовались результату витаминного воздействия.

Но, увы, возжеленной покупке сока не суждено было состояться. Пока Евгеша отступал к двери, дверь таинственным образом исчезла, а на ее месте возникла глухая стена.

– И где дверь? – тупо спросил Евгеша.

– Какая? – удивился Ромасюсик, поворачиваясь к Тухломону. – Ты дверь видел?

Тухломоша поспешил поклясться суккубом Хныком, что в жизни не видел ни одной двери, хотя мечтает об этом с трех лет.

– Не веришь мне? К нотариусу идем! В натуре, кровью своей подпишусь! – дурным голосом заорал он и, заметив улыбку Наты, стал рвать на груди рубаху, предварительно аккуратно расстегивая пуговицы.

– Тогда я телепортирую! – сказал Мошкин.

– Да запросто! – согласился Ромасюсик и коварно добавил: – Только такой вот квесчун: куда? Вам там не полайкится!

Чимоданов, внезапно сообразивший, что означает слово «вам», запыхтел, как еж. Волосы и брови у него взметнулись колючками. Материализовав боевой топор, он грудью попер на Ромасюсика. Умный Тухломоша сгинул при первых же признаках опасности. Ромасюсик, как ни странно, не испугался. Несмотря на свою шоколадность, он был стреляный воробей.

– А вот хэндзами своими хавать меня не надо! – истерично завизжал он, толкая Чимоданова в грудь. – Не хэвай хэндзами, кому сказал! Ща гардов вызову – порвут!.. Нету тут двери! Нету! Без Прасковьи и Зигги Пуфса никто наружу не выйдет! Приказ такой!

Визг Ромасюсика подействовал на Чимоданова и Нату успокаивающе. Оба они относились к числу людей, на которых в раннем детстве орали и которым казалось, что только так и можно донести до собеседника свою мысль.

– И где найти этого вашего Пуфса? – поинтересовался Петруччо, опуская топор.

Ромасюсик мгновенно перестал верещать и с готовностью показал на неприметную дверь, которая прежде казалась входом в служебное помещение.

– Только не ломитесь все сразу. Он этого не лайтит. Пусть кто-нибудь один к нему погоуит, а там и Праша освободится! – посоветовал он дружески.

Мошкин, Чимоданов и Ната стали совещаться, кому идти. Мужская часть коллектива мужества не проявила и спихивала все на женскую часть. Вихрова презрительно фыркнула.

– А как ваш Пуфс относится к юным и безмерно симпатичным девушкам? – спросила она.

– Ты имеешь в виду кого-то конкретно? Из наших общих знакомых?.. Как правило, девушек он не убивает. За последнюю неделю уж точно никого, – произнес Ромасюсик с сомнением.

* * *

Ната постучала и вошла. Ее окружал полумрак. Единственное окно было зашторено, воздух – сперт и затхл. Пахло мокрыми тряпками. Ромасюсик захлопнул за ней дверь и повернул ключ. Слышно было, как он пыхтит. Ната рванулась трясти дверь, но застыла, сообразив, что такой реакции от нее и ждут.

«Интересно доводить того, кто доводится. Если же не обращать внимания, то глупым клоуном оказывается не тот, кто внутри, а тот, кто снаружи», – прикинула Вихрова и отложила месть Ромасюсику до того времени, как он на ней женится и они вместе создадут здоровую ячейку общества.

Обнаружив перевернутое ведро, Ната хотела сесть на него, но из темноты высунулась пухлая рука и цепко схватила ее за ногу. Вихрова наугад пнула кого-то и, повиснув на шторе, сорвала ее.

Солнце хлынуло в комнату косыми струями. Кто-то завизжал. Спасаясь от света и заслоняясь руками, от окна пятился пухлый кривоногий полумладенец с лицом дряхлого старца, глазами навывкате и бульдожьими красными мешками под ними. Однако самым омерзительным во внешности полумладенца были даже не эти мешки, а тонкая длинная борода, похожая на присосавшуюся к подбородку пиявку.

Там, где на кожу уродца падали лучи, вздувались белые водянистые пузыри. С шеи на длинной цепочке свисал дарх, болтаясь гораздо ниже пупа.

– Убери солнце, гадина! – сипел карлик.

Ната, опомнившись, вскарабкалась на подоконник и кое-как вернула штору на место. Жуткое существо перестало пятиться и размахивать руками. Теперь оно сидело на полу и шипело, осыпая Нату скверными словами.

– Вы Зигги Пуфс? – спросила Вихрова.

– Ну, я! Дальше что? – раздраженно спросил полумладенец. Голос у него был скрипучий, но с внезапными остренькими нотками и картавой невнятицей, переходящей в легкое звяканье.

Ощущение складывалось такое, будто Пуфс непрерывно сосал леденцы от кашля и они стучали о передние зубы. Через каждые два-три слова он делал стариковское движение, подбирающее слюну.

– Кто эта тетя? Мозно ее не убивать прямо сисяс? – спросил кто-то совсем в другой стороне.

Услышав шорох, Ната повернула голову и не завизжала только потому, что у нее не хватило воздуха.

В шаге от нее стоял огромный, метров двух с половиной, детина. Заросший жесткой шерстью, с жилистыми руками до колен, чудовищными плечами и выразительными надбровными дугами.

Ната спешно выдала лицом защитную волну, надеясь влюбить в себя это существо прежде, чем оно сломает ей шею. Детина влюбляться не стал, но дружелюбно осклабился.

– Тетя, а посему ты кивяися? – спросил он.

– Ты кто? – спросила она жалобно.

– Я Зигя Пуф! – капая слюной, представился громила.

На Нату он смотрел с недоверием, как ребенок, увидевший незнакомого человека.

– Кто-кто?

– Зигя Пуф! – повторил громила и, осмелев, добавил: – У тебя се-нить шладкое есть?

Вихрова тупо уставилась на карлика.

– Он говорит, что Зигги Пуфс – он! И вы собираетесь это так оставить? – сказала Ната, по привычке раздувая ссору всюду, где была хотя бы малейшая искра.

– Ну и что?! Он Зигя! Я – Зигги Пуфс! У меня два тела! – отгрызнулся карлик.

Он уже не шипел от боли. Вздувшиеся на коже волдыри исчезли. Полумладенец резво вскочил и, подбежав к Нате, коснулся ее тонким пальцем. Ната ощутила холод и мгновенную тошноту. В секунду мерзкое тартарианское существо исследовало ее до глубин души и пробормотало:

– Входишь как в родной дом! Чудесная гибкая совесть, эгоизм! Много самолюбия и саможаления! Любая светлая мысль тут соскользнет, как с гуся вода! Свету здесь и делать нечего!

Все это прозвучало быстро и мимолетно. Ната ничего не разобрала.

– Вы что-то сказали? – переспросила она растерянно.

– Молчи, мерзавочка! Не трать слов и не пытайся рассказывать, кто ты! Я уже знаю про тебя достаточно!.. Теперь говорить буду я, а ты слушать! – сказал карлик.

Он подбежал к великану и с удивительной ловкостью и быстротой вскарабкался ему на плечи, угнездившись там удобно, как индийский лучник в корзине на слоновой спине.

Зигги Пуфс был, возможно, самым необычным из стражей мрака. Необычность его заключалась в том, что он имел два тела. Одно тело занималось канцелярской работой. Это его стараниями дом на Большой Дмитровке, 13, обрел собственный разум и превратился в живое существо, подобное суккубу или комиссионеру.

Другое же тело, тело великана, имело только начальный разум. Его Зигги Пуфс использовал в сражениях. Не ощущавшее боли, яростное, мощное, оно орудовало тяжелой булавой. Громадное свое тело Зигги Пуфс называл «Зигя». Целыми днями оно таскалось за ним, ныло и кланчило «се-нить шладкое». Когда же было необходимо, карлик вытеснял слабое его сознание и сам принимал управление.

В настоящий момент вселяться в нечуткого и глупого громилу Зигги Пуфсу не хотелось. Он ограничился тем, что стукнул его кулаком по макушке и показал пальцем на дверь, ведущую в канцелярию. Зигя вздохнул, перестал грызть ногти и грузно затопал, куда было велено.

«Громильное тело» добралось до двери, которую Ромасюсик давно открыл, и вышло в канцелярию. Карлик нетерпеливо подпрыгивал на плечах, колотя ладонью по лысой и звонкой, как спелый херсонский арбуз, макушке.

По очереди суккубов и комиссионеров прокатилась волна. Комиссионеры засуетились. Суккубы робко мяли в ручках пакетики. Те, у кого была недостача хотя бы в один эйдос, бледнели и трепетали, мысленно пакуя чемоданы, чтобы низвергнуться в Тартар.

Ощущалось, что Пуфса эта публика боится до дрожи. Нате показалось, что даже Арея они опасались меньше. Тот был опасен только в гневе. Держись подальше, не попадай под горячую руку и уцелеешь. Пуфс же убивал равнодушно – не мечом, а единым росчерком пера отправлял в Тартар сотни и тысячи.

Одновременно с тем, как Пуфс появился в канцелярии, на лестнице, ведущей со второго этажа, послышались легкие шаги. Лицо Ромасюсика выразило напряженный испуг. Прасковья, стремительная, чуть запыхавшаяся, нетерпеливым взглядом окинула Мошкина, Нату и Чимоданова. Видимо, она втайне ожидала увидеть кого-то еще, потому что взгляд ее сразу опустел и померк.

– Где Мефодий? Не пришел? – сам себя спросил Ромасюсик и сам себе ответил: – Нету!

Хлоп! Правая ладонь Ромасюсика взметнулась и хлестнула его по щеке.

– Ай! За что?

– *Не мог нормально сказать: «нет!» А то «н-нету»?!* – передразнила Прасковья.

Тонкая, бледная, раздраженная, она была в платье настолько алом, что на него больно было смотреть. На виске пульсировала нетерпеливая жилка, похожая на пробившийся из-под наста подснежник.

Зигги Пуфс, восседавший на плечах у громилы, даже в лице не переменялся. Он, как видно, привык к тому, что Ромасюсик сам на себя орет и сам себя колотит.

– Разве это не одно и то же? – пропыхтел шоколадный юноша, втягивая голову в плечи.

– *Молчи, дешевый дурак!*

– Почему дешевый-то? – заупрямился Ромасюсик.

Как видно, он был знаком с прайсом на дураков и знал на них расценки. Губы у Ромасюсика тряслись. Он был как открытая тетрадь. По-женски умная Ната подзеркалила его и узнала тайную мечту шоколадного юноши.

Тот надеялся, что ему дадут другое, настоящее тело и женят на Прасковье. А там, возможно, Лигула когда-нибудь убьют, Прасковья будет только орать и хохотать, и тогда, наверное, он, Ромасюсик, станет единственным, кто сможет возглавить мра... О нет! Ната спешно принялась кусать губы, тая смех.

Ей вспомнился давний, еще зимний разговор Дафны и Мефа о Ромасюсике.

– Его нельзя делать начальником – даже самым маленьким. Сделай его начальником хоть над общественным туалетом – он и тут всем жизнь отравит. Даже если из подчиненных у него будут только бабка с ершиком и собачка Шарик, – заявил тогда Меф.

Даф напряглась. Ничего она не боялась так сильно, как категоричных суждений, особенно осуждающих кого-то.

– А тебя можно делать начальником? – спросила она осторожно.

– Не-а, – подумав, ответил Меф.

– Даже над туалетом?

– Ну разве что над туалетом, – пожав плечами, сказал Буслаев.

Даф успокоилась. Это был уже добрый знак, что раны, прежде проеденные честолюбием до мяса, начали затягиваться.

...Зигги Пуфс сделал быстрое движение и, кувыркнувшись, ловко и упруго скатился с плеч великана.

– Поговорили? – негромко спросил он у Прасковьи.

Та кивнула. Чимоданов удивился, как Прасковья может поговорить с кем-то, не прибегая к помощи Ромасюсика, но уточнять не решился. И, как оказалось, не напрасно. В конце концов, собеседники бывают разные.

На лестнице вновь послышались шаги. Мошкин вскинул глаза и, едва увидев между балясинами стреуголенные старостью ножки и постреливающие колени, уже знал, кто это. Мамзелькина! Вот только что она делает тут?

Аида Плаховна спустилась. Зигя перестал обгрызать ногти и нетерпеливо подпрыгнул, замахав руками. Окружавшие его комиссионеры метнулись в разные стороны. Один замешкался и потерял голову, причем даже не в переносном смысле.

– Ну, чего рассказкался? – добродушно спросила у него Мамзелькина.

– Бабуль, се-нить шладкое! – басом заныла «детка».

Аида Плаховна хмыкнула и достала из рюкзака яркую коробку.

– Вот дожила: взятку дали на старости лет. Один откупиться хотел, – пояснила она Нате.

– И вы взяли?

Мамзелькина не спорила.

– Взяла-то я, ясный пень, взяла... – хихикнула она. – Да ты, малый, не стесняйся! Больше загребай! Я сладкое-то не особо...

Гигант засопел и, ломая картон, принялся сгребать конфеты и засовывать их в рот, капая шоколадной слюной. Карлику это не понравилось. Он подскочил и принялся бить его по пальцам.

– Зигя! Не трогай! А у меня ты разрешения спросил? – орал Пуфс.

Мамзелькина небрежно оттолкнула его сухонькой ручкой.

– А ты, зигзаг батькович, не суйся! Без тебя разберемся! Кушай, дитяtko, кушай! – сказала она с непередаваемой старушечьей интонацией.

Чувствовалось, что Плаховна благоволит к малоумному гиганту и не переносит карлика.

Прасковья толкнула ногой Ромасюсика, засмотревшегося на поедавшего шоколад гиганта.

– Аида Плаховна! Покажите им, что мне показывали! – попросила она.

Рука Мамзелькиной снова скользнула в рюкзак. На сей раз из него извлечен был свиток. Едва показавшись, он стал стремительно раскручиваться и в одно мгновение занял весь операционный зал. Многие метры списка обрушивались на пол извилистыми волнами. В одну минуту они покрыли пол на высоту колена.

Сколько же там было имен! Десятки и сотни тысяч. Не только славянские, но и индийские, китайские, английские. Выведенные мелким канцелярским почерком с кокетливыми завитушками. Изредка попадались и высохшие брызги крови – должно быть, писарь, утомленный каждодневной рутинной, поленился промокнуть их и подчистить ножичком.

Прасковья и Зигги Пуфс внимательно смотрели на закручивающиеся волны свитка. Лица у них были ожидающие.

– Где же это было? – рассеянно бормотала Аида Плаховна, близоруко, но одновременно с чудовищной скоростью просматривая список. – Ага! Вот!

Свиток внезапно перестал раскручиваться. Мелкие буквы увеличились и выпрыгнули из него:

30 июля. 16.25

Петр Чимоданов – небрежное обращение с осколочной гранатой. Агония – четыре с половиной секунды.

17.01–17.59

Евгеша Мошкин – попал под трейлер (марка а/м «Вольво» гос. номер – А 234 УУ 177. Водитель – Зуев О.П. 1981 г.р.). Умер во время погрузки в машину «Скорой помощи» (марка а/м «Газель» гос. номер М 694 ПА 97. Водитель – Прошкин А.С. Старший санитар – Фулер М.Е. Врач-реаниматор – Цветкова И.И.)

Мошкин позеленел и тихо произнес: «Ой, мама!» Он уже подсчитал, что ему предстоит мучиться целых пятьдесят восемь минут. Чимоданов принялся с негодованием бормотать, что у него нету никаких гранат, но внезапно о чем-то вспомнил и смущенно умолк.

– Ого! Сколько деталей! – умилился Ромасюсик, пробежав глазами по буквам.

– Лигул сам все продумал. Охота ему было в мою работу влезать! Теперь грузись вот: весь этот народец отлавливай: Прошкин, Зуев... за руль сажай, – неодобрительно отозвалась Плаховна. Как профессионал, она не перебаривала стороннего вмешательства.

Поняв, что ее в списке нет, Вихрова довольно хмыкнула и удержала в стоячем положении сползавшего на нее Мошкина.

– Печальный денек будет тридцатого июля! Надо не лениться и купить что-нибудь траурное, – заметила она.

– И не говори! Я и сама об этом подумываю! – согласилась с ней Мамзелькина.

Свиток прокрутился строчек на двадцать вниз.

30 июля. 23.00

Наталия Вихрова – на усм. исп.

Утверждаю: Л и г. (противенькая подпись – мелкая и дотошно старательная).

– Так и знала, что у него фантазия иссякнет! На Groшкиных и Брошкиных весь израсходовался! «Газеля» ты наша! Вот оно – в чужую работу лезть! – торжествуя, сказала Аида Плаховна.

Теперь уже Мошкину пришлось поддерживать Натю.

– Что такое «на усм. исп.»? – трусливо спросила она.

– «На усмотрение исполнителя», – охотно расшифровала Плаховна. – Это означает, что я сама вправе определить способ. Я, благородно сказать, ишшо не думала. Не бойсь! Упакуем в аккурат как на почте!

– За что вы нас так? – простионала Ната.

Мамзелькина печально зарумянилась и высказалась в духе, что она вовсе не зверь. Просто однажды ошиблась с выбором профессии.

– Но Аидушка!..

– Я уже которую тыщу лет Аидушка!.. Не подлизывайся! Мое дело сторона! Надоть значить надоть! – твердо отрезала Плаховна.

Голос у нее стал сух и негибок, как старая подошва. Да, к Арею старушка, возможно, относилась неплохо, в меру алкогольной дружбы. На остальных же сотрудников симпатия «Аидушки» не распространялась.

Мошкин обреченно подумал, что для Мамзелькиной «надоть значить надоть» уже конечная инстанция. Есть приказ – значит нужно топать и выполнять. Хотя именно такое простое поведение является наиболее оптимальным в большинстве запутанных ситуаций. Если, конечно, изначально выбрал себе верное начальство.

– И вам не жалко нас будет? – с отчаянием продолжала Вихрова.

«Аидушка» пригорюнилась и погладила ее по ручке.

– Куды ж не жалко? Все ж таки свои, не чужие! Ужо помянуть, конечно, придется – тут без медовухи никуда, – сказала она с предвкушением пьянки.

– Потерпите немного, Аида! Ваша голова нужна нам светлой! – льстиво произнес Зигги Пуфс.

Заметно было, что мостик его отношений с Плаховной еще не выстроен. Усмотрев в «светлой голове» льстящую ей двусмысленность, Мамзелькина задрезжала невидимой копилочкой и согласилась погодить.

– Ужо погожу... До тридцатого-то числа! – пообещала она.

Петруччо ошетинился, как противотанковый еж, встретивший противотанковую ежиху. Раз по-хорошему не получается – надо идти напролом.

– ПОДЧЕРКИВАЮ! У нас есть эйдосы и права! – заявил он.

– Права у водителя автобуса! А у вас так, правишки! – поправил Тухломоша, невесть откуда высовываясь и исчезая прежде, чем Чимоданов успел выбросить кулак.

– У нас есть эйдосы! – упрямо повторил Петруччо.

Зигги Пуфс пакостно ущипнул бородку. Во всех чертах жирного его личика прыгало торжество.

– Не заблуждайся! Вы до сих пор сотрудники мрака! Свет, возможно, оспорит ваши эйдосы, а вот жизнь наверняка не оспорит. Вы наши со всеми потрохами! – произнес он резким и тонким голосом, похожим на скрип дверных петель.

В бюрократическом его тоне было столько уверенности, что сердце обвалилось у Мошкина в груди. Он понял: так и будет. Действительно, какой смысл свету бороться за их жизнь, когда с каждым днем они все больше запугиваются в сетях мрака, себе же делая хуже? Потуг бросить и исправиться нет.

– Это нечестно! Я теперь гранату даже и в руки не возьму! Лучше бензопилой себе их отпилю! – отчаянно сказал Чимоданов.

– А я на улицу не выйду! Засяду с утра тридцатого на крыше многоэтажки! Туда трейлеру не проехать! Не надо было предупреждать! – заупрямился Мошкин.

Мамзелькину угрозы не смутили.

– И, родной, пустое болтаешь! – сказала она небрежно. – Это уж мои заботы! Хоть руки

отпили, хоть в сейф запишись и на дно морское спрячься! И там тебя найдут водитель Прошкин, старший санитар Фулер и врач-реаниматор Цветкова И.И.

Чимоданов горестно оскалился. Он понял вдруг, что все это правда. Тупик. Что ни делай, куда ни прячься – они в руках мрака.

– Эх! Сесть бы на атомную бомбу, пульт в руку и поджидать Мамзелькину! Только косой замахнулась – чик! – нажать на кнопку, – сказал он.

Аида Плаховна покачала головой.

– Ты опять ничего не понял! В ту секунду, как ты нажмешь на кнопку, – я и приду.

– Нас хотят убрать из-за Мефа? Из-за него, да? – обреченно спросил Мошкин.

«Аидушка» не ответила. Свиток у нее в руках стремительно скручивался, и Мамзелькина беспокоилась, чтобы не было загибов. Зато, как всегда случалось при упоминании Буслаева, оживилась Прасковья.

– *А из-за кого еще? Представь, в ночном клубе работают четыре родных брата. Один украл недельную выручку и сбежал так быстро, что его не догнали. Как думаешь, кого прижмут?* – сказал Ромасюсик свежесдобитым голосом.

Зигя, умявший конфеты Мамзелькиной, поднял голову и уставился на шоколадного юношу. Должно быть, Зигю осенило, что Ромасюсик тоже в некотором роде является конфетой – гигантской и оттого вдвойне привлекательной. Он даже в носу перестал ковырять, так поразила его эта мысль. Ромасюсик, ощутивший к себе нездоровый интерес, встревожился.

Ната, цепким умом просчитывающая варианты, внезапно потеряла интерес к Мамзелькиной и требовательно коснулась плеча Зигги Пуфса. Тот неохотно повернулся.

– Чего тебе?

– Приказ же исходит от Лигула? – строго спросила она.

Гноящиеся глазки Пуфса были холодными и подернутыми пленкой, как мясной бульон.

– Само собой. И что из того? – равнодушно согласился он.

– С Лигулом можно договориться? Мы согласны на все!

Пуфс накрутил бородку на палец.

– Я не ослышался? На все? – вкрадчиво уточнил он.

– На все! – уверенно повторила Ната.

Карлик поочередно уставился на Чимоданова и Мошкина. Те молчали, но молчали, увы, скорее в смысле «да», чем «нет». Ромасюсик пятился от наступавшего на него Зиги, только что попытавшегося отодрать у него ухо. Мамзелькина невинно поправляла бомжацкий свой рюкзачок.

– На колени! – приказал Пуфс.

– Что?

– Что слышали! Все трое – быстро на колени!..

Голос Пуфса стал резче. Евгеша внезапно осознал, что все, включая их капитуляцию, было просчитано этим лилипутом с самого начала. Где-то в глубине сознания вспыхнула искра надежды. Неведомая подсказка попыталась пробиться наружу, но не пробилась. Погасла.

Первой опустилась на колени Вихрова, вторым – Мошкин, а третьим – пыхтя и негодуя, но все же покоряясь, Чимоданов.

– Отлично! Я доволен! – похвалил Пуфс. – Вскоре светлые отправятся на поиски одной вещицы. Напроситесь с ними! И помните – любая попытка соскочить с крючка – и от тридцатого числа вас никто не спасет! Ясно?

– Ясно, – буркнула Ната. – Ну напросимся мы в поход. А дальше что?

Не отвечая, Зигги Пуфс подошел к своему громильному телу, вскарабкался на него и деловито выудил у него из-за уха мерзкое насекомое с короткими, слабо шевелящимися лапками. Насекомое было прозрачным. Внутри переливалось нечто рубиновое, дробящееся на отдельные капли. Размером насекомое было с десятикопеечную монету.

– Ну-ну! Насосался! Бедный Зигя!.. – пожалел Пуфс.

– Клесь похой! Клесь обидел Зигю! Зигя раздавит клесь! – забухтел гигант.

Пуфс ударил его по пальцам, а когда гигант помешкал убрать руку, вцепился зубами в запястье.

– Я те трону! А ну убрал бревна!!! Я тебя самого раздавлю! – завизжал он.

Оглушенный гигант застыл, испуганный яростью этой мелкой козявки – своего хозяина.

– Что это? – спросила Ната.

– Тебе сказало было русским языком: «клесь»! – передразнил карлик. – «Сусество» из Нижнего Тартара. Абсолютно безмозглый, как и вы все, но безумно живучий! Главное, что у меня с ним непрерывная связь. Особенно когда он выпьет хоть каплю крови! Понятно?

Ната поспешно кивнула. Она надеялась, что это успокоит Пуфса, но он рассвирепел еще больше.

– Что тебе понятно? Что такой тупой дуре вообще может быть понятно? – кривляясь, запищал он. – Светлые, конечно, подстрахуются. Не будут использовать маголодий, поставят заслоны от комиссионеров и вообще сделают все, чтобы мы их не нашли. И вот тогда ты будешь доставать моего клещика и сажать его на свою грязную руку, чтобы он укусил тебя! У тебя ненадолго будут появляться мешочки под глазами, но ты не сдохнешь! Я же всегда буду знать, где вы! И только попытайся потерять мою козявочку! Я тебя своими руками выпотрошу!

Ната, сглотнув, повторила, что все поняла. Победив брезгливость, она взяла клеща – неожиданно тяжелого, безмерно холодного и, вероятно, прожорливого.

– Остальным тоже ясно? – елейным голоском уточнил Зигги Пуфс.

Чимоданов и Мошкин уверили его в своей понятливости. Бородатый младенец махнул слабой ручкой. Появившаяся дверь открылась узко и косо, как рот у улитки.

– А теперь пошли вон, пока я не передумал! – приказал он.

Первым наружу выскочил Чимоданов, за ним, отстав на полшага, Евгеша. Натке же Прасковья хладнокровно подставила ногу. Разогнавшаяся Вихрова проехала животом по скользкому полу. Ощущая боль в содранной ладони, взбешенная Ната вскочила, чтобы оказаться нос к носу с Прасковьей.

– Чего тебе надо? Мы же на все согласились! – заорала Вихрова, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на нее.

Насколько она была разъярена, настолько Прасковья хладнокровна. Казалось, что одной ее бабушкой была Снегурочка, а другой – Снежная королева.

– *Пару слов! Мне нужен Меф!*

– Ну и бери его! Подавись им! Я-то тут при чем? Я его сто лет уже не видела. Сегодня только встретилась мельком, – огрызнулась Ната.

– *Едва ли Дафна потащится в поход без него! Она у нас опекающая мамаша! Мне плевать, как ты это сделаешь, но если не устроишь – убей себя об стену!*

Ромасюсик, вынужденный это озвучить, скривился, будто откусил кислое яблоко.

– Сдался тебе этот Буслаев, Прашечка! Я не андэстендю! Ты же и так уже тоску на него наслала! Недели две теперь места себе не найдет! – не удержался он, когда дверь, выплюнув Натку, сомкнула свой рот.

Зигги Пуфс перестал чесать голую ляжку.

– *Откуда знаешь?* – проворчала Прасковья, с ненавистью косясь на помидорные, внешне незаинтересованные ушки Пуфса и зашкаливающее честное, мигающее бюргерскими глазками лицо Тухломоши.

– Да так вот! Вчера всю ночь скоморошья кости под домом шевелились, – наябедничал шоколадный юноша.

Пуфс осклабился.

– А я и не заметил! Это ж надо такую силу желаний иметь! – сказал он умиленно.

– И фотками Буслаева все стены себе оклеили! На одной даже помада была! Тридцать фоток скрытой камерой: на работе, на улице, в подъезде, и везде он урод уродом!.. И ведь

даже не клевер! – продолжал ревновать Ромасюсик, обозначавший этим словом ум.

– *Выключи звук! Ты, дрянь!!!* – внезапно заорал он сам на себя и трусливо зажмурился. Он всегда безошибочно ощущал время очередной взбучки.

Несчастливая болтливая шоколадка стояла по стойке «смирно», ожидая оплеухи. И, разумеется, дождалась. Прасковья с омерзением вытерла запачканную шоколадом ладонь и, круто повернувшись, ушла к себе. Очередь суккубов и комиссионеров метнулась в разные стороны – точно нож рассек сливочное масло.

Ромасюсик всхлипнул.

– *Одного не могу понять: зачем Прасковье Мефодий? Что он – самый красивый, самый умный? Зуб у него отбит, и подбородок колючий, и папашка у него алиментщик! Да ты лучше этого Буслаева в тысячу раз!* – стал утешать его Тухломоша.

Он стоял рядом и, склонив голову, со скрытой иронией разглядывал Ромасюсика. Шоколадный юноша перестал всхлипать и скромно улыбнулся. У него действительно сохранялись кое-какие заблуждения на свой счет.

– Ну, может, не в тысячу... – сказал он робко.

– *Зято вкюснее в туюсяю!* – убежденно проговорил гигант Зигя.

Улыбка Ромасюсика затерялась в трясущихся жележных дебрях его щек.

Глава 5

Угонщики трамваев

Во что человек верит, то он и есть, а сложнее рассуждать – только путаться!

Эссиорх

Трамвай подошел почти неслышно – светящийся, почти пустой красный вагон. Казалось, сумеречная дождливая Москва играет им, гоняет его точно яркий мяч – туда-сюда, из одного района в другой. В плоских асфальтовых лужах отражались его яркие отдувающиеся бока. Трамвай остановился, негромко звякнул электрическим голосом и распахнул двери.

Еще минутой назад Даф и не планировала в нем ехать. Да и настроение было самое нетрамвайное, а скорее автобусное или метрополитеновское. Трамвай, в конце концов, романтический вид транспорта, троллейбус – философско-гудящий и усато-тараканящийся, а вот об автобусе и метро этого уже не скажешь. Они удобны, безлики и безнадежно функциональны. В трамваях ездят редакторы и поэты, которым плевать, куда идет вагон; в автобусах же тухлые прагматики, у которых почти наверняка в глубине кармана заготовлен на будущие времена ламинированный прямоугольник собственного водительского удостоверения. Ну это, конечно, когда есть выбор, на чем ехать. Когда же выбора нет – не считается.

Свободных сидений было много. Даф села в самом конце вагона и стала смотреть в окно. За стеклом шевелилась темнота. Вагон покачивался, звякал и скользил по рельсам куда-то в срединные районы Москвы, граничащие с наружной частью Садового кольца. Люди, входившие в вагон на остановках, все как один были с яркими желтыми зонтами. Они стояли и встряхивали ими, разбрызгивая капли первого за последнюю жаркую неделю дождя.

«Бывает же такое! Просто заговор желтых зонтиков! Хоть бы один синий или полосатый!» – рассеянно подумала Даф.

На всякий случай она проверила и убедилась, что люди самые обычные. Ни суккубы, ни комиссионеры, ни прочие шпионящие гадики. Большинство даже не поэты. И между собой, разумеется, все незнакомы.

Даф честно прикинула вероятность десяти желтых зонтиков подряд и поняла, что само собой такое может случиться раз в миллион лет. С другой стороны, само собой в этом мире

ничего не происходит, и можно не заморачиваться.

Депресняк свернулся у нее на коленях и, томно перебирая передними лапами, ржаво мурлыкал. Под новым комбинезоном горбатились сложенные крылья. Затем кот закрыл глаза и, сделав миру большое одолжение, согласился уснуть.

Дафне тоже хотелось задремать. Она плохо спала вот уже вторую ночь подряд. Рука, порезанная мечом Мефодия, ныла. Ей снились бредовые сны и навещали чужие мерзкие мысли. Все же хорошие мысли, точно сговорившись, отодвинулись. Видимо, им неприятно было подходить к ней, как чисто одетого человека не тянет обнимать того, кто только что вылез из канализационного люка.

Мефодий был в «Пельмене», куда его вызвали подменить Памирджанова, захворавшего хроническим воспалением хитрости. Смена его заканчивалась не скоро, и Дафна решила побродить по городу. Тут-то и застал ее дождь.

Глядя на лиловую полоску дождящего неба, которая с каждой минутой все сильнее заваливалась в фиолет, Даф думала об Арее. Нельзя сказать, чтобы он очень обрадовался, увидев их в секретном убежище Варвары. Дафне показалось, что минуты две он колебался, не пустить ли в ход меч. Потом, взяв Дафну за рукав, потянул ее за дверь. Мефу это не понравилось. Он вопросительно уставился на нее, советуясь, не надо ли вмешаться.

Даф улыбнулась ему, показывая, что все в порядке. Все друг друга знают, и все в шоколаде. Буслаев так не считал, но все же остался с Варварой. Та спрятала тесак в ножны, но, как отметил Меф, предохранительный ремешок застегивать не стала. Весь настороженный вид ее говорил, что нет мира лучше вооруженного нейтралитета.

– Я хороший, – примирительно сказал Меф.

– А я – нет, – отвечала ему Варвара.

– Че ты такая колючая?

– Отвали! Язык не обо что почесать? Почеши о стену! – отрезала Варвара, и Меф растерянно умолк.

Как нейтрализовать мужскую агрессию, он знал, а вот женская агрессия его всегда озадачивала. Драться не будешь, ругаться тоже, как-то это по-бабски, а в сторону отойти не всегда получается.

Арей и Дафна остановились в переходе, там, где уползала наверх сбитая мозаика кафеля. По лестнице как раз спускались два парня. Мечник посмотрел на них так сумрачно, что парни вспомнили о забытых делах и повернули обратно.

Арей оберегал свое призрачное счастье, как дикий лесной зверь. Не веря никому и даже самому себе, он стоял над ним, оскалив клыки, и никого не хотел подпускать близко. Дафне стало жутко.

– Мы в равном положении, – сказал мечник, угрюмо глядя Дафне в центр лба. – Меф не знает, кто он. Варвара не знает, кто я. Баш на баш! Идет?

– А кто вы? – озадачилась Даф.

Арей напрягся.

– А, ну да, бывший начальник русского отдела!

– Не нарывайся, светлая! Для нее я богатый мужик, который от кого-то скрывается.

– А-а...

– Теперь о вас с Мефом: как вы здесь очутились?

– Случайно, – начала объяснять Даф. – Понимаете, собака украла курицу, а мы как раз были рядом и...

Арей нетерпеливо дернул головой. Чувствовалось, что слушать кудахтанье про петушков и курочек он не расположен.

– Допустим, все так и было. Чем бредовее объяснение – тем ближе к правде. А теперь совет: как вы нашли дорогу сюда – так ее и потеряйте. Если хотите жить, отмотайте память на полтора метра назад и пустите ее по новому руслу!

Даф кивнула, понимая, что спорить с Ареем не в ее интересах. В конце концов, не он свалился им на голову, а они ему. Мечник смягчился и с усмешкой добавил:

– Можешь считать, что у нас в подземном переходе открылся дополнительный офис мрака. И вам, светлым, путь сюда заказан. В старый-то офис меня теперь небось и не пустят.

– За что Лигул вас так? – спросила Даф. – За Мефа?

Арей поморщился.

– Не только. Наш карапузистый наполеончик собирается все тут зачистить. Россия с точки зрения мрака самая неблагополучная страна, которую надо срочно пустить по западным рельсам. До нормального цивилизованного мира, который выращивает мраку эйдосы послушно, как свинья сало и щетину, нам еще скатываться и скатываться. Этот дурачок не понимает специфики России! Русских можно задавить только жиром и собственностью! Никакое внешнее давление тут не поможет!

– Что, правда? – обрадовалась такому признанию Даф.

К Арею – мрачному, неустроенному, ночевавшему в подземном переходе – она внезапно стала испытывать сложные чувства. Из-под недоверия пробились жалость и симпатия. Все-таки на Большой Дмитровке он был на своем месте, а тут...

– А если скинуть Лигула! – наивно предложила она.

Арей осклабился.

– О, советы по обустройству мрака! Что я слышу, светлая? Надеюсь, они согласованы с твоим непосредственным начальством?

Дафна смутилась.

– Лигул же обнаглел! Наверняка многим из бонз мрака он не нравится. У вас же есть друзья, – сказала она, следуя принципу: если сел в лужу – не признавай это и греби дальше.

– И кто эти таинственные друзья? Не познакомишь? – заинтересовался Арей.

– Вильгельм или Барбаросса? Нет? – наобум назвала Дафна. – Они же уважают вас и вообще Россию!

Смех Арея был похож на чих. Дафна даже дернулась.

– Вильгельм и Барбаросса уважают меня? Любят Россию? С какого дуба надо рухнуть, чтобы нести такую чушь? Да если б существовал такой большой кирпич, которым можно было всех нас разом прихлопнуть и при этом не слишком навредить экологии, они бы нас прихлопнули и преспокойно любили дальше.

– А Мамзелькина?

Услышав о Плаховне, Арей мимолетно задумался, после чего с иронией произнес:

– Аида-то? Товарищ-то она, конечно, надежный. Но с ней закон такой: дружить дружи, а на длину косы не суйся!

Дафне казалось, что, разговаривая с ней, Арей рассматривает ее недоверчиво и одновременно насмешливо. Чем дальше, тем больше становилось этой затаенной насмешки. Точно он видел что-то, чего не видела она. Прищуренные медвежьи глазки утратили объем и казались плоско залепленными черной бумагой. Ни блеска, ни выражения. Дафне стало жутко.

– А знаешь, что я скажу тебе, светлая?... – спросил он внезапно.

– Да?

Но мечник уже, передумав, мотнул тяжелой головой.

– Да ничего. Меньше знаешь – меньше мучаешься.

Вспомнив об этом сейчас, Даф вздрогнула и прижалась лбом к стеклу. Снаружи, совсем близко от ее глаз, наискось бежали дождевые слезы. Если бы не размытые круги фонарей и разноцветные пятна окон, казалось бы, что и Москвы никакой нет. Есть только рельсы и несущийся по ним вагон.

Трамвай покачивало. Желтые зонтики входили и выходили бесшумно, как роботы. Даф повернула голову и, касаясь холодного стекла уже не лбом, а виском, закрыла глаза. Ей казалось, что всего на минутку.

Когда она вновь их открыла, вагон продолжало болтать. Дафна не сразу заметила, что что-то изменилось. Все же через минуту в глаза ей бросились кое-какие несуразности. Первое: огни за окном исчезли, как если бы они выехали из города, что с трамваем

невозможно. Второе: пропали желтые зонтики и вообще все пассажиры. Третье: куда-то запропастился Депресняк. Его комбинезон лежал у Дафны на коленях аккуратно сложенный. Получалось, что кот не только разделся, но и бережно упаковал свое барахлишко. Четвертое: вагон покачивало не из стороны в сторону, а сверху вниз. Пятое: как-то слишком долго не было остановок.

Удивленная Дафна встала и открыла раздвижное окно. В вагон снаружи ворвался и засвистел упругий ветер. Щурясь, Дафна высунулась и увидела множество спутанных сизых полотенец. Полотенца, наложенные друг на друга, как вафли в торте со сгущенкой, слабо шевелились, легко расплываясь и теряя очертания.

«Тучи!» – с трудом узнала Даф. Опустив взгляд, она увидела между кипами полотенец неровное шершавое одеяло, по которому ползла сверкающая змея. Если присмотреться, можно было разглядеть на змее отдельные скользкие чешуйки.

«Шоссе! Машины!» – сообразила Даф, испытывая заторможенный восторг узнавания. Сомнений больше не оставалось: трамвайный вагон мчался по небу где-то в ближнем – а то и не ближнем уже – Подмосковье.

Даф хотела было закрыть стекло, когда нечто, сложив крылья, метнулось в него. Повисло на ней и жалобно мявкнуло со звуком старой дверной петли. Это был Депресняк, холодный и мокрый. В складках его крыльев хрустел ледок. Все говорило о том, что кот, истосковавшийся по полету, отсырев в тучах, поднялся невесть на какую высоту и там обледенел.

Вооруженная котом и извлеченной из рюкзака флейтой, Дафна стала пробираться по прыгающему салону к кабине водителя. Разгадка, по всем признакам, скрывалась именно там. За занавешенным стеклом угадывались острые узкие плечи и голова с высокой прической, как у старых фрейлин.

Прическа эта кое-кого напомнила Дафне, и она поспешила спрятать флейту. Если в кабине сидела та, о ком она подумала, флейтой ее лучше было не дразнить.

– Ау! – окликнула Дафна неуверенно.

– И фто мне, скажи, за фадость слыфать твое «ау»?! – отозвался спокойный голос.

Уже не сомневаясь, Дафна сделала последнюю перебежку, повисла на поручне и заглянула в кабину. Желтые фары трамвая разбивались о тучу и застывали впереди пятном, скорее мешавшим, чем позволявшим разглядеть что-либо.

На месте водителя трамвая сидела Эльза Керкинитида Флора Цахес. На носу у нее помещались круглые маленькие очки. Они были уникальны уже тем, что со свойственным ей своеобразным юмором Шмыгалка белилами изобразила на них круг и прорезь оптического прицела.

Как всегда, она показалась Дафне смешной и грустной одновременно.

– Это вы выпустили кота?

– Да, тарогой мой фюпсик! Он пыл такой несфястный... Надеюсь, ты не против, филочка моя?

Дафна благоразумно промолчала. Она отлично помнила, с кем имеет дело.

Внезапно вагон резко дернулся и начал падать. Дафна взвизгнула. Эльза Керкинитида Флора Цахес неспешно извлекла флейту, мало смущаясь тем, что они почти лежали на водительском стекле. Как всегда, маголодии ее были безошибочны. Трамвай вернулся на прежнюю высоту. Даф прикинула, что собственных ее способностей едва хватило бы, чтобы поднять в воздух мотоциклетную коляску. Куда уж там вагон!

От Эльзы Керкинитиды ее восторг не укрылся.

– Нифего слопного, фюпсик мой! Пфосто фоздушная фяма! Твенадцать лет тренифюфок по четыре часа в тень – и ты пудешь тефать это дазе луфте меня! – великодушно сказала она и поймала Даф в оптические прицелы очков: – Конефно, ты хочешь спросить, сачем я устроила этот маскарад. Мне фотелось поговорить с тобой наедифе. Ксеме фсега профего, кфайне забэфно ощутить сепя угонщицей трамвая... Теферь о тефе! Как ты себя ощущаешь в трудах и личной шизни?

Вопрос был невинный, но Даф почувствовала подвох и напряглась.

– Прекрасно! – ответила она.

Эльза Керкинитида провела ладонью по остренькому носу, сделав то уникальное движение, которое и сделало ее «Шмыгалкой».

– Так фректрасно, что таже Фроил зафил тревогу и послал меня к тефе? – уточнила она ласково.

Дафна испугалась.

– **Троил забил тревогу и послал вас???**

– У меня фто, кафа во рту, фто меня нельзя рафлысать с первого рафа? – оскорбилась Шмыгалка. – Тарогой мой фюпсик! Я здесь, потому что ты в польшой педе! Ты ничефо не хочеш расскафать про меч Буслаева?

– А, ну да! Я порезалась. А вы откуда знаете? – озадачилась Даф.

Шмыгалка дернула подбородком, отчего ее высокая прическа клюнула точно поплавок.

– От Корфелия! Он заскакивал в Эдем, чтофы получить нагофяй за недоставленную коресфонденцию!

– И всем раструбил! – сказала Даф с досадой. – Болтун – находка для шпиона! Шпион – находка для болтуна. Симбиоз трепачей в природе!

Эльза Керкинитида негодующе воззрилась на нее сквозь очки. Боль в ее голосе была искренней.

– Ты нефего не поняла! Корфелий расскафал Фроилу. Фроил пришел в уфас и физвал меня! Что ты надефал, фюпсик мой! Почему не позвал меня?

– Там была обычная царапина!.. Ну, глубокая. Я и сама бы все сделала, но боялась испачкать флейту и пальцы онемели. Вот и позвала Корнелия.

– Разумеется, фюпсик мой! Корфелий очаровательно зарубцевал тебе рафу и останофил крефь! – сказала Эльза Керкинитида с крайней иронией.

– И что тут плохого???

Шмыгалка вскочила так резко, что едва подхватила падающие очки.

– Фидишь ли, филочка моя! Ф твои годы полезно иметь не только крафивое тело, но и немного мофга!!! – крикнула она с гневом. – Это отнофится и к тефе, и к Корфелию!!!

Это был второй случай за десять тысяч лет знакомства, когда Дафна видела учительницу по музомагии кричащей. Первый случай был, когда Даф пробила маголодией хрустальные сферы Эдема.

– Да что случилось? – спросила она робко.

– Пофа бы уже знать!!! Если стража проткнут артефактом, песполезно накладывать на рафу фластырь! Если фнаружи рафа и заживет – фнутри фсе равно останется дыра! Меч Мефодия был когда-то мечом света. Это очень скферно, потому что у нас нет от него защиты!

Вагон дернуло, и ноги Дафны отделились от пола. Возвышенно-трагическое настроение Шмыгалки сказывалось и на полете.

– И что мне теперь делать? – спросила Даф.

Если поначалу она не испытывала страха, то теперь он понемногу начинал просачиваться. Точно в душе капал подтекающий кран. Даф ощутила легкую дурноту.

Эльза Флора Цахес поднесла к губам флейту.

– Пока не знаю. Сейчас выясним. Фупсик мой, если фюдет немного больно, пофытайся поферпеть! – ласково попросила она.

Маголодии Дафна не услышала. Заныл висок, и раненая ладонь налилась ртутной пульсирующей тяжестью. Рука повисла как плеть. Будто что-то, сидящее внутри, рванулось наружу, но после передумало и осталось.

Даф вскрикнула не столько от боли, сколько от омерзения. На миг она почувствовала у себя внутри узкую холодную змею. Маголодия напугала ее и заставила метаться, но змея быстро освоилась и, покинув ладонь, скользнула выше по руке, к плечу, а от него к сердцу. Несколько мгновений Дафна безошибочно ощущала ее, после чего змея вновь стала

неосязаемой.

Шмыгалка опустила флейту и укоризненно уставилась на мундштук, точно это он был виноват в том, что у них ничего не получилось. Как известно, поиск виноватых – самое популярное развлечение всех неудачников после угрюмого саможаления и отравления жизни близких. Эльза Керкинитида неудачницей не была, но поискать виноватых любила.

– Ну фот, феточка моя! Ты псе поняла? – спросила она.

– Там была змея! – выдохнула Даф.

– Фримерно так оно и есть! – кивнула Шмыгалка. – Магия меча фриняла форму фмеи! Теперь фмея растет, а когда перестанет помефаться у тебя фнуфри, ты фумрешь...

Даф сглотнула, пытаясь сообразить, хорошо или плохо то, что Шмыгалка сказала все открытым текстом? Разве от умирающих этого не скрывают? Значит, шанс все же есть?

– А ваши маголодии? – с надеждой спросила она.

Эльза Керкинитида дернула острым плечом.

– Офомнись, филочка моя! Маголодии на тебя уже не феиствуют! Ты сама фидела!

– Что, никакие? – спросила Даф.

– Это пыла самая фильная! Фильнее нифего неф! Можно повторить ефе раз, но фолку не фудет! Чем фольше эта кадина будет метаться, тем фуже для тебя! Если бы фы позвала меня сразу, мы уфили бы ее в яйце! Пуф – и в голофу! А теферь поздно!

– Никакого толку?

– Ап-пфолютно! – торжествующе отрезала Шмыгалка. – Фот он твой Корфелий! Подлечил ранку?

У Даф кружилась голова. Виски покрывала испарина. Она смотрела на Депресняка и отрешенно думала: «А у него зазубрина на хвосте!»

– Значит, я обречена, – сказала она.

– Оп-пречена? Кто тебе сказал такую фюшь? – удивилась Шмыгалка.

– Вы!

Эльза Керкинитида с достоинством выпрямилась. Ее волосяное сооружение уткнулось в крышу трамвая, не рассчитанную, чтобы вместить все его величие.

– Да пудет тебе ифестно, филочка моя: я никогда в жизни не сказала ни флова фюши!!! Ни флова, заметь!!! Да, наши маголодии бесфильны! Я поняла это сразу, едва этот туфак Корфелий похвастался, что тебя вылечил. Если хочешь прогнать сопаку, ударь ее пфалкой! А он замурофал сопаку в конуфе!!! Умный отличается от туфака, в сущности, одним: туфак считает себя умным, а умный – туфаком! – продолжала бушевать она.

Дафна попыталась осторожно переключить ее с Корнелия на себя:

– Но если маголодии бессильны, то значит... – начала она.

– Когда пессильны маголодии, поможет ожефелье триады!.. Единственное, что излечивает от фостейстфия преобразившихся артефактов! – оборвала ее Шмыгалка.

Дафне почудилось, что трамвай падает и даже уже упал. Лишь несколько секунд спустя она осознала, что обрушился не трамвай. Она сама сидела на полу и отупело смотрела на трамвайные тумблерочки, помещавшиеся у самого ее носа.

Шмыгалка подула, и пузырек с аммиаком исчез из ее ладони.

– Ф тругой раз, когда фздумаешь обрушиться – не подай меня лбом! Колофа закружилась? – спросила она.

Сочувствия у нее в голосе было, как обычно, немного. Шмыгалка была дамой действия, а не размазанной жалости.

– Вы сказали: дриада. Репейная? – задала встречный вопрос Даф.

– Ты с ней снакома? – удивилась Эльза Керкинитида. – Да, она самая! Она к тебе уже приходила? Хотя, фто ты фочешь, рефейник – фтука прилипчивая!

– Приходила! Еще до того, как я себя ранила. Откуда она узнала?

– Ожефелье! – пояснила Шмыгалка уверенно. – Оно заранее чувствует, кому нужна будет его фомощь. Что триада тебе гофорила?

– Ну, что она сама по себе, никому не служит... – осторожно начала Даф.

Шмыгалка кивнула.

– Изфестная фтука! Есфи кто-то уфорно заявляет, что не флужит ни свету, ни мраку, почти наверняка он закончит ф Тафтафе! Тот, кто служит себе, служит могильным черфямм! Она тебе что-нибудь предлагала?

– Да. Требовала взамен мои волосы и... э-э... – Даф смутилась. У нее как-то язык не поворачивался назвать себя красивой.

– Не кфасней – у меня аллергия на помидоры! Наверняка позарилась на твою конфетную мордафку! – уверенно заявила Шмыгалка.

Дафна изумилась точности попадания. Тем более что подзеркаливания, как она ощущала, не было.

– Откуда вы знаете?

– Я тримерно представляю, как работают мозги у триад. Они хотят получить все яркое, что фидят. Нафеюсь, ты ей ничего не обефяла? Если обефяла – придется фыполнять.

– Не обещала, – сказала Дафна. – По ней полез Депря, я его неосторожно дернула, и он расцарапал ей все лицо. Она обозлилась, крикнула, что я не получу ни одной бусины, и исчезла.

Шмыгалка укоризненно направила очки на кота и долго молчала.

– Не пери в голову! – сказала она наконец. – Скферно, конечно, все вышло, ну и ладно. Ф люпом флучае тобром бы она не дала. После каждой помощи у нее с ожефеля исчезает одна пусина – и всякий раз она торгуется за нее до кифения флюны!

– Эх, жалко, что это ожерелье не у вас! – неосторожно произнесла Дафна.

Она в очередной раз забыла, что при Шмыгалке об украшениях лучше не упоминать.

– У МЕНЯ??? Ожефелье??? – взвинтилась Шмыгалка. – Да будет тебе известно, фильф тфуг, я не ношу ни ожефелий, ни колец, ни фраслетов! Единственная фоскошь, которую я сефе позволяю, – три скфомные фриллиантовые саколки! – изрекла она оскорбленным тоном королевы-матери, которой деликатно намекнули, что ежедневная яичница из драконьих яиц государству больше не по карману, а от героической рыцарской гвардии остался один обугленный вахмистр на скелете от боевого коня.

«Порву того, кто не признает, что я добрая!» – вспомнила Дафна слова Улиты. К сожалению, это правило применимо не только к служителям мрака. Чем больше у тебя заслуг, тем сложнее понять, что, в общем-то, они совсем не твои.

Даф молчала, и преподавательница музомагии постепенно позволила себе успокоиться.

– Триаду фридется искать и брать за шкирку! – сказала она. – Причем, фоюсь, поисковые маголодии нам не помогут. Она неплохо науфилаась от них фюходить!

– Где ее искать? – нетерпеливо спросила Даф.

По губам Шмыгалки пробежала волна, начавшаяся в краешке губ и увязшая в противоположной дрогнувшей щеке. Словно щеку потянули за веревочку. К слову сказать, хотя сама преподавательница музомагии была поджарой, щеки ее отличались исключительной пухлостью. Очки почти лежали на них, оставляя в местах соприкосновения слобные продавлики. Когда же Шмыгалка подносила к губам флейту, со щеками ее вообще начинало происходить нечто невообразимое.

– Фидишь ли! Это фрайне песфоккойная особь! Обычно триады талеко от своих деревьев не отлучаются. Но эта-то не тревесная, а репейниковая! Фот и футешествует фечно по муромским лесам! Она и в других местах способна появляться, но ненадолго. Муромские леса ее рофина! В последний раз, когда один из разфетчиков Фроила наступил на окончечник ядофитой стрелы в Нижнем Подземье, ее искали дфе недели! И федь ожефелье дейстфует только в ее руках! Пока ее нашли и угофорили, разфетчик фесь офуп!

– Опух? – переспросила Даф.

Брови у Шмыгалки сердито зашевелились.

– Я и говорю: офуп! О-фуп!!! Фефо тут непонятного, филочка? Не притворяйся глухой! Глухота – форма старческого кокетства! Заметь: *старческого*! Тефе рано!

Даф поспешно замотала головой, мысленно зарекшись за кем-либо повторять.

Повторенье не только мать учения, но и родственница занудства.

– А как ее уговорили? Она что-то попросила взамен? – уточнила она.

В щеках Шмыгалки пробуравились язвительные ямочки.

– Ее угофаривал Ратувог! Подробностей не знаю, но он получил взыскание! Он офень, офень горячий!.. Сафтра ты, Эссиорх и Корнелий отпрафляетесь на поиски! На фсякий случай Фроил посылает еще фалькирий сплафляться по реке... Фам тоже придется сплафляться. Ф лесах фы савязнете, а лететь апфолютно песфолезно. Сверху ее не найти.

– С нами будут валькирии? – напряглась Дафна, с ужасом представляя шумную толпу воительниц и их оруженосцев.

– О нет! Отфельно! – успокоила ее Шмыгалка. – И ефе об одном нам надо поговорить! Я вижу, ты уже фришла в себя и готова меня слуфать! Но фрежде погоди мифутку, я разферну трамвай! А то мы залетели уже чуть ли не в Смоленск!

Эльза Керкинотида близоруко всмотрелась в фиолетовые тучи и единственной властной маголодией развернула звякнувший вагон. Дафна в очередной раз впечатлилась, сколько умной силы в ее руках. А ведь внешне руки Шмыгалки мало впечатляли. Тонкие запястья, пухловатые пальцы, розовые ногти с белыми полукружьями; мягкие, слабо-морковного цвета подушечки ладоней.

Надо признать, с торможением и разворотом Эльза Керкинотида переборщила, и Депресняк, сорвавшийся с плеча у Дафны, размазался по стеклу водительской кабины.

– Я понимаю твое шелание обфатить на себя мое внимания, фружок! Но ты закрываешь мне обзор! – заявила Шмыгалка, решительно сметая кота в сторону.

– Вы хотели поговорить, – напомнила Даф.

Отчего-то от этого «поговорить» ей было не по себе, а раз так, то чем скорее, тем лучше.

Шмыгалка сдернула с носа очки и принялась нервно протирать их шелковым шарфом. Это был недобрый знак. Даф знала, что без очков Шмыгалка слепа как крот. Очки же Эльза Керкинотида снимала обычно, когда не желала видеть лица собеседника, словно давая ему возможность спрятаться.

– Луфте, наверное, сразу ф лоб... Это по поводу Мефодия. Твое чувство к нему давно не чувство хранителя к тому, кого он опекает. Возможно, ты фюбишь этого фюношу, но не так, как нужно. Если и дальше будет так продолжаться, ты фтанешь офычной тевушкой! Человеком! Путешь фсрослеть, стареть и наконец фумрешь...

– Это потому, что темнеют перья? – набравшись храбрости, озвучила Дафна свой самый большой страх.

На Шмыгалку это признание не произвело впечатления. Возможно, она знала об этом. Возможно, догадывалась.

– Ферья на фрыльях! Если фрыльев не станет, то и темнеть пудет нечему! Если нет фрыльев, не помогут и тысяча учебников по теории полета! – фыркнула она.

– У меня есть крылья! – поправила Даф.

– Пока есть, но ты их сама себе отпиливаешь фобзиком! Запомни, филочка моя, пывшие художники, пывшие стражи и отставные кенералы фуществуют только в собственном фоображении! Пока ты светел и ясен – ты страж, но стоит тебе расслабиться или отяжелеть земными фристрастями – ты никто. Птица с ощипаннвыми крыльями падает камнем вниз. И не важно, кем она была пять минут назад – фурицей или орлом! Если когда-нибудь свет оставит меня, я не буду Эльза Керкинотида Флора Цахес! Я фуду фустое место. Даже меньше, чем фустое место, потому что в фустоте все же есть хоть что-то обнадеживающее. Хотя бы возможность, что кто-то туда когда-то придет!

Даф слушала ее и не слышала. Теорию она в данный момент воспринимала плохо.

– Это вас Троил просил мне сказать? – недоверчиво уточнила она.

От прямого ответа Шмыгалка ушла. Как видно, с Троилом она обсуждала только рану Дафны и интеллектуальные способности «Корфелия».

– Фроил обеспокоен! – сказала она.

– Но я же сама говорила с Троилом в Эдеме! – торопливо возразила Даф. – Он сказал: «Возвращайся и охраняй Мефа! Сейчас, с измененной памятью, ему будет безумно тяжело. Будь с ним рядом, как обычный человек, чтобы он не догадывался, кто ты».

– Это было до того, как тебя ранило одним из самых подлых мечей мрака? – уточнила Шмыгалка.

– Ну конечно, – убито признала Даф.

– Фот ты сама себе и ответила! Ты и раньше, филочка моя, была... э-э... фроблемным стражем. Сейчас же ты стала... э-э... вдфойне фроблемным стражем. Футь я муфиной, я бы сказала: сейчас ты – пробитый боксер, которого нельзя фыпускать на ринг. – Видя, что каждое ее слово забивает в голову Дафны гвоздь, Шмыгалка, смягчившись, коснулась ее руки: – Ты сама больна, где тебе лечить фругих?

– Но были же, наверное, исключения?

– Нет! Не было! – отрезала Эльза Керкинитида.

– Что, совсем?

– Совсем! Фидишь ли, филочка, у меня огромный опыт! Не ты первая, не ты последняя! Я знавала нескольких светлых стражей, отказавшихся от крыльев ради земной любви. Один из них – предок Мефа. Поверь, он был сильнее тефя, но и он не сумел раздвоиться и удержать фрылья. Нельзя перестать быть стражем наполовину.

– И какой выход?

– Я упфошу Фроила, чтобы Мефодию дали нового стража-хранителя. Фроил ко мне прислушается! Ты же должна срочно отправиться в Эдем! Тефе будет больно, но ты справишься. Если же останешься *с ним* – я ни за что не поручусь. Но, ифей ф виду, мне будет кфайне непфятно, если самая любимая моя ученица – да, филочка моя, узнай это, наконец! – через каких-то шестьдесят лет будет старше меня! Я за тобой клюку таскать не буду! И фставную фелюсть в стакане!

Дафна ощутила себя бедной лошадкой, на которую нагрузили вагон камней, а теперь еще подогнали кран, чтобы опустить сверху бетонную плиту.

– Вы не шутите? – спросила она чужим, каким-то протезным голосом.

– Кто? Я?! Я фомню фсе мои футки! Их мало, и фсе на музыкальные темы! – безжалостно отрезала Эльза Керкинитида.

Она не обманывала. «Немузыкальная» шутка у Шмыгалки была всего одна и, как единственные ботинки, носилась во все времена года. «Преподавателей ищите себе в других местах! Я же даватопрепотель! Я вам даю, а вы потеете! Кто не хочет потеть – фсе фон отсюда!» – повторяла она.

– И когда я должна дать ответ? – спросила Даф.

Ей вспомнилось вдруг, что Шмыгалка всегда произносила «ужас» как «ужяс». И действительно, это был «ужяс». Эльза Керкинитида оценивающе посмотрела на нее и, вздохнув, решила не добивать:

– К этому разгофору мы еще фернемся! Сейчас флавное для тебя – найти триаду. Запомни: вам с Эссиорхом нужна река Сережа! Именно на ее берега чаще всего выходит триада.

Двадцать минут спустя красный вагон нырнул в дождевое облако и опустился на рельсы в двух кварталах от станции метро «Павелецкая». Примерно тогда же Эльза Флора Цахес исчезла, а на ее месте как-то очень буднично появилась заспанная женщина в теплой безрукавке. В одной руке у нее была булка, а в другой ряженка в картонном пакете. Ничему не удивляясь, женщина отхлебнула ряженку. Освобождая руку, она прикусила зубами край булки и, держа ее во рту, недовольно открыла Дафне заднюю дверь. Как только Даф вышла, дверь немедленно захлопнулась.

С котом под мышкой Дафна побрела к метро. Холодные струи дождя затекали ей за шиворот. Даф шла по лужам, ощущая ноги до колена как сплошную сырость, и ей чудилось, что неприветливый город гонит ее прочь, толкая в спину порывами холодного ветра.

«Твой выбор очень прост: или остаешься с Мефодием и становишься обычной земной

девчонкой, или возвращаешься в Эдем, передав Мефа другому назначенному стражу! И то при условии, что вам удастся найти дриаду!» – вертелись у нее в голове последние слова Шмыгалки.

Глава 6 Копоть лишних слов

*Ваш альбом 41-го года,
Где любовью лист каждый дрожит,
Ныне в ящике верхнем комода
Позабывший спокойно лежит.*
А.Г. Тучков

– Тоска зеленая! – зевнул Меф.
Он сам не знал, почему это брякнул. Просто само брякнулось, и все.
– А почему не синяя, не красная? – спросила Даф встревоженно. Она еще надеялась перевести все в шутку.
– Потому что зеленая... Хочется чего-то, а чего, я и сам не пойму. Взять бы гранатомет и разнести все к бармалеям пыхтящим!
– Что разнести?
– Ну, город. Дома. Забегаловки эти наши. Вообще все.
– Зачем?
– Сам не знаю. Чтобы их не было. Просто так, – пожал плечами Меф.
Дафна посмотрела на него с тревогой. Меф был будто прежним, но вместе с тем и не прежним. Что-то в нем изменилось. Точно на него нашла туча, и все омрачилось. «Я ослабела, когда поранилась, и он тоже из-за меня?» – озадаченно подумала Даф.
Некоторым оправданием Мефу могло служить то, что сегодня его заставили работать в ночную смену. С дрелью и отверткой в зубах он балансировал на кривой стремянке и аккуратно сверлил кафель. Вставлял дюбеля и вкручивал короткие черные шурупы.
А началось все так.
– Ты у нас самый ловкий! – польстила Тошикова, с вечера вручая ему дрель тем торжественным жестом, каким вручают наградное оружие. – Единственный, кто способен залезть под потолок и не сломать себе шею!
– А если сломаю? – спросил Меф.
– Если сломаешь, оплатим больничный, а потом дадим тебе отпуск: двадцать четыре рабочих дня!
– А зачем сверлить?
– Рекламу какую-то ляпать будут. Начальство велело! – заявила Тошикова и ткнула пальцем почему-то не в потолок, а в пол, точно их общее начальство сидело в подвале.
Утром, когда Буслаев успешно просверлил восемь раз по две дырки, явился замотанный парень из центрального офиса и повесил на шурупы белые ламинированные картонки:

«Внимание! Настоящие пельмени только у нас! Покупая пельмени в других местах, вы поощряете пиратство! (с) „Звездный пельмень“

Меф ощутил себя глобальным гадом: дырки-то в стене сверлил он.
– Все-таки ты дурандот! – с грустью констатировала Дафна.
Ей сложно было сказать «дурак». «Дурандот» звучало нежнее. Ее голова лежала у

Мефа на плече. Рядом пыхтел машинами Гоголевский бульвар. Гоголь смотрел с памятника на бесконечно скользящие автомобили и, казалось, думал: «Уверен, все эти люди едут по действительно важным и неотложным делам. Потому что если нет, то какой смысл сидеть в машине, нервничать и тратить на это время своей жизни?»

– Почему это я дурандот? А?! – заинтересовался Меф.

Среди множества негативных его черт была и одна хорошая: обидеть Мефодия можно было только выстрелом в голову. Буслаев или принимал людей такими, какие они есть, и потом уже все им прощал, или человек сразу был ему чужероден и он его сторонился.

– Разве *сейчас* тебе плохо? – спросила Даф.

Буслаев задумался. Солнце, лето, бульвар, голова девушки на твоём плече. Чего еще можно желать? Но все равно что-то грызло. Странное, неприятное, суетливое беспокойство, какое бывает у человека, пытающегося нагрести больше покупок, чем он может унести.

– Вроде хорошо, – сказал Меф, сожалея, что вообще затронул эту тему.

– Вот именно: вроде хорошо! *Типа хорошо*. А еще лучше: *типа того хорошо!* – горько передразнила Дафна. – Ты вроде как счастлив со мной, но вроде как в этом сомневаешься.

– Да не сомневаюсь я! – заверил ее Меф.

У него был вращивший голос человека, которого грузят, но который не собирается этого признавать.

– Да ладно, – сказала Даф беспомощно. – Тебе же хуже!

– Отчего хуже?

– Ты никак не можешь понять: то, что происходит вокруг тебя сейчас, в данную конкретную минуту, – и есть самое настоящее, полное, ничем не разбавленное счастье! Здесь и сейчас!

Меф кивнул, рассеянно соглашаясь.

«И чего она? Нормальная, в целом, девчонка, только вот вечно напрягает», – подумал он.

Это было уже слишком! Даф и сама была на взводе, и нуждалась в утешении ничуть не меньше Мефа. Не ему, а ей грозила смерть – причем не отчего-нибудь, а от его же меча!!! Не он рисковал крыльями, вечностью и всем, что у него было. Не он ходил с холодной змеей, ползающей внутри, при этом ухитряясь улыбаться и любить – причем не вымученно, а искренно.

Все сегодняшнее утро Дафна жадно впитывала Мефа глазами, мысленно прощалась с ним, а он был такой весь невыспавшийся, недовольный, злобенький. Не такой, какого ей хотелось сохранить в памяти.

Чаша терпения переполнилась и вскипела. Даф вскочила, уронив с колен флейту. Она не так часто бушевала, но когда бушевала, происходили чудеса. Памятник Гоголю повернул голову и предупреждающе посмотрел на нее, будто умолял: «Осторожно! А то перья потемнеют!»

– Ты безнадежен! – крикнула Даф. – Что тебе ни дай – тебе все мало! Такие, как ты, могут быть счастливы либо в прошлом, которого уже нет, либо в будущем, которого вообще нет!

– Почему это вообще нет? – озадачился Меф.

– Потому что когда **завтра** наступит – оно будет уже **сегодня**! Завтра же отодвинется на послезавтра, и так до бесконечности. Если ты отрекаешься от настоящего, ты отрекаешься и от будущего! Вот в этом-то настоящем и надо быть спокойным, терпеливым и радостным. Не хапать удовольствий, но и не болтаться, как дохлый червяк на рыболовном крючке! Только за настоящее, чтобы сегодня поступить порядочно, и надо отвечать, потому что все остальное абстрактно! Понял?

– Все я понял. Не ори на меня! – сказал Меф хмуро.

Даф махнула рукой и беспомощно замолчала. Возможно, Меф прав. Чем громче орешь: «Успокойся!», тем меньше люди успокаиваются. Главное – успокоиться самому.

И вообще о чем тут можно говорить и с кем? Троил не ошибся, лишив Мефа

воспоминаний о прошлом. Слишком уж все было запущено. Если Буслаев и просветлялся, то как-то криво и медленно. Так и больной – выздоравливает, выздоравливает от гриппа, и вроде выздоровел уже, и выписался в поликлинике, а тут – чик! – ангина, и начинай все сначала.

Заметив, что флейта на земле, Дафна наклонилась, чтобы поднять ее. Это простое движение ее успокоило. Оказалось, пока флейта лежала на асфальте, на нее ухитрился заползти муравей. Дафна хотела сдуть муравья, но засмотрелась на него и раздумала. И что он делал тут, в центре Москвы, на асфальтированном бульваре, где и жизни-то, казалось, давно нет? А муравей жил, не заморачиваясь абстрактными рассуждениями, не убивал себя, не ныл, а полз куда-то, искал пищу и тащил ее в незаметный подземный муравейник со входом между камнями бордюра.

«Вот и я должна так делать. Никакого уныния! Всякий муравей и всякая мошка владеют вселенной ровно в той степени, в какой они способны делать это восторженно, щедро и бескорыстно», – подумала Даф.

Кто-то осторожно коснулся ее плеча. Конечно, Меф. Кому еще? Дафна отодвинулась.

– Что тебе надо? – буркнула она.

– Чего ты взъелась?

– Кто? Я? Я не взъелась! – возмутилась Даф.

– Нет, взъелась. Это из-за руки?

– Из-за какой руки? – пугливо спросила Даф, соображая, откуда он мог узнать.

Должно быть, заметил, что она неестественно держит правую ладонь.

– Порезалась! – буркнула она.

– Дай посмотреть!.. Не дергайся! Я не больно!

Дафна не стала вырывать у него ладонь. Все равно заметить ничего нельзя было. Только слабый розовый след. Снаружи-то Корнелий залечил все очень прилично.

– Ножом, что ли? Аккуратнее надо быть! Ножи – не женская игрушка. Единственный острый предмет, которым девушка способна безопасно пользоваться, – иголка! – ворчливо сказал Меф.

Даф пообещала, что будет пользоваться только иголкой и только с его разрешения. Чем деспотичнее мужская забота, тем она надежнее, тут уж никуда не денешься. Девушки же, желающие командовать парадом самостоятельно, чаще всего остаются без солдат.

«Шляпа ты! – подумала Даф. – Каска солдафонская! Вот скоро меня у тебя не будет. Дождешься! Пришлют какого-нибудь Ратувога с суровым блеском в очах, устроит он тебе муштру – и что ты тогда делать-то будешь?»

На миг она испытала нечто вроде горьковатого удовлетворения от собственной незаменимости, но тотчас поймала себя на мысли, что это чувство нехорошее и в данном случае излишнее. Неизвестно еще, кому и без кого будет хуже: Мефу без нее или ей без Мефа.

– Ты красивая! Жалко, что нельзя забыть, что я с тобой знаком, и всякий раз знакомиться с тобой заново! – внезапно заявил Меф.

Дафна удивленно повернулась к нему. Фраза показалась ей бредовой.

– Забыть? Зачем? – насторожилась она.

– Ну как? – озадачился Меф. – Новые впечатления и все такое.

Даф стало грустно. Она терпеть не могла фраз про «новые впечатления». Они отдавали чем-то мелким и донжуански глупым. Как объяснить, что новые впечатления надо искать не извне, а внутри старых? Только тогда начнутся настоящие открытия. И вообще они не в мелькании слов и рук. В ином же случае это будет вечная гонка Депресняка за его хвостом. Чтобы найти драгоценный камень – надо нырнуть на дно реки, а не бултыхаться на поверхности, отплеывая ряску.

В начале человеческой жизни ребенку дается чистая, светлая радость познания простых предметов – красного арбуза, одуванчика, вкуса мокрой, с трухлявинкой, щепки от дачной скамейки. Затем все эти радости забиваются многочисленными, пустыми и мелькающими

впечатлениями, и детская радость исчезает, погребенная под сухой пылью ложных событий, которые кажутся важными, лишь пока происходят. Хорошо бы раскопать ее, но где тут раскопаешь, когда новая грязь все прибывает?

Потом, когда вырастает, тебе дается любовь, но и она сразу исчезает, едва начинаешь разменивать ее на «новые впечатления».

– Вечером я уезжаю, – сказала Дафна.

Меф воззрился на нее с крайним недоумением. В его представлении Дафна уже была его нераздельной собственностью. Все равно что кухонный стол вдруг скажет: «Знаешь, не клади на меня ничего. Я нашел себе нового хозяина, Петю из третьего дома».

– Чего ты делаешь? – переспросил он.

– У-е-з-ж-а-ю.

– Куда уезжаешь?

– На байдарке.

Меф все еще соображал.

– А почему ты раньше не сказала, что уезжаешь?

– Я сама только вчера узнала, – терпеливо ответила Даф.

– А-а-а...

– Что «а-а»?

– Ничего. А едешь-то с кем? – спросил Меф ревниво.

– С друзьями.

Буслаеву это не понравилось. Он был не из тех, кто признает у девушки право на абстрактных и неизвестных ему друзей. Слишком много свободы – это уже где-то на границе с равнодушием.

– А мне с вами нельзя? – спросил Меф.

– Ты точно хочешь? Я спрошу... Думаю, одно место найдется, – Даф обрадовалась, что Буслаев предложил это сам.

– А палатки там всякие?

– Найдутся. А вот насчет спальника и пенки не уверена. И сплавная обувь какая-нибудь нужна. Кеды, старые кроссовки – что-нибудь на выброс, – сказала Даф.

Меф уже соображал. Он был похож на молодого пса, который долго и лениво слонялся по полю, как вдруг совсем близко выскочил заяц, а вместе с зайцем и цель жизни.

– Спальник у Эдьки есть. Рюкзак тоже у него возьму, – бодро начал Меф и вдруг поморщился, как от зубной боли. – Бли-и-ин! А как же работа? Тощикова не согласится отпуск дать! Я ее даже не предупреждал!

– А ты рискни! Я отпросилась, может, и тебе повезет, – предложила Даф.

Устройство мелких бытовых чудес было ее любимым занятием. Она даже работу писала в семисотый, кажется, год обучения: «Как устроить настоящее чудо так, чтобы оно вообще не выглядело чудом».

Меф, уверенный, что ему откажут, согласился рискнуть. Кругленькая директриса сидела у себя в кабинете и разговаривала по телефону с дочерью.

– Анна Максимовна приходила убираться? Когда она ушла: в два или раньше?.. Ты сейчас где? В какой комнате? В тапках или босиком?.. Что делаешь? Картошку разогревала? В какой кастрюле – в красной? Смотри – я все равно по глазам все узнаю!

Тощикова в материнстве своем была заботлива до маниакальности. Даже с работы она ухитрялась дистанционно контролировать все перемещения своей тринадцатилетней дочери не только по городу, но и по квартире.

Заявление об отпуске Пончик подписала, не читая, и нетерпеливо махнула Мефу рукой, чтобы он топал и не прорастал ушами в начальственном кабинете. Ей предстояло еще выяснить, что дочь собирается делать в следующий час, и если пойдет к подруге, то к какой именно.

Меф охотно выскользнул за дверь.

Лишь к вечеру заявление вновь попало Тошиковой на глаза. Машинально она

перечитала его и крайне удивилась. До этого момента она была абсолютно уверена, что подписала накладную на одноразовую посуду. Но делать нечего. Птичка ускользнула из клетки.

Меф был уже дома и, кротом разрывая вещи в шкафу, собирался в поход.

* * *

Московское лето было, как всегда, в своем репертуаре. Жара долго не держалась. Подразнив слегка хорошей погодой, лето поворачивалось задними карманами и заявляло: «Извините, братцы, но мне еще деревья поливать!»

Вот и этот вечер выдался таким же поливальным. На улице было не холодно, но пакостно. Ветер налетал порывами и швырял о подоконник мокрые горсти дождя.

Зозо Буслаева сидела на кухне и вспоминала, сколько стаканов воды на стакан крупы порождают в смешении своем кашу. Не так давно она вернулась с работы, и теперь ее грыз голод. Сегодня в конторе переводили инструкцию к землечерпалке на узбекский язык, а Зозо заставили все это перепечатывать, что выпило ее творческие способности на много лет вперед.

Но и это еще не все. Разрядив в нее обойму, судьба бросила еще и динамитную шашку. Зозо узнала, что ее отпуск с августа перенесли на ноябрь, объяснив это тем, что в августе и так все уходят и что кто-то же должен торчать в офисе на случай, если какому-нибудь маньяку вздумается приобрести снегоуборочник или подшипники к трактору.

К слову сказать, вечера, когда Зозо бывала дома, выдавались нечасто: раза два в неделю. Обычно, когда у нее не было свидания, мать Мефодия носилась по Москве, опасаясь пропустить хотя бы одно мало-мальски значимое событие, о котором прочитала в Интернете. Для внутреннего комфорта Зозо требовалось быть в культурной струе – однако чем больше она была в струе, тем дальше удалялась от культуры.

Зозо никогда не приходило в голову, что выставки, театры, музеи и презентации, которые она громко называла «духовными ценностями», имели к ним такое же отношение, какое воробей, сидящий на крыше библиотечного колледжа, имеет к библиотечному делу.

Вернувшись домой, хмурая, как поздняя осень, Зозо обнаружила на столе сына записку: **«Ушел в байдарочный поход. Когда буду – позвоню. Целую, я».**

Зозо не была особенно переживательной матерью, но все же записка ей не понравилась. Даже бумажный поцелуй ее не смягчил. Как это так: ушел в поход? И как понимать растяжимую фразу: «когда буду – позвоню»? Где «буду» – в походе или снова в Москве?

Для выяснения этого туманного обстоятельства Зозо немедленно принялась трезвонить сыну на мобильник. Меф трубку взял, но поговорить не получилось. В трубке что-то грохотало и прыгало. Зозо поняла, что он едет в метро, и поневоле отложила объяснение с сыном на некоторое время.

Вспомнив все же, что три стакана воды идут на стакан крупы, Зозо победно устремилась к плите, но не нашла ни одной чистой кастрюли. В одной закинул прошлонедельный суп, подернутый островками белой пушистой плесени. Плесень эта напомнила Зозо морскую пену, которую она в этом году так и не увидит. В другой, самой любимой кастрюле, что-то давно и безнадежно пригорело.

Лень вступила в схватку с голодом и, сбив голод с ног, запинала его на кухонном полу. Зозо решила дождаться Эдю и вынудить его что-нибудь приготовить.

При всех своих порывах Зозо была женщина вопиюще бесхозяйственная. Разбросанные вещи или пирамида грязных тарелок вызывали у нее глубокую тоску, которую ее сын Меф называл «мерлюхлюндией». Руки у Зозо опускались, а голова горько склонялась на грудь. Лишь изредка – раза так три в год, когда тапки прилипали от грязи к полу, Зозо понимала, что наступил тот самый момент, который лучше всего характеризуется словами «сейчас или никогда», и начинала истерично убираться.

«Убиральное» настроение приходило обычно среди ночи. И тогда от всей души она

вжимала щетку в ковер, пока не начинала гнуться труба и в ковре не проедалась плешь, напоминавшая макушку театрального деятеля. С таким же рвением она вытирала губкой всхлипывающий кухонный стол. Казалось, вместе с пылью и крошками Зозо пытается стереть со своей жизни весь налипший жирный мусор. Сойти с повторяющейся карусели ошибок и пойти по ясной, понятной и прямой дороге.

Эдя терпеть не мог у Зозо таких «психозных» настроений и говорил про сестру, что она «хрюкнулась».

– Подбирай слова! Я не желаю жить в свинарнике! Это ты со своей фамилией можешь, а я не могу! – кричала Зозо.

– При чем тут свинарник? По мне так надо смотреть, ни что люди делают, а с каким чувством они это делают, – спокойно заявлял Хаврон. – К примеру, пол помыть – хорошее дело, но если с истерикой или с лицом недооцененной жертвы, то на фиг не надо. Или бабуленцию через дорогу перевести. Нормальное дело? Нормальное. Но если при этом орать, чтобы все бабуленций через дорогу переводили, и слюной на асфальт капать – то пусть лучше бабуленции дома сидят.

В дверях провернулся ключ, и в узкий коридорчик втиснулся Эдя. Вместе с Хавроном в дом забрела сырость. С Эди стекала вода. Туфли чавкали. Насквозь мокрая майка облегла его мощный торс.

– Чего ты на меня уставилась? – проворчал Эдя, встряхиваясь в коридоре, как выбравшаяся из воды выдра.

– Почему в холодильнике ничего нет? – напористо спросила Зозо.

– А ты туда что-нибудь положила? – резонно спросил Хаврон.

– А то нет! Я вчера покупала майонез!

– Рад за тебя! Тогда возьми ложку, и вперед! Уверен, что майонез еще там! – поощрил ее Хаврон.

Брат ложку Зозо не стала. Вместо этого она сказала:

– У тебя челка прилипла, как у Адольфа Гитлера. Не знаешь, где фотоаппарат?

Фотографироваться Эдя наотрез отказался. Босиком он прошлепал в ванную, предусмотрительно щелкнул задвижкой и крикнул через дверь:

– Теперь я понимаю, почему от тебя все мужья сбежали!

– Потому что сволочи! – отрезала Зозо.

– Так-то оно так. Но тут какая штука. Если человеку слишком часто попадаются на дороге сволочи, то одно из двух: либо он сам сволота порядочная, либо этих сволочей специально ищет, – насмешливо прокомментировали из ванной.

Зозо такое объяснение не устроило.

– Сам ты гад, Хаврон! – сказала она убежденно.

Брат ее не расслышал. В ванной уже шумела вода. Зозо пару раз мстительно толкнула дверь пяткой, жалея, что лишена возможности придушить Эдю прямо сейчас. Будет теперь плескаться, как морж, и плевать ему, что она страдает.

Внезапно Зозо ощутила себя вдрызг несчастной. Ей спешно требовался внятный повод для саможаления, и теперь он обнаружился. Брат! Вот кто во всем виноват! Заел ей жизнь, а сейчас еще противно фыркает в ванной от удовольствия, как большой пес, которому чешут пузо.

Часто бывает, что человек вначале принимает решение и совершает некое действие, а потом подгоняет под него отговорки и обоснования. К примеру, вначале два приятеля расплеываются, а затем внушают себе, что хотели сделать это давно и все время своей дружбы только и делали, что уступали друг другу. Или жена вначале бросает мужа, а потом спешно подшивает к своему поступку благовидные мотивы.

О том же, что проще попросить прощения и понять, что виноват во всем именно ты, а не кто-то другой, предпочитают не думать. Никто не любит быть виноватым. Не только на обиженных суккубы водку возят, но и на слишком правых и недооцененных. Недаром в Тартаре даже кафедра недавно открылась: правоты, недооцененности и непогрешимости.

Зозо вновь пнула дверь. Она вспомнила, как в детстве они с Эдей ссорились, он запирался, а она подсовывала ему под дверь бумажки, на которых писала: «**Дурак! Идиот!**» Он же писал на бумажках: «**Я не читаю!**» и просовывал обратно.

– Купи себе, наконец, квартиру и отвали от меня! – громко крикнула Зозо в щель.

Она думала, что Эдя не услышит, но тот как раз выключил воду.

– **ЩАС!** Только старушку-процентщицу зарублю!.. Денег дай! – сразу согласился брат.

– Возьми кредит!

Нырять в болото кредитного рабства Хаврон отказался.

– Понимаешь, сеструха! С любым имуществом связаны неприятности. Купи себе хоть собачью будку в тундре – и вместе с ней огребешь вагон ненужных проблем. Налог на землю, аренда собаки, биржевая стоимость придушенной курицы. Нет уж: предпочитаю быть неимущим. Меня больше устраивает ситуация, когда государству нечего с меня взять, кроме зубной щетки, – сказал он, увиливая.

– Ничтожество! Дрянь! Иждивенец! – крикнула Зозо в дующую сквозняком щель.

– Остынь!

Дверь быстро приоткрылась, и ее окатило стружкой тепленькой водички. Зозо яростно рванулась в атаку и, вырвав скользкий душ из рук брата, дернула. Что-то натянулось, лопнуло, и лейка внезапно осталась у нее в руках. Дверь захлопнулась.

– И это взрослая женщина, мать взрослого сына! Шланг оторвала! Ай-ай! – запричитал Хаврон.

– Неудачник!

– А ты Красная цапочка! Как начала в детстве цапать, так все цапает, цапает! Чего сегодня дома сидишь? Очередной стареющий Карлсон выпрыгнул в окошко с зонтиком?

– Попрошайка! Крышка от унитаза! Пустое место! – беспомощно всхлипнула Зозо, потрясая душем.

Ей казалось, что ничего обиднее для мужчины просто не существует. Но, увы, Эдя не был мужчиной. Он был братом и имел непрошибаемый, поистине братский иммунитет.

– Слушай, давно хотел спросить. Алкоголиков, наркоманов, истериков, душевнобольных среди твоих близких родственников не было? – миролюбиво поинтересовался он в щелочку.

– **СРЕДИ СВОИХ ПОИЩИ!**

Зозо еще раз пнула дверь, отшибла ноготь на правой ноге и, прихрамывая, отправилась на кухню дуться. Увы, долго дуться у нее не получилось. Четверть часа спустя в дверь просунулось белое вафельное полотенце, нанизанное на гимнастическую палку, а затем, помахивая флагом, вошел и сам Хаврон в сиреновом халате.

– Чего тебе надо? Голову вон мне всю облил. Шланг теперь новый покупать, – плаксиво сказала Зозо.

Она была в той финальной стадии раздражения, когда ярость постепенно переходит в слезы. Убивать уже никого не хочется, зато хочется уткнуться лицом в подушку и сотрясаться.

Эдя где-то порылся и молча сунул ей плоский и холодный шницель с перцем. Шницель был завернут в лист, озаглавленный: «График дезинфекции холодильников». Хаврон недаром столько лет работал официантом. Работа научила его, что женщина злится в основном, когда голодна. Накорми ее – и она едва вспомнит, что заставляло ее пять минут назад шипеть и подскакивать.

Зозо всхлипнула и вцепилась в шницель зубами. Она себе казалась самой нелепой взрослой женщиной в мире. Как-то неправильно все. Вроде бы люди должны чему-то учиться и как-то меняться, на деле же получается, что никаких глобальных изменений не происходит. Где раньше спотыкался, там и теперь спотыкаешься. Разве что падаешь больнее. Где ребенок не ушибется, там старушка шею сломит. Видимо, мудрость лишь в том, чтобы все, что происходит, все неудачи, слезы и неприятности, воспринимать как обязательную часть пути и воспринимать все с благодарностью. Упав же, очиститься от грязи и идти

дальше.

Где-то зазвонил телефон. Звук был глухой, едва различимый. Эдя прислушался. Зозо перестала рвать зубами шницель.

– Куда ты дела трубку? – спросил Хаврон у сестры.

– Почему я?

– Потому что я всегда кладу ее на базу!

– Очень за тебя рада!

Хаврон пожал плечами и отправился на поиски. Трубку он, разумеется, нашел не на базе, а в ванной, в корзине с бельем. Все время, пока продолжались поиски, она продолжала трезвонить. Жуя мясо, Зозо слышала, как Эдя прочувствованно произнес:

– Аллоу! Резиденция Хавронов-Буслаевых! Кого из белых господ я могу позвать?

Что Эде ответили, Зозо, разумеется, не услышала, но, видно, что-то ответили.

– Где Меф? – крикнул брат, высовывая голову в коридор.

– В поход уплыл.

Все другие слова из ванной долетали уже смазанными, и когда две минуты спустя Эдя появился на кухне, Зозо спросила его:

– Ну и кто это был?

Эдя озадаченно потер лоб выключенной трубкой:

– А шут его знает. Я не врубился. Какой-то псих просил Мефодия.

– Почему псих? – встревожилась Зозо.

– А кто еще? Он то хихикал, то плакал, то сюсюкал. А когда узнал, что Меф ушел в поход, завизжал, будто ему отрезали палец на ноге. Странноватые знакомые у твоего сына. Он ничего такого не нюхает, нет?

– Кто нюхает? Меф? – оскорбилась Зозо.

– А почему бы и нет? Весь день где-то пропадает. Дерганый. Чуть что – орет. Вечно у него секреты, все прячет, по мобилке поговорить на лестницу выскакивает... Я в его годы мирно качал железо, носил с собой самодельные нунчаки и не интересовался ничем, кроме массовых драк и девушек. И психи мне писклявые не звонили – это стопудово! – категорично сказал Эдя.

– Он же отжимается каждое утро. И в университет почти поступил! Может, даже возьмут! – с надеждой возразила Зозо.

– Кого? Сыночка твоего? Умных много, все в юристы лезут, а асфальт долбить некому. Шел бы лучше в кулинарку! А что отжимается – так я его соплей перешибу! Мужская мощь – это не рельеф, а объем живого мяса! – презрительно отозвался Эдя.

Катить бочки на Мефодия он начал в тот самый день, когда вместе с отцом Мефа (тогда еще наличествующим) пришел забирать его из роддома. Тогда уже Эдя заявил, что у Мефа идиотское одеяло, торчащие уши и глуповатый взгляд. После этого Эдя потыкал Мефа пальцем в щеку и заявил, что лучше было бы купить морскую свинку.

Глава 7 Байдарка нибелунгов

Все человеческие страсти имеют общее свойство: они требуют постоянного увеличения доз при постоянном уменьшении степени получаемой радости. При этом на максимальном пике страсти радость прекращается вообще, что означает полную степень порабощения. На этой стадии мы можем уже не утомлять себя необходимостью скрываться.

Книга мрака

Валькирии и оруженосцы толпились в зале ожидания Казанского вокзала, то и дело выглядывая на перрон, где на первый путь должны были подать поезд. Состав пока не подавали, хотя на табло он уже был объявлен. Рюкзаки свалили в кучу, на самом верху

которой, как упадочный римский император на персидских коврах, возлежала валькирия ужасающего копья Радулга.

Дождь все продолжал лить. На небе явно забыли устранить течь и сбрасывали в дыру над Москвой лишнюю воду. Отбомбившиеся тучи отжимались, как тряпки, и уступали место следующим, подходившим с северо-востока. Не зная, куда ей деться, вода закручивала на площади водовороты, обрушиваясь на пути.

– Для похода самое подходящее время! Можно собирать байдарки и сплавляться сразу по шпалам! – шутил Вован.

Шутка была, мягко скажем, на троечку с метровым минусом, но смеялись ей долго и неискренно, после чего многим захотелось вернуться домой.

Каждая из валькирий, дожидаясь поезда, делала что-то свое, в меру сил и интересов. Хола и Ильга – обе с трубками у уха – предупреждали кого-то, что едут в такую глухомань, где может не быть связи.

– Кому вы там трезвоните? – спросила валькирия золотого копья.

– Тихо! Начальству, – закрывая динамик, пугливо прошептала Хола.

– А я тогда кто? – возмутилась Фулона.

Хола и Ильга притихли и, чтобы не попадаться ей на глаза, попятнулись за гору рюкзаков. Бэтла скромно примостилась на байдарках и что-то жевала. На нее орали, чтобы она не трогала раскладку.

– Это вне раскладки! – оправдывалась Бэтла.

– И вне раскладки не трогай! – велели ей. – Когда на тебя смотришь, то сразу трескаться хочется, а если все сейчас начнут трескаться, то в поход не с чем будет идти!

Бэтла, тоскуя, оторвала бутерброд от губ.

– Сложные вы все какие-то! Тошно с вами! – пожаловалась она.

Таамаг поймала за ухо несовершеннолетнего вокзального воришку и теперь размышляла, что ей с ним делать. Воришка плаксиво называл Таамаг тетенькой и утверждал, что перепутал ее рюкзак со своим.

– Что, правда? К твоему тоже привязаны топор и штыковая лопата? – умилилась Таамаг.

Гелата и ее оруженосец стояли в стороне и, выясняя отношения, вели таинственные разговоры. При этом Гелата для большей доходчивости откручивала здоровяку пуговицу. Таинственные же разговоры были примерно такие:

– А ну смотри на меня бесстыжим своим конъюнктивитом! Помнишь, о чем я тебе говорила, когда ты говорил, чтобы я больше тебе этого не говорила?

Рыжий мычал и пытался высвободить пуговицу. Заметно было, что он давно все забыл. Внезапно Гелата оставила оруженосца в покое и издала радостный крик.

Через зал ожидания Казанского вокзала шел Багров. Рядом шлепал лапами Антигон под мороком дошкольника.

– Вот уж кого хлебом не корми – только дай помокнуть! – завистливо произнесла Ламина.

Волчица, без особого бунта идущая у ноги Матвея, была в наморднике и в чем-то вроде синей попоны. Все это маскировало ее ровно настолько, чтобы не вызывать на вокзале нездоровой паники. Багров издали махнул валькириям и вышел под дождь. На страдающем лице его было буквально написано, что не тот ослевич, кто себя не любит, но тот, кто любит себя слишком сильно. Себя надо умеренно ненавидеть – это самый правильный градус.

– Нужно было достать ему бумажку, что это собака-поводырь! А то не пустят еще в вагон! – озабоченно заметила Фулона.

– А чего они тут вообще делают? Ну, эти двое? – спросила Хола.

– То же, что и мы. Едут! Только в другом вагоне! – веско сказала валькирия золотого копья.

Хола притихла. Она вспомнила, что это Фулона сегодня утром неожиданно разыскала Багрова и велела ему отправляться с ними. На одиночку у нее были особые надежды.

Вокзальный динамик захрипел и пугающе бодрым голосом сообщил о прибытии поезда до Сергача. Радулга встрепенулась.

– Это наш! Все! Почапали! – крикнула она.

– Какое «почапали»? Мы же до Мухтолова едем! – возмутилась Таамаг.

– Рада за тебя! Мы до Мухтолова, но поезд на Сергач! – нетерпеливо отрезала Радулга.

Таамаг такой тон не понравился, и она зашагала к валькирии ужасающего копыя прямо по рюкзакам:

– Ты это мне? Ты с кем разговариваешь?

– А что я такого сказала? Что поезд до Сергача! – вознегодовала Радулга, в свою очередь выдвигаясь навстречу Таамаг.

– Мне плевать «что»! Главное – как!

– А ты себя слышала? – рассердилась Радулга. – Можно подумать, ты сама сильно вежливая!

Между ними оказалась Фулона.

– Все, девочки! Убивать друг друга будете в поезде! А теперь берем вещи – и живо в вагон! – сказала она властным тоном тренера женской волейбольной команды.

Радулга и Таамаг неохотно повиновались.

– Ничего не поделаешь! Женский коллектив!.. Помоги мне с рюкзаком, а то все запуталось! – шепнула оруженосцу Бэтла.

Тот, только что взваливший на плечи байдарку, послушно опустил ее и стал помогать.

Поезд до Сергача был одним из тех пенсионеров, что вечерами расползаются со всех московских вокзалов, останавливаясь на всяком мелком полустанке. Рядом со щегольскими фирмачами, идущими в Казань и Арзамас, он казался возмутительно дряхлым.

Раздолбанный, пахнувший старыми одеялами и хлоркой из туалетов, он верно и надежно развозил по домам жителей городков и поселков, которым иначе без пересадки было не добраться. В подавляющем большинстве это были строительные рабочие либо женщины с грудными детьми, приехавшие на денек-другой в столицу навестить мужа. В поезде они размещались быстро и со знанием дела. Приятно было смотреть. Состав только-только подали, а многие уже развернули тугие рулоны матрацев и требовали у проводников белье. Одни окна не открывались, другие, напротив, никогда не закрывались. Женщины деловито забивали их матрацами.

Из-за байдарок и кучи рюкзаков у валькирий случился перевес. Проводник, маленький и решительный, как сбритый бороду гном, попытался их не пустить. Он пер животом и кричал, что такое количество барахла не влезет в вагон и он вызовет начальника поезда. Затеялся скандал.

Радулга предлагала вручить проводнику пистолет с одним патроном. Хола впихивала взятку. Таамаг заявила, что придушит проводника на месте. От опрометчивого шага ее удерживали четыре оруженосца. Качок Гелаты пыжился и играл мускулатурой.

Ильга порывалась звонить коменданту вокзала, министру путей сообщения и мэру города. Оруженосец Фулоны искал во всех карманах красную книжечку, не нашел и вспомнил, что надел не ту куртку. Фулона извлекла справочник железных дорог, в котором байдарки значились в качестве спортивного инвентаря, обязательного к провозу вне зависимости от габаритов. Ламина устранилась от проблемы и, собрав морально-нравственные шмотки, заверяла всех, что она совершенно спокойна.

Мудрее всех поступил оруженосец Бэтлы. Он дружески притянул кипящего гнома к себе, что-то ему шепнул, улыбнулся, хлопнул по плечу. Не прошло и минуты, а проводник уже вместе с ним втаскивал байдарки, давая дельные советы, как и где их приткнуть. Три минуты назад он заявлял, что понятия не имеет, что это за тюки, может, там взрывчатка какая, а теперь и сам оказался туристом-разрядником, хотя и не байдарочником, но с опытом байдарочных походов.

Хола глазам своим не верила, как переменялся человек. «А ведь даже денег не брал!» – повторила она раза четыре. Ей это казалось абсолютно противоестественным.

– Что ты с ним сделал? – спросила Ильга у Алексея.

– С людьми, понимаешь, надо по-людски. Тогда они повернутся к тебе не служебной стороной, а человеческой! – объяснил оруженосец Бэтлы.

Общими усилиями байдарки кое-как растолкали по всему вагону, забрасывая их между третьими полками, чтобы проще потом было доставать.

– Считайте места! Каждый должен помнить, сколько у него мест! – с воодушевлением распорядилась Гелата. – У нас вот два места (*пауза*)! Хотя нет, все-таки три (*длинная пауза*)! Ну самое большее, четыре... Если же и моего оболтуса посчитать, то пять.

Ильга с ужасом пробиралась по проходу, наступала на чемоданы и младенцев, пугалась падавших на нее матрацев и всем без разбору сообщала:

– Первый раз в жизни еду в плацкарте! Вы не подскажете: здесь всегда так ужасно?

– Ей кажется, что все сейчас скончатся от удивления! – шепнула Ламина Хааре.

Вокзальный динамик что-то прохрипел. Заиграла простуженная музыка, заглушаемая шумом дождя. По вагонам прошла последовательная дрожь. Поезд до Сергача дернулся. Проехал метров десять и остановился.

– Кто-то дернул стоп-кран! Пойду разберусь! – вызвалась Таамаг.

– Сиди! Без тебя разберутся! – заявила Радулга.

– Ты с кем разговариваешь? А! Со своим мордovorотом так будешь разговаривать!

– ДЕВОЧКИ! Вы идете в поход, чтобы радоваться или зачем? – строго сказала Фулона.

– Я почему-то думала: заламывать дриаду! – удивилась Радулга.

– А что, радоваться и заламывать дриаду одновременно нельзя?

Таамаг и Радулга озадаченно замолчали. Как видно, такая мысль не приходила им в голову.

Что-то заскрежетало. Поезд собрался с силами, стряхнул с себя остатки вокзальной лени, и дождливая Москва начала постепенно отползать.

Быстро смеркалось. Когда они выехали из Москвы, было уже совсем темно. Бэтла забралась коленями на столик и высунула в окно голову. Дождь здесь то ли вообще не шел, то ли успел уже закончиться. Звезд на небе было горсти две-три, и те перемежались скомканными медицинскими ватками туч, напомнившими Бэтле о прививках и сдаче анализов крови. Валькирия сонного копья поежилась. Детство у нее, как у страдающей астмой, прошло, можно сказать, в стенах поликлиники. До сих пор она вздрагивала, когда натыкалась на типичное блочное здание медицинского учреждения с цветами на окнах и кучей детских колясок у входа – здание, пахнущее стерильностью и корешками детских карт.

Поезд болтало. Бэтла повернула голову. Ползущий состав был виден весь, до первого вагона, и представлялся длинной, тускло светящейся змеей. Железнодорожно пахло пропиткой шпал. «Тыдык-тыдык!» – говорили колеса. Делали паузу и снова: «Тыдык-тыдык!»

Тянулась светлая щебенка насыпи. Выше шли строительные работы. Срывали нехудожественный холм, чтобы сделать на его месте художественную яму. Проектор рассеянно высвечивал кучу гравия. Один экскаватор трудился, еще два дремали. Чуть в стороне стояла палатка. Язычок костра рядом с ней казался этикеткой, наклеенной на сгущенную синеву ночи. Бэтла удивилась: она и не предполагала, что экскаваторщики так ночуют.

Еще через километр потянулся лес. На длинном штабеле новых досок полыхали крошечные алые точки. Два человека – должно быть сторожа – сидели на досках и смотрели на поезд. И такой неторопливостью, таким спокойствием веяло от их неподвижных фигур, от лениво вспыхивающих сигарет, что Бэтла испытала короткое замирание духа. К чему спешка? К чему беготня?

На ярко освещенном переезде за шлагбаумом выстроилась цепочка машин. Нетерпеливая Таамаг стала дергать Бэтлу за ногу. Ей зачем-то срочно понадобился стол.

Бэтла недовольно слезла и стала требовать у оруженосца лимон. В горле чесалось, в ноздрях тоже царил какой-то неприятная задумчивость. Валькирия сонного копья ощущала

первые признаки приближающейся простуды.

* * *

Хронический опоздун отличается от просто опоздун тем, что не понимает, когда опаздывать можно, а когда нельзя. Как ни печально это признавать, но курьер света Корнелий относился к числу опоздун хронических и неисправимых. Такие только на свои похороны успевают вовремя и, без сомнения, всякий раз до крайности удивляются этому факту.

«Вот! – говорят они тогда всем своим гробовым видом. – Успел, наконец! То-то же!»

Пока ждали Корнелия, Чимоданов выпендрился: купил тульский пряник и съел его, ни с кем не поделившись.

– Ты больной! Их едят только в поезде и только около Тулы! Во всех других местах уже не то! – попеняла ему Улита.

Чимоданов, засыпанный крошками от пряника, выслушал ее невнимательно. Он уже дергал торчавший из стены вокзала здоровенный, толще руки, болт с такой же громадной, покрашенной гайкой на нем. Ему вдруг пришло в голову, что все здание Казанского вокзала удерживается этим болтом и, если раскрутить его, можно добиться интересного результата. Увы, болт не поддавался, и Петруччо приуныл.

С Чимодановым было все просто. Беспокойство ручек опережало у него работу мысли. Максимум, что успевала мысль, – удивиться тому, что натворили ручки. Собираясь в поход, он привычно обнюхал под мышками две майки, проверяя, которая из них чище. С точным ответом затруднился и облачился в ту из двух, на которой было меньше дыр от дробы. Стрелять по своей одежде было его маленьким хобби. Затем закинул в рюкзак алюминиевую кружку, нож в ножнах, шерстяные носки и компас, изредка действительно показывающий на север.

Петруччо, Ната и Мошкин напросились в поход в ту минуту, когда Эссиорх был слишком занят, чтобы сказать твердое «нет», а Дафна со своей обычной жертвенностью занималась делами Мефодия. Байдарку они нашли себе сами. Это была трешка «Вуокса» в чехле защитного цвета, новая до возмутительности.

– Ну что? Все наши в сборе. Только Арея не хватает для полного счастья! – насмешливо сказала Улита.

Мозговая деятельность ведьмы была подчинена универсальному правилу: когда Улита стояла на одном месте и никуда не шла – ее язык работал. Чем дольше стояла – тем быстрее работал.

– Улита! – предупреждающе произнес Эссиорх, касаясь пальцем губ.

Ведьма мнительно огляделась.

– Ой! Прошу прощения! Где тут выдают типуны на язык? Зарезервируйте мне, пожалуйста, парочку! – спохватилась она.

Улита вспомнила, что ее бывший – а может, и не бывший! – шеф вечно сваливается на голову, когда нехстати произнесешь его имя. Но нет, Арей не появился, и Улита успокоилась. Пронесло.

– Секретарша – это от слова «секрет». Ты знаешь хоть один секрет Арея? – стала дразнить ее Ната.

Улита поежилась. Желания умереть прямо здесь и сейчас у нее не было.

– Где мне? Я и своих-то секретов не запоминаю, – отвечала она, теряясь взглядом в вокзальной толкотне.

– А вообще как-то бледненько тут представлен мрак! Не считая меня и нескольких других неудачников, тема абсолютно не раскрыта, – ляпнула она.

Даф подумала, что Улите стоило бы приглядеться внимательнее. Несколько раз в пестрой толпе мелькали любознательные рыльца пасущихся на трех вокзалах комиссионеров, но их почти сразу снимали маголодиями снайперы из прикрывавших отъезд

златокрылых. Свет заботился о том, чтобы тайна сохранялась как можно дольше.

Где при этом скрывались сами златокрылые, Даф так и не вычислила. Оценила только, что маголодии, которые они применяли, были особенными, новыми, не известными ей самой. Комиссионеры не столько плавались и растекались, сколько лопались внезапно, как мыльный пузырь. Мгновение – и там, где стоял комиссионер, смыкалась толпа. Нескольких ключев грязной пены никто не замечал. Максимум их принимали за плевков.

Минуты катились мелким горохом. Казалось, младенец-время уселся на вокзальные часы и толкает босыми пятками стрелки. Эссиорх нервничал. У Корнелия были все билеты, документы и ремкомплект для байдарок.

– Еще когда-нибудь возьмешь его с собой? – вкрадчиво спросила Улита.

В ведьме, как всегда, дремал провокатор. Эссиорх в ответ замотал головой так решительно, что едва не потерял уши.

– Кто, я?! Больше никогда в жизни! Это был самый последний из всех последних разов! – заявил он.

– Почему? Он же милый!

– Быть милым – не профессия! Мало того, что ничего не соображает, еще и самодеятельность начинает пороть! Поручи ему элементарно бросить в ящик письмо – и посмотри, что получится! Таких комбинаций нагромоздит, столько людей посторонних втянет, что за три дня не разгребешь! Соберет целую толпу, и они будут напоминать друг другу, что надо бросать и куда, встречаясь на всех станциях метро города Москвы!.. Ну все – я зол! Только сунься он сюда – растопчу!

Однако когда Корнелий наконец появился у вокзальных часов, Эссиорх даже убивать его не был готов. Состояния гнева и безгневия столько раз сменили друг друга, что весь пар вышел.

– Прошу прощения! Мне депешу одну нужно было срочно завезти! – прощепетал Корнелий.

Это было чистой правдой, за исключением одной детали: депешу требовалось завезти еще позавчера, а к моменту доставки ее уже и ждать перестали.

Взгромоздив на плечи байдарку, Эссиорх выразительно посмотрел на Корнелия, прижал к животу рюкзак и, переваливаясь, побежал к поезду. За ним Мошкин и Чимоданов поволокли «Вуоксу». Ната, заранее успевшая улыбнуться носильщику, шагала належке, потягивая через трубочку сок и жалуясь, что у нее мерзнут пальцы. Меф нес сразу два рюкзака – свой и Дафны. Байдарку он предусмотрительно закинул к самому вагону.

Улита на бегу приблизилась к Корнелию, незаметно ткнула его кулаком и сказала, задыхаясь:

– Только огрызись у меня! Чучело глазастое, арбуз с кепкой! Еще один писк – и следующий телефончик будешь брать у санитарки реанимации!

Корнелий потер ушибленное место и, отскочив, крикнул:

– Когда я вижу человека, который на кого-то орет, я понимаю, что у него было несчастливое детство!

Улита, у которой детство, и правда, было не особенно счастливое, задумалась.

Они еще не добежали до поезда, а он уже тронулся. Чимоданов с Мошкиным стали, паникуя, заскакивать в первый попавшийся вагон.

– Лови байду! Уйдет! – орал, спотыкаясь, Мошкин.

Чимоданов пытался ловить «Вуоксу», одновременно отгавкиваясь от виснувшей на нем проводницы. Остальные еще даже и к этому вагону не подбежали, как вдруг состав дернулся и остановился. Проводники, стоявшие в открытых дверях с флажками, стали выглядывать и суетиться. Возникла заминка, длившаяся ровно столько, сколько необходимо было для экстренной погрузки.

– Это ты или Корнелий? – негромко спросил Эссиорх у Дафны, когда ему удалось наконец протиснуть в вагон рюкзак и байдарку.

– Я! – вполголоса призналась Даф.

– Стоп-кран дернула?

– Закрутила маголодией... Там колесо такое, – смущенно пояснила Даф, пряча флейту.

Это был как раз тот самый момент, когда Таамаг собралась идти разбираться, но так ни с кем и не разобралась.

Уже в вагоне, отдышавшись и взгромоздив рюкзак на третью полку, на которой прячутся порой едущие зайцем студенты, Меф осознал, что они в походе, и его охватил восторг. Восторг был настолько неуемн, что он поцеловал сперва Даф, а затем Нату и Улиту. Этого ему показалось мало, и он дернул Мошкина за унылый нос.

К слову сказать, Евгеша был не столько грустен, сколько задумчив и размышлял: пожаловаться, что ему на ногу поставили байдарку, или лучше потерпеть?

– Не много ли эмоций? – вежливо спросила Даф, которой показалось, что одного поцелуя было бы вполне достаточно.

– Не мешай юноше проявлять свои чувства! Можете еще повосторгаться, молодой человек! – вступилась за Мефа Улита, задиристо поглядывая на Эссиорха.

Тот деловито пристраивал вещи, и ведьма приуныла, поняв, что ревность вызвать не удастся.

Вихрова же отнеслась к поцелую безразлично. Слегка поморщилась и потерла пальцем щеку. Она только-только успела отделаться от носильщика, который бежал за вагоном и вис на окне, делая попытки забраться внутрь.

За окном вагона ехал куда-то темнеющий березовый лес. Большая бутылка с минералкой, напротив, никуда не ехала, а стояла на месте, мелко дрожа и покачиваясь. Ее отражение призраком жило в стекле. Прыгали в кронах деревьев желтые листья – первая седина нескорой еще осени. В легкое березовое стадо порой забредали дубы. Эти были лысы и корявы. Ветви тянулись почему-то не кверху, а книзу.

Мимо с прерывистым звуком «И-и-шь! и-и-шь!» пронесся встречный поезд. «И-и-шь! и-и-шь!» – откликнулся поезд на Сергач. Казалось, составы пригрозили друг другу.

Чимоданов покачивался на нижней полке плацкарта. В пальцах у него плыла в законном березовом облаке селедка. Непонятно было, когда и где он успел ее достать. Доев селедку, Петруччо насмешливо посмотрел на Дафну и вытер жирные руки о свои волосы.

«Что, противно? Так и скажи, что противно! Я и хочу показаться противным!» – говорил он всем своим видом. Даф подумала, что его глупость столь безразмерна, точно он приобрел ее в магазине «Богатырь».

– Умничка, мальчик! После пряника ничего нет полезнее селедки! – сказала Чимоданову Улита.

Петруччо равнодушно отмахнулся от ведьмы, залез на верхнюю полку и тотчас уснул, подложив под голову Зудуку. Застилать постель, когда ехать предстояло всего несколько часов, он считал излишним.

Мошкину спать не хотелось. С верблюжьей запасливостью он вылил в себя бутылку минералки, икнул газом и задумался на отвлеченные темы. Затем закрутил на пустой бутылке пробку, заточив в ней воздух, и стал размышлять, что вот пройдут годы, а воздух не сможет освободиться и так и останется замурованным. И от мысли этой ему было тоскливо.

Билеты им достались разрозненные, места были раскиданы по всему вагону. В основном боковушки или верхние полки ближе к туалету. И потому у всех почти оказались попутчики.

У Мефа и Дафны это были два приятеля – парни лет двадцати – двадцати двух. Один смугло-румяный, с глазами-оливками, по имени Егор. Другой длиннорукий, с печальным задумчивым лицом – Максим. Оба работали в Москве и возвращались домой – в Сергач.

Егор страдал неостановимой болтливостью. Максим же за всю дорогу сказал фраз пять, и те пробурчал так невнятно, что они, едва оторвавшись от губ, заблудились где-то в его же ноздрях. Егору на месте не сиделось. Грудь его, казалось, содержала не сердце, а множество пламенных моторов. Видя, что Меф и Дафна заняты друг другом и в собеседники ему не годятся, он за десять минут обежал весь вагон, со всеми перезнакомился, всем надоел и даже

успел раза четыре сбегать в тамбур.

Вскоре Буслаев убедился, что для одного плацкартного вагона Егора было явно много. Дважды Меф пытался задремать, и оба раза Егор непонятно откуда брался и будил его глупым вопросом: «Че, спишь?» И дальше было не лучше. Стоило на мгновение закрыть глаза, и тотчас кто-то с топотом пробежал мимо, хлопал дверями, восторженно вскрикивая и впуская туалетные запахи. И, разумеется, всякий раз это оказывался тот же самый персонаж.

Максим же сидел в углу, прижимаясь к синей шторке, и его было не слышно и не видно. Хороший, тихий, застенчивый домашний мальчик.

– Бывают же такие уродцы! – с досадой шепнул наконец Меф Дафне.

Даф быстро взглянула на него.

– Ты о ком?

– Ну об этом... о Егоре.

– Который бегаёт?

– Да!

– Значит, тебе не понравился Егор и понравился Максим? – уточнила Дафна.

– А кто еще! Тот нормальный парень, с таким хоть в разведку, а этот притырок какой-то!

Даф невесело улыбнулась.

– А если я тебе скажу, что у Егора умерла бабушка, которая его воспитала, потому что у его матери давно другая семья? Он едет на похороны и ужасно нервничает. А Максим твой, пока в углу сидел, изрезал ножом весь стол.

Меф не поверил, но, пересев к Максиму, незаметно убедился, что да, так и есть. За каких-то два часа этот тихоня успел вырезать на боковине стола шесть матерных слов, исплевать на коврик участок в полквадратных метра да еще и подпалить зажигалкой штору. Желание идти с этим молчуном в разведку у Мефа значительно ослабело.

– А чего этот Егор бегаёт, если переживает? – спросил Меф, сдаваясь.

– Люди, видишь ли, переживают по-разному. Одни начинают много есть, другие смеются, третьи заглывают горе в себя.

– Блин, вечно я тороплюсь с выводами...

Меф вздохнул и закрыл глаза, не пытаясь даже понять, откуда Даф все известно про Егора. Может, услышала, как он кому-то говорил? Заснули они с Дафной почти одновременно. Один только Депресняк неусыпно скрежетал на коленях, но после заснул и он.

* * *

Выгружались на рассвете, в дикой спешке выбрасывая из вагона вещи. Стоянка была всего две минуты.

– Фотоаппарат! – заорала снизу Вихрова, заметив, что Мошкин намеревается швырнуть ее рюкзак.

Рюкзак уже слетал вниз на кучу байдарок. БРЯК!

– Какой фотоаппарат? – не понял Мошкин.

На рассвете он всегда бывал сонноват, туповат и глуховат. Сам себя переспрашивал, и сам себе отвечал.

– Уже никакой! – ответила Вихрова спокойно и, скрестив на груди руки, с видом Наполеона, созерцающего крушение своей армии, наблюдала, как Эссиорх, Меф, Мошкин и Чимоданов швыряют остальные вещи, а Корнелий бегаёт внизу с воплями:

– Я-то ловлю, только не надо в меня кидать! Смотрите мою флейту не брякните!

В результате из всех рюкзаков он поймал только тот, где была его флейта, а на остальные у него почему-то не хватило реакции.

– Вот что я называю выборочным дебилизмом! – заметила Улита.

Состав уже трогался, когда Меф с Эссиорхом соскочили с него. Проводница лениво

махнула флажком и захлопнула двери.

«Странная штука! Мы с этой проводницей прощаемся навсегда. Ни она нас больше никогда не увидит, ни мы ее. И что же? Всем это абсолютно безразлично. Даже имени ее не узнали. Как такое может быть?» – подумалось Мефу.

Он не часто ездил в поездах и не уловил еще странной закономерности, по которой попутчики, всю дорогу очень предупредительные друг к другу и совсем недавно, возможно, вместе доедавшие колбасу, на станциях прибытия мгновенно становятся чужими и едва кивают друг другу.

Наблюдательная Ната заметила, что в Мухтолове они сошли с поезда не одни. Где-то в середине состава вышел парень с ребенком и собакой, а ближе к концу – суетливая ватага туристов с кучей вещей – человек, должно быть, с двадцать. Узнать кого-либо в рассветной серости Вихровой не удалось – да она и не пыталась. Слишком далеко было. Если парень казался размером с половину мизинца, то ватага, отделенная от них двадцатью вагонами, представлялась совсем муравьиных масштабов. Очень скоро она погрузилась в подруливший к путям грузовик и исчезла.

Пока они стояли на платформе, постепенно перетаскивая вещи на автобусную остановку, мимо, не снижая скорости, с предупреждающим воем пронеслось еще два состава. Оглушенная грохотом, Дафна испуганно прижалась к Мефу. Летящие поезда дышали убийственной, звериной силой. Это не были уже те мирные слоны, что развалисто отходят от станций крупных городов. Это были слоны атакующие, боевые. Они грохотали и отшвыривали воздушным потоком.

– Я не догоню – он догонит! – заорал Чимоданов, гневно демонстрируя скалящемуся помощнику машиниста боевой топор.

Рассвет мало-помалу креп, точно кто-то мягко и незаметно усиливал освещение. Если поначалу все было мутным и едва различимым, то теперь четко прорисовались несколько домиков, около одного из них мирно дремал грузовой автомобиль с опущенными бортами.

На подробной карте России населенный пункт Мухтолово мало чем выделяется. Единственное, что было изображено, – бензоколонка. Никаких других достопримечательностей в Мухтолове, по утверждению карты, нет. Мухтоловцы, однако, не унывают и, вполне довольствуясь бензоколонкой и пятью магазинами, живут надежно и крепко из века в век.

Корнелий погрузился и спрятал видеокамеру. Ни египетских пирамид, ни висячих садов Семирамиды, ни башни дяди Эйфеля он не обнаружил, видеть же красоту саму по себе – вне громоздких архитектурных сооружений и грандиозных водопадов – пока не научился.

Единственным, что удалось ему заснять, была огромная железная свинья с прорезью в спине, поставленная рядом с остановкой. На прорезь показывала желтая стрелка с буквами: **«Помоги зоопарку! Опустит копеечку тут – дольше звери проживут!»** Свинья была забавная, но в надписи Дафна усмотрела скрытую угрозу:

– Не встречали на ночных магазинчиках ксерокс лохматой собаки с пистолетом у уха: «Купите у нас – или мы застрелим этого пса!» Вроде шутка, а не смешно. Вот и здесь: «Опусти копеечку тут – дольше звери проживут».

Меф все же не удержался и всыпал в прорезь мелочь. Затем забрал у Корнелия атлас автодорог и стал разглядывать всю страницу с Муромом и Арзамасом. Какие названия красивые – просто ложка меда на язык! Криуша, Шокша, Шаприха, Шелокша, Велетьма, Выкша, Каркалей... А реки! Сережа, Теша, Чара, Шалакша, Кудьма, Сарма. Настроение ему не испортил даже мелкий дождь, который и до земли дошел едва-едва, только омочив слегка воздух.

Автобус подошел через полчаса. Это был грустный хромающий старичок с большими колесами и проточенными ржавчиной бортами. Приняв в себя все байдарки и рюкзаки, он сильно завалился на одну сторону и неспешно отшвартовался от сухопутной пристани.

В автобусе Меф снова задремал и напрочь пропустил все виды. Улита же познакомилась с шофером Колей, худощавым мужиком лет сорока, буквально пропитанным

неспешностью и спокойствием. Она сидела рядом с ним и громко считала всех попадавшихся им коров и лошадей. Шофер Коля, как человек привычный к конно-коровьей теме, снисходительно рассказывал, как к нему в салон залез однажды чей-то телок, испугался и как его потом не могли вытащить шесть мужиков.

– Вам куда? – спросил Коля.

Улита, понятия не имевшая, куда им, обернулась и стала высматривать Эссиорха. Тот нашелся где-то в конце автобуса сидящим на рюкзаках.

– Куда мы едем? – заорала Улита.

– В Лесуново, – ответил Эссиорх.

Еще в Москве он вывел себе отдельную карту, заламинировал ее и теперь таскал на животе в планшете, как немецкий мотоциклист.

Коля ехал неспешно, не столько по расписанию, сколько по совести, часто останавливаясь и принимая на борт многочисленных бабулек и дедулек, несмотря на ранний час живших уже напряженной жизнью. Раза два он выходил посмотреть что-то в моторе, но ничего не ремонтировал, а только громко выразительно хлопал капотом. Пристыженный автобус сам собой чинился и ехал дальше.

Когда Улита насчитала пятнадцать лошадей и девяносто две коровы, Коля остановился у высокого моста, под которым не столько протекала, сколько угадывалась узкая речка.

– Вот он, ваш Сережа! – сказал он, почему-то переводя речку в мужчину.

Пока выгружали байдарки, Коля с сочувствием наблюдал за ними в зеркальце. В глазах у него жило удивление, что существуют люди, готовые таскать у себя на хребте складные лодки и после сплавления вниз по речушкам, которые с разбегу переплюнуть можно. Вот уж точно: лопаты на них не хватило.

«Поставить их грести навоз на ферме-то – небось через две недели всю дурь поветрило бы!» – размышлял Коля.

* * *

На берегу, усыпанном мелкими осколками стекла и остовами сгоревших покрышек, Улита немедленно устроила перекусон. Ната отошла вверх по течению и полезла купаться, громко крича, чтобы на нее не смотрели. На нее действительно не смотрели, и потому, соскучившись, Вихрова быстро вылезла из воды.

В этом месте река имела слабый торфяной подкрас. В ней торчали сваи от пешеходного мостика, не то сгнившего, не то унесенного во время весеннего половодья. К сваям жались кувшинки, по притопленным листьям которых пробегали эскадроны водомерок.

Воздух гудел от множества оводов. Чимоданов мигом убил четыре штуки и сложил их в кучку. Улита тоже попыталась прихлопнуть одного, покусившегося на ее полнокровную руку, но не преуспела. После мощного шлепка ладонью овод как ни в чем не бывало взлетел и деловито взял курс на шею Дафны.

– Его так просто не прикончишь! Ты его по коже сперва крути, а потом голову отдирай! Только он, сволота, и после этого шевелится! – сказал Петруччо кровожадно.

«Свирь» Мефа и «Таймень» Эссиорха, одолженные у скульптура Кареглазова, собрали быстро. Это были боевые байды, побывавшие во многих походах. Все части заботливо помечены изолентой в одно, два и три кольца. На шкуре «Таймени» Эссиорх обнаружил несколько аккуратных латок.

Больше всего возни, как Эссиорх и предполагал, оказалось с новой байдаркой Чимоданова, Мошкина и Наты. «Вуокса» будто соглашалась собираться, но не до конца. Всякий раз в последнюю секунду обнаруживалось, что что-то было не сделано или перепутано, и приходилось начинать все заново.

Эссиорх мрачно сопел и отгонял Корнелия, который, участливо прыгая вокруг, то и дело предлагал: «Хочешь инструкцию по сборке покажу?»

– Уйди, пока я тебя не задушил! – говорил Эссиорх.

Заглядывать в инструкцию ему, как настоящему «муЩине» с большой буквой Щ, было «западло».

Меф трижды ходил купаться и возвращался облепленный насекомыми. Чимоданов продолжал хищно хрустеть оводами и складывать в кучку.

– Это чтобы другие боялись! – изрек Петруччо, поднимая очередной трупик за крылышко.

Меф задумчиво посмотрел на здорового овода, ползущего по лбу Чимоданова с явным намерением вцепиться в складку кожи над переносицей.

– Этот не боится! – сказал Меф.

– Это ихний пахан! Мстить прилетел! – предположил Чимоданов.

ХРУСЬ! Оглушив «пахана», Чимоданов закинул его в рот и раскусил крепкими, насакивающими друг на друга зубами. На девушек это большого впечатления не произвело. На Мефа тоже. Один только Мошкин проявил пугливый интерес.

– И на что похоже? – спросил он.

– По вкусу? – уточнил Чимоданов, небрежно отплевывая прилипшее к губе крылышко.

– Да.

– Хм... Даже не знаю, с чем сравнить, чтобы ты понял. Ты когда-нибудь сопли ел?

– Нет.

– А краску от дверей отколупывал?

– Нет!

– И дождевых червей никогда не пробовал?

Мошкин отвернулся. Петруччо посмотрел на него с состраданием.

– Тогда с тобой и говорить бесполезно. Все равно не поймешь.

Эссиорх продолжал безуспешно возиться с «Вуоксой». Корнелий издали дразнил его инструкцией, за что в него несколько раз уже кидали самыми разными предметами.

– Как хорошо, что я взял с собой плоскогубцы! – сказал Эссиорх через час.

– Как умно, что я взял молоток! – добавил он еще через сорок минут.

– Как отлично, что я додумался взять йод! – грустно заключил он в конце второго часа, засовывая окровавленный палец в рот.

Наконец «Вуокса» смирилась и позволила себя собрать. Красная, длинная, как пирога, она мирно покачивалась на воде рядом со «Свирью» и «Тайменью». Празднуя это радостное событие, Эссиорх прыгнул в Серезу прямо в одежде – купаться. При этом он забыл выложить паспорт и снять часы, но это были уже мелочи.

Пока он купался, содержимое рюкзаков разложили по гермомешкам. Когда Эссиорх вылез и стряхнул с себя водоросли, он особо проверил, чтобы гермы с продуктами не попали в байдарку с Улитой.

– Прости, любимая! Это в твоих же интересах! Плыть нам дней пять, телепортировать ничего нельзя, а деревни все в стороне, – сказал он, оправдываясь.

Улита надулась.

– Гад ты все-таки! Даже отчасти ползучий! Тебе же хуже: теперь буду заедать тебя!

После сборов на берегу остался кое-какой мусор. Его сожгли в наспех разведенном костре. Чимоданов бегал вокруг и радостно капал горящим пакетом. Меф хотел поинтересоваться, сколько ему лет, но потом и сам, тряхнув стариной, покапал пакетом, пытаясь попасть в клубящуюся над травой мошкару.

– Психоз крепчал? Это так же глупо, как есть помидоры с кетчупом! – морщась, заявила Ната.

Мошкин, тоже уже приглядевший себе пакет на предмет покапать, на некоторое время задумался, соображая, в чем тут прикол, а потом шепотом спросил у Дафны:

– А помидоры разве не едят с кетчупом, нет?

Когда костер погас, все расселись по байдаркам. Вытолкнув последнюю лодку, сам Эссиорх запрыгнул уже в воде, опасно раскачав «Таймень». Мефодий и Дафна на верткой двушке «Свирь» оказались впереди всех. Меф сидел на герме и, ощущая, как водоросли

трусся о днище, привыкал к веслу.

Депресняк, с которого Дафна сняла наконец комбинезон, летел над байдаркой, часто садясь на нос лодки, чтобы энергично почесаться. Его донимали насекомые. И, хотя они почти сразу растворялись, хлебнув кислотной кровушки, Депресняку не было от этого легче. Меф смотрел на летающего кота отупело, как человек смотрит на всякое чудо, которое не может осмыслить разумом, но все же на всякий случай не слишком ему доверяет.

Загребая, они проплыли под мостом, где в воде во множестве валялись шины и оплавленные штырьки от электросварки. Остро сверкало бутылочное стекло. Над всей этой помойкой деловито пуржили мальки. Жизнь продолжалась.

Вырвавшись из-под моста, байдарки увязли в кувшинках, но река уже заботливо подхватила их и понесла, взяв над ними опеку. Солнце припекало. Слева тянулся истоптаный коровами камыш. Кричали на берегу грачи, прыгая по вскопанному полю.

Мефу стало вдруг так хорошо, легко и радостно, что радость не осталась с ним, а перенеслась на всех, кто был в походе, и больше всего – на Дафну. Тоска, преследовавшая его последние дни, развеялась. Прасковья, должно быть, кусала сейчас губы, сама не зная почему.

– Ты отличная! Спасибо, что меня взяла! – сказал Меф.

Дафна сидела к нему спиной. Она не обернулась, но плечи ее дрогнули как-то по-особенному трепетно и благодарно. Буслаеву захотелось обнять ее, но положение его в байдарке было таким шатким, что обнять Дафну удалось бы только веслом и по затылку.

«Поход, поход... Куда ни глянь – везде мокро. И в чем тут романтика?» – размышлял тем временем Мошкин.

Он напряженно искал ее и не находил. Романтики не было. Зато были спина Чимоданова, который то и дело, задирая весло, окатывал его водой, и Ната, тоскливо нывшая, что все ее достали. Дальше следовал поименный список всех, кто ее достал. Натке казалось, что жизнь ее состоит из непрерывных мучений, оводов и дураков.

Странное дело. Солнце, камыш, река, грачи – все это было одинаковым для всех, но Меф ощущал счастье, наполняясь всем, что видел, а Мошкин с Вихровой терзались и рады были бы отправиться на дно, не будь оно таким мелким, что байдарки постоянно его цепляли.

Мрак, увы, не извне. Он внутри нас. Одна и та же череда событий для одного может стать светом, а для другого тьмой. Это аксиома.

Эссиорх в «Таймени» греб так энергично, что даже Корнелий, путавшийся веслом в водорослях и всякий раз после этого обратной его лопастью цеплявший Улиту по голове, не слишком их замедлял.

– Паршиво все как-то. Они с нами нормально, а мы шпионим. Паршиво же, да? – убито произнес Евгеша.

Чимоданов сплюнул в воду и проводил свой плевком глазами.

– Меньше думай – или сдохнешь раньше, чем твой трейлер до тебя доедет! – посоветовал он.

Ната достала клеща – тяжелого, вялого, холодного – и, посадив его себе на руку, отвернулась. Ей невыносимо было смотреть, как он вгрызается.

Глава 8 Лукавнувший зубнятка

Человек умирает, когда теряет способность бескорыстно радоваться.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Громадный Зигя сидел на полу, одетый в подгузник зашкаливающего размера. Это была идея Прасковьи, считавшей, что голый терминатор в подгузнике будет выглядеть

прикольно. Зигя грыз большой палец на ноге и преданно разглядывал Прасковью. Молодая повелительница мрака ему нравилась, и он вечно таскался за ней хвостом, куда бы она ни пошла.

Вот и получалось, что свита Прасковьи состояла теперь не только из Ромасюсика, но и из переваливающегося с ноги на ногу гиганта. За это Зигя много раз уже был искусан ревнивым Пуфсом, считавшим, что боевое тело не должно ни к кому привязываться. Зубы у Пуфса были тупые, а нижняя челюсть выдавалась вперед. В результате они не столько грызли, сколько по-бульдोजьи прихватывали, оставляя длинный узкий синяк.

Заметив, как карлик любит пускать в ход зубы, Прасковья теперь всегда, когда Ромасюсик начинал тупить, спрашивала: «Тебя что, Пуфс покусал?»

Зигя относился к синякам спокойно. Он не боялся ни боли, ни ударов. Единственное, чего он не переносил, так это хозяйского визга. Всякий раз, едва Пуфс начинал визжать, Зигя садился на корточки и в ужасе зажимал уши руками. Но стоило Пуфсу отлучиться в зашторенный кабинет, где у него, как у канцелярской крысы, всегда была куча дел, Зигя снова ковылял к Прасковье.

Зигя перестал грызть палец и уставился в потолок.

– Мама! – позвал он.

Прасковью он называл мамой.

– *Чего тебе, сынок?* – откликнулся Ромасюсик.

Вынужденный растягивать губы и послушно озвучивать чужие слова, шоколадный юноша смотрел на Зигю с затаенной ненавистью. Он видел, что Прасковью Зигя забавляет, и люто ненавидел конкурента.

«Здоровая конкуренция клоунов вылилась в цирковое побоище!» – ехидно размышлял иногда Тухломоша, укладываясь спать где-нибудь в выхлопной трубе. Последнее время лучший комиссионер мрака так обнаглел, что спал целых шесть секунд в день, а потом почти минуту нахлобучивал покосившуюся голову.

Зигя мечтательно молчал.

– *Зигя «хосет се-нить шладкое»?* – нежно предположила Прасковья.

Гигант замотал головой.

– Нет, мама, Зигя хосет масыну!

– *Маленькую масыну?*

Не угадала. Маленькую машину Зигя не хотел.

– *Большую! Осень большую!*

– *Как вчера?* – уточнила Прасковья.

Зигя радостно закивал.

Вчера вечером Прасковья, скучая, вызвала Мамаю, велев ему приехать на трейлере без прицепа и – обязательно! – с автоматической коробкой передач. Странно, что упоминание автоматической коробки не насторожило хана сразу, потому что потом было уже поздно. Согнав Мамаю с водительского сиденья, Прасковья усадила за руль Зигю, без церемоний закинула в кабину Ромасюсика и устроила по центру Москвы гонки с препятствиями. Зигя радостно вопил, пытаясь прочувствовать коренное отличие между педалями газа и тормоза. Когда же прочувствовал, фарс заострился и приобрел черты трагикомедии.

Ромасюсик безостановочно скулил и ползал в ногах, боясь поднять голову. Мамай дважды вылетал из кабины и наматывался на заднее колесо. Первый раз, когда они въехали в столб, а во второй уже в финале, когда они врезались в здание центрального телеграфа.

– *Прости, сынок, но как вчера не получится. У мамы дела!* – извинилась Прасковья.

Ее «дела» стояли тут же, благоухая французскими духами и отрывая лепестки у ромашки.

«Убьет – не убьет. Убьет – не убьет», – загадывал Хнык. «Не убьет!» – вышло у него. Суккуб просиял было, но внезапно заметил, что у ромашки остался еще один лепесток, подвернувшийся книзу.

– *Эй, иди сюда!* – приказала Прасковья Хныку.

Хнык трусливо приблизился, робко улыбаясь женской половиной рта.

– *Готов? Давай!* – приказала Прасковья.

Суккуб надулся как большая жаба, на миг закрыл глаза – и перед наследницей мрака возник Мефодий. Длинноволосый, спокойный, в черной майке и легких льняных брюках. Сходство было передано поразительно – вплоть до разветвленной жилки на левом виске.

В лице Прасковьи что-то дрогнуло: ее эйдос невольно потянулся к Хныку. Заметив это, Хнык неосторожно ухмыльнулся – скверно, липко, по-суккубьи. Очарование было мгновенно разрушено. Прасковья с досадой отвернулась, точно ей метко плюнули в душу.

Поняв, что «мама» разозлена, Зигя пришел в движение. Передвигался он неуклюже, как горилла, но невероятно быстро. Он сгреб Хныка двумя руками и, вскинув его над головой, собрался расшибить об пол.

– Не надо, нюня моя! – завизжал суккуб, вспоминая злополучную ромашку.

Прасковья услышала, обернулась и обнаружила Хныка уже под потолком.

– *Поставь его, сынку!* – велела она, демонстрируя знакомство с «Гарасом Бульбой».

Зигя недовольно вернул суккуба на место и поправил его, чтобы тот не упал. Хнык стоял и дрожал, не пытаясь больше ухмыляться. Прасковья обошла вокруг, придирчиво разглядывая его.

– *Нет, не то! Никто нам не поверит!.. Чего ты трясешься? Стой расслабленно, как он!* – приказала она голосом Ромасюсика.

Хныкус Визглярий Истерикус Третий спешно добавил расслабона и сразу провис в позвоночнике, сделавшись похожим на мартышку, косо засунутую в штаны. Прасковья сдвинула брови. На потолке почти одновременно взорвались две лампы. У Хныка трусливо задергалась щека.

Из зашторенного кабинетика выглянул Пуфс и пискляво потребовал не шуметь. Он, мол, контролировал заседание мирового правительства, а Прасковья нарушила ему канал телепатической связи. Зигя резво отодвинулся к стене, опасаясь, что, увидев его рядом с «мамой», хозяин опять его покусает.

– *Расслабленно – не значит расхлябанно! Не болтайся, как debil, вытрясающий у подростков мелочь! Ты, мефообразное!!!* – брезгливо произнесла Прасковья, когда Пуфс-старший скрылся.

Теперь она понимала уже, что перед ней не Буслаев, и забронировала сердце. Одеревенела, как призовое полено папы Карло.

Хнык спешно перестал болтаться и, прижав к бедрам выпрямленные ладони, вытянулся, как новобранец перед генералом. Вытарщенные глаза-пуговицы незряче сверлили пространство. Прасковья вновь хотела заорать, но махнула рукой, поняв, что от суккуба большего все равно ожидать нельзя. Только крайности и никакой середины – либо испуг и зашкаливающее, стирающее личность подобострастие, либо крайняя наглость, омерзительный расслабон и провисание.

– *А ну дыхни!* – приказала Прасковья.

Хнык старательно дыхнул. Дыхание у него было не то чтобы совсем противное, но гадко пахнущее хозяйственным мылом, которое, по слухам, делается из бродячих кошек. Прасковья передернулась.

– Ты что, порошок стиральный, что ли, лопал?

– Никак нет, вашество! – бодро отрапортовал Хнык. – Действую в строгом соответствии с указом Кводнона об учреждении стерильности в местах обитания суккубов!

– *А более приятным мылом пахнуть нельзя?*

– Указ, осмелюсь доложить, давний. Времен первой бубонной чумы в Европе, – оправдываясь, доложил Хнык.

– И не отменен?

– Никак нет, вашество!

Прасковья нетерпеливо мотнула головой. Указы Кводнона были ей малоинтересны.

– *Слушай меня, мефообразное, и запоминай! Мы с тобой отправимся к общежитию,*

где живет светлая, и ты меня поцелуешь, чтобы видно было из ее окна! Старайся поменьше дышать мылом!.. После этого ты повернешься и быстро уйдешь. Чем меньше Даф будет тебя разглядывать, тем лучше. Запомнил?

– Я вас поцеловало и скоренько ушло! – повторил Хнык, кокетливо облизывая губы синеватым языком. Порой, забываясь, он сбивался на средний род как наиболее естественный для суккубов.

– *Вот и молодец!* – кивнула Прасковья, сгребая в руку его одежду и нетерпеливо дергая. – *Тогда топай! Ну!*

Ждать она не любила и не умела. Все ее желания должны были исполняться мгновенно. Во всей Прасковье не отыскалось бы терпения, чтобы выстоять очередь в два человека.

Пытаясь разлучить Мефа и Дафну, Прашечка не задумывалась, что делает что-то дурное, как львица не задумывается, что антилопе, которой она перегрызает горло, это может по каким-то причинам не нравиться. Злодейство Прасковьи было такого же простого и инфантильного свойства: «Если тебе что-то надо – отбери!»

Логика света, по которой, чтобы получить любовь, надо свою отдать, причем отдать так, чтобы неважно было, вернут ее назад или нет, являлась для Праши мутной и непонятной. Как можно что-то отдать, когда ты привык только отнимать?

– По-твоему, такие люди и любить по-настоящему не могут? Только испытывать страсти? – спросил как-то Корнелий у Эссиорха, когда речь у них зашла о новой наследнице мрака.

Хранитель усомнился даже и в этом.

– Даже страсти не всегда и не у всех. У некоторых голое приобретательство. «Моя любимая машинка», «мои любимые домашние брючки», «моя любимая книга», «моя любимая музыка», «мой любимый муж» – все вроде как «любимое», но все в общем ряду, через запятую. «Любимый» запросто можно заменить на «собственный» безо всякой потери смысла, – сказал он.

Хнык сделал шага два и остановился. Прасковья, тянувшая его за майку, нетерпеливо обернулась.

– *Тебя что, парализовало? Топай!*

– Не надо куда идти. Дафны там нету, – робко пискнул Хнык.

– *То есть?* – не поняла Прасковья.

– Уехамши они. И Мефодий Игоревич с ними-с, – дрожа, признался суккуб.

– *Мефа нет??? Куда уехал? Что ты несешь?*

– Я слышало: светлых в городе нет, – забормотал суккуб, тоскливо щурясь и сожалея, что не родился немым. – Вчера вечером они были на Казанском вокзале! Наши туда не совались. Там всюду были златокрылые и многих шлепнули. Ай, я не виновато! Я думало, вы знаете, нюня моя!

– *Что ты мелешь?* – тихо повторила Прасковья.

Матово-белые скулы вспыхнули румянцем цвета печеного яблока. Белки глаз пожелтели. Зрачки исчезли. Это был тревожнейший знак для всех, кто ее знал. Перепуганный Хнык не стал дожидаться бури и, оставив в пальцах у Прасковьи черную майку, сгинул, втянувшись в щель, точно джинн в горлышко кувшина.

Ромасюсик плюхнулся животом на пол и стал отползать.

– Прашечка! – бормотал он пугливо. – Ты же сама помнишь, что Зигги Пуфс говорил при нас о походе? Ты же тоже слышала!.. Прашечка! С ними там Чимоданов, Ната и Мошкин!!! Все будет хорошо! Ну хоть немножко потерпи! В другой раз с Хныком поцелуетесь!

Прасковья его не услышала. С ней что-то происходило. Черты лица стирались, теряя не только выражение, но и вообще все человеческое. Теперь это было не лицо, а насмешка над лицом. Лишь в глубине искоркой бился страх. Прасковья точно сама боялась того, что происходит с ней сейчас. Вот этого-то Ромасюсик не понимал.

Пол мелко задрожал. Шоколадный юноша замолчал и принялся отползать вдвое

быстрее. Громадный Зигя, почуяв, что сейчас не время играть мышцами, нырнул за мраморную тумбу, которую в следующую секунду смело, как пляжный зонт.

Лежа с закрытыми глазами, Ромасюсик позавидовал Прасковье. Как здорово! Стоит выйти из себя, и вокруг все сносит, точно ураганом. Если бы и ему, Ромасюсику, так же! Грустно быть прямоходящей шоколадкой, на которую каждый, кому не лень, разевает пасть. Но завидовал он лишь до тех пор, пока не услышал слабый, смазанный стон.

Открыв глаза, Ромасюсик обнаружил, что Прасковья уже не стоит, а так же, как они с Зигей, лежит на полу, на спине. На краях губ лопаются мелкие пузырьки красной пены. Тело выгнуто так сильно, что под ним можно проползти. Голова мучительно запрокинута. Глаза закатились так, что видны красные прожилки. Ромасюсик подбежал к хозяйке на четвереньках. Такого он никогда прежде не видел. Прасковья была как сломанный манекен, небрежно брошенный у съехавшего магазина одежды.

В первую секунду Ромасюсик решил, что его хозяйку ударило по голове куском разлетевшейся тумбы. Но нет, осколки тумбы лежали далеко в стороне. Он потряс Прасковью. Она была словно деревянная. Дышала судорожно, мелко, с хрипом.

– Что с тобой? – забормотал Ромасюсик, трусливо касаясь ее лица.

Щеки у Прасковьи были холоднее льда. Виски же и лоб пылали так, что страшно казалось их коснуться. Через каждые восемь-десять судорожных вздохов она один раз глубоко, с усилием заглывала воздух, и тогда Ромасюсик слышал стон.

Пуфс, прихрамывая, вышел в приемную. Это оказалось несложно сделать, потому что двери в его кабинете уже не было.

– Прасковья! Я напишу дяде! Невозможно же работать! Я внушаю по телефону крупному чиновнику, как выгодно сотрудничать с мраком, а ты устраиваешь ему инсульт! И с кем нам теперь сотрудничать? – говорил он, укоризненно причмокивая языком и подбирая слюну.

Заметив, что Прасковья лежит на полу, Пуфс перестал перекачивать во рту невидимый леденец. Лицо его утратило лживую сахарность. Стало жестким и кислым, как мумифицировавшийся лимон.

Сутулясь, карлик подошел к Прасковье, посмотрел на нее сверху вниз и, проверяя, не притворяется ли она, дважды грубо толкнул ее ногой. Ромасюсик не стал защищать повелительницу и трусливо отполз, попытавшись стать как можно незаметнее. Ему стало не страшно даже, а как-то по-особенному жутко и пусто, будто на месте отсутствующего эйдоса лопатой выкопали яму и наполнили ее гноем. С мрака стерлась вся романтическая позолота, и обнажился тот бесконечный, не имевший ни краев, ни очертаний ужас, что был под ней.

– Идиот! Что ты делаешь? Она же так подохнет! – процедил Пуфс с досадой.

Ромасюсик предположил, что этот «идиот» относится к нему, и на всякий случай умильно закивал, подтверждая, что да, тупее его действительно нет в природе и он подписывается под этим всеми буквами алфавита, но Пуфс на него даже не смотрел. Также он не замечал и стоявшего на четвереньках Зигю.

Слово «идиот» относилось, без сомнения, к Прасковье, равно как и фраза: «Она же так подохнет!» Пока Ромасюсик соображал, в чем тут дело, карлик встал на колени и прямо через одежду, без малейшего усилия, засунул в Прасковью руку до плеча. Сотрясаясь от ужаса, Ромасюсик видел, как рука шарит у нее внутри и как шевелится, вздуваясь, кожа.

После непродолжительных поисков Пуфс ухватил что-то за край и, вытянув наружу, сердито оглядел. Испытывая выжигающую глаза боль, шоколадный юноша узрел в ладони у Пуфса нечто вроде грязного полупрозрачного полотенца. Пуфс встряхнул его, тщательно отжал – Ромасюсика едва не вывернуло от нахлынувшей откуда-то извне боли, – а затем хладнокровно уронил полотенце на грудь Прасковье. Слабо шевелясь, как медуза, полотенце неосяземо прошло сквозь кожу и скрылось.

Прасковья перестала хрипеть. Ее спина больше не деревенела аркой. «Повелительница мрака» перевернулась на бок, подтянула к груди колени и лежала так, сжавшись в клубок. Дыхание стало ровнее. Даже стон – а стонать она пока не перестала – и тот как-то очистился.

Пуфс деловито отряхнул колени, поправил тонкую бородку и направился к кабинету. Шел он, как часто ходят наполеончики: задрал подбородок и выпятив грудь.

У дверей он о чем-то вспомнил и, остановившись, обернулся.

– Зигя! Там это... ну ты понял... займись! – устало приказал он и небрежно хлопнул великана по массивной ноге.

Угрозы в его голосе не было. Глаза смотрели на Ромасюсика просто и равнодушно, как на швабру, притулившуюся в углу общественной уборной. Шоколадный юноша еще замедленно соображал, чем Пуфс хочет, чтобы занялся Зигя, а гигант уже, подобравшись, шагнул к нему.

Это был уже не тот забавный полудурок Зигя, который вечно хотел «се-нить шладенькое». Перед Ромасюсиком стоял убийца с пустым лицом, смотревший на него округлившимися глазками – не глазами Зиги, а глазами самого Пуфса. В руках у Зиги сама собой возникла булава.

Ромасюсик устался на булаву. Он понял, что это конец. Его сейчас убьют за то, что он увидел, как в грудь Прасковье поместили грязное полотенце. Шоколадный юноша упал на живот и вжался лицом в пол. Он чувствовал всем телом, как Зигя, играя, заносит булаву, чтобы легонько клонуть его в затылок.

Где-то в незримости прорисовалась деловитая Мамзелькина, трогающая натруженной рукой брезент на косяке и открывающая зачуханный свой рюкзачок.

– Не надо! Не убивайте! Я ничего не видел! – губами ощущая холодные плиты и размазываясь по ним лицом, простонал Ромасюсик.

– Зигя! – вновь окликнул Пуфс.

Ухо Ромасюсика обожгло брызнувшими осколками. Булава тюкнула в мраморный пол рядом с его головой. Поняв, что его оставили в живых, шоколадный юноша встал на четвереньки и встряхнулся.

– Запомни: брякнешь что-то – она не поверит, а Зигя сожрет тебя живьем! – все так же без угрозы, совсем по-соседски, предупредил его Пуфс.

Спустя минуту он уже помогал Прасковье подняться.

– Осторожнее с гневом, дорогая! Кто будет нами управлять, если тебя не станет? – скрипел он, подбирая мягкими губами слюну. – Ой, ты запачкалась! Как же так можно? Что скажет дядя?

Насмешливо поглядывая на Ромасюсика, Пуфс принялся отряхивать тот след на Прасковье, что был оставлен его грязной стопой. Прасковья рассеянно слушала, болезненно вздрагивая.

«Она вся сплошная рана! Не знаешь, куда и пальцем ткнуть, чтобы ее не скорчило», – подумал Ромасюсик, со страхом скашивая глаза на Пуфса, чтобы проверить, не слышит ли тот его мыслей.

Но тот, если и слышал, виду не подал. Лишь правая бровь шевельнулась, тонким червяком вползая на лоб, который ехидный Тухломон называл про себя «впуклым».

Зигя вновь дружелюбно топтался вокруг Прасковьи. Ромасюсик сообразил, что Зигя не помнит ничего из того, что только что происходило.

Вскоре Пуфс извинился, что у него дела, и скрылся в своей зашторенной норе. Два комиссионера в спецовках уже шевелились там, щедро ляпая раствор и закладывая окно кирпичом. Даже со шторами Пуфсу казалось там слишком светло.

Комиссионеры так вошли в роль, что переругивались и вякали, что с ними договаривались о кладке, а разгрузку кирпича не оплатили. Разумеется, они шутили, но Пуфс был из тех, кто смеется лишь шуткам начальства. Прочие шутки были для него недостаточно прямоугольными и плохо грузились подъемным краном.

Пуфс капризным голосом окликнул Зигю, и вопросы по оплате исчезли. Зигя с удивлением посмотрел на свои ручищи и вернулся к бледной и вялой Прасковье, которую Ромасюсик отпаивал сладким чаем. Рядом лежал торт-суфле, дышавший на шоколадного юношу пугающей своей родственностью.

– *На, отрежь!* – Прасковья ладонью нетерпеливо подтолкнула нож Зиге. К ее удивлению, гигант побледнел и, отодвинувшись от ножа, спрятал руки за спину.
– Не надо, мама! Зигя не буйт! Он боися! – пролепетал гигант.
– *Чего Зигя боится? Ножа?* – заинтересовалась Прасковья.
Зигя поспешно закивал.

Прасковья послала Ромасюсика в кладовку и, когда тот вернулся с целой охапкой клинков, стала поочередно протягивать их гиганту. Тот мотал головой, упорно отказываясь к чему-либо прикоснуться.

– Зигя боися! Мне бы се-нить шладкое! Или на масынке покататься! – повторял он жалостливо.

Ромасюсик, которому он две минуты назад едва не раздробил булавой голову, поначалу не поверил, подозревая подвох. Но нет, малоумного гиганта нельзя было заподозрить в недостатке искренности. Зигя действительно смертельно боялся любого оружия – дробящего, огнестрельного, рубящего. Даже тупой десертный ножик с затупленным концом привел его в ужас.

«Значит, когда он с палицей, это уже не Зигя, а Пуфс! Зигя же – младенец!» – понял Ромасюсик, однако мысль свою оставил при себе, прочно упаковав ее в засахаренных глубинах черепной коробки.

Ромасюсик так углубился в свои соображения, что не расслышал вопроса Прасковьи, что было странно, поскольку вопрос прозвучал у него не в ушах даже, а в голове. Прасковья вспылила, и ходячая шоколадка оказалась распластанной на полу. Наследница мрака сидела на ней верхом, приставив к горлу кинжал.

– Не надо меня килать! Я больше не вилбю! – потешно взмолился Ромасюсик.

– *Я спросила: звонил ли ты вчера матери Мефа?*

– Да.

– *Говорил с ней?*

Ромасюсик простучал зубами, что нет.

– *Как – нет? А с кем ты разговаривал?*

– С дя-дядей!

– *Тебе сказали, что он уехал? Отвечай!*

Ромасюсик затрясся. По понятным причинам он вчера оставил эту новость при себе. Теперь же признаваться было вдвойне жутко.

– Кы-кы-то? – промямлил он, оттягивая миг своей смерти.

Внезапно Прасковья отбросила кинжал и встала. Ей и так уже все было ясно.

– *Дрянъ ты все-таки!* – сказала она устало. – *Ладно, тебе же хуже! Сейчас ты поедешь к матери Мефа, к его дяде, к кому угодно, и вытянешь все, что они знают о его поездке! Я сказала – все! Слышал? Тогда вставай и отчаливай!*

Ромасюсик поспешно вскочил.

– Как вонтишь! – присмирив, сказал он.

Спорить с Прасковьей, когда она бывала в таком настроении, он не решался. Прасковья подозрительно всмотрелась в Ромасюсика.

– *Что-то ты подозрительно послушный! Значит, как я «вонтю», так все и «вилбит»? А ты-то сам чего-нибудь вонтишь?* – спросила она с сомнением.

Ромасюсик заверил ее, что очень-очень вонтит. На деле же ему хотелось поскорее убежать, чтобы получить от Прасковьи хотя бы короткую передышку.

Живая дверь резиденции распахнулась и выплюнула его. Уже на пороге Ромасюсик обернулся. Прасковья стояла и, наклонившись вперед, смотрела на него опустелыми глазами. Лицо ее было лицом наркоманки, которая ждет, пока ей принесут дозу.

Шоколадному юноше подумалось, что Прашечка рабыня еще в большей степени, чем он сам. Он раб внешней необходимости. Раб потому, что на него кричат, бьют, грозят убить и топают ногами. Она же рабыня своих собственных страстей. Не того опошленного и замельченного слова «страсть», когда мы говорим «вот у меня страсть к шоколаду и к

интеллектуальному кино», а той мерзкой и скользкой змеи, которая сжимает человека кольцами и давит его, терзая его даже в самой смерти. Внешнего раба еще можно освободить, а как освободишь внутреннего?

Эта мысль показалась Ромасюсику утешительной. Пусть всем будет плохо, если плохо ему. Ударился правой ногой – ударься левой вдвое сильнее, и тогда правая перестанет болеть, поскольку уже заболит левая. Снова слишком больно? Ударься снова правой, и тогда опять «правая» боль вытеснит «левую». Вот только, если злоупотреблять такой методой, рано или поздно попадешь в травматологию.

Все же интересно, что за тряпку видел он в руке у Пуфса и почему она сухим жаром обжигала ему глаза?

На Большой Дмитровке, метрах в ста от резиденции, Ромасюсик наткнулся на Тухломона. Таинственный, как мульташный шпион, в плаще, в здоровенных темных очках, он выяснял у двух солдатиков-срочников устройство пушки танка «Т-34», хорошо зарекомендовавшего себя на полях Великой Отечественной.

– Бух! Жу-жу! Ви меня понимает? Бух! Жу-жу! Вжик! Бистро вжик или не бистро? Текнически каракретистик! – объяснял Тухломон, показывая руками, как летит снаряд.

Солдатиков это очень забавляло – оба они были трубачи из музыкальной команды.

Заметив Ромасюсика, Тухломон вручил солдатам свои визитные карточки, поочередно похлопал каждого по плечу и потянул Ромасюсика за собой.

– Ну и где эйдосы? – поинтересовался шоколадный юноша.

– Какие эйдосы? Я тебя ждал. От нечего делать трепался, – сказал Тухломон пасмурно.

Дурацкий плащ исчез вместе с очками. Теперь лучший комиссионер мрака был в легкомысленной маечке, у которой сзади была нарисована большая кружка, а на груди написано: «**Любитель пива**». Учтывая, что сам Тухломон был тощ, как рыбий скелет, в его любовь к пиву как-то не верилось.

– Вот ты подумай! В армии как говорят? «Отдать честь!» Зачем ее отдавать? Она же честь! Э? Логика нету, понимаешь? – сказал Тухломоша, провожая солдатиков недовольным взглядом.

По хмурости во взгляде и капризному голосу Ромасюсик сообразил, что с эйдосами у Тухломоши на этот раз не сложилось. Возможно, оба солдатика, сами того не подозревая, находились под защитой света. Или, что тоже возможно, охранялись материнской любовью.

Ромасюсик шагал к метро. Прасковья не упомянула, каким способом он должен добраться до Эди и Зозо. А если так, то Ромасюсик предпочитал потянуть время. За хвост, за лапы, за усы – за все, что угодно. Тухломон увязался с ним, по дороге отрывая ради развлечения телефончики от приклеенных к столбу объявлений.

– Что у нас тут? «Автошкола приглашает учеников». Надо будет заскочить, посмотреть, как там у автолюбителей с эйдосами... – бормотал он. – А тут что? «Белая ворожея Надя вернет вам мужа. Абсолютно бесплатно! Работаю во имя добра!» А, знаю эту Надю! На редкость приставучая! Улита в нее чем только не швыряла! Даже Мамзелькину вызывали, чтоб эту белую ворожею за дверь выводить.

Ромасюсик терпел Тухломона до Тверской. Затем остановился и, повернувшись к нему, спросил:

– Ну и чего ты за мной идешь? Делать нечего?

Тухломон раздулся от благородной обиды.

– А что? Просто так нельзя? Ради родства душ? Может, я общаться хочу? – произнес он с дрожью в голосе.

Ромасюсик усмехнулся. Он помнил, что комиссионеры за просто так даже родную бабушку не обнимут. При условии, что бабушка у них, конечно, имеется.

– Ну хорошо! – сказал Тухломон деловым тоном. – Я хотел кое-что уточнить. Слышал, как Зигя называет Прасковью мамой?

– Ну и что? – пожал плечами Ромасюсик. – Тебе не все равно? Пусть хоть грэндфазером! Или ты тоже в сыночки набиваешься?

Тухломон вяло улыбнулся, показывая, что оценил шутку на троечку, да и ту безналом.
– Я не о том! Просто «мама» – это как-то нетипично для стража, пусть и для слабоумного, ты не находишь? Тут явно что-то замешано, – сказал он.

* * *

Когда Тухломоша исчез, озадачив Ромасюсика странным вопросом, шоколадный юноша отправился дальше. Он шел и досадливо отмахивался от ос. Осы – эти мелкополосатые летающие волки – как-то пронюхали его, Ромасюсикову, сахарность, хотя ее можно было разгадать лишь истинным зрением. Для всех же прочих Ромасюсик был обычный юноша лет семнадцати-восемнадцати, безусый, немного жирненький, бултыхающийся при ходьбе, но в целом мало выделяющийся.

Ромасюсик топал по Тверской, а ветер, дувший от Манежной площади, подталкивал его в спину: мол, давай-давай! Не загромождай город!

Почти у самого метро Ромасюсик увидел девушку. Обычно так начинаются романы про любовь. Некто увидел девушку, потерял сердце, и пошло-поехало. Вот только с Ромасюсиком все было иначе. Сердца он не терял и голову тоже.

Девушка была одета в легкое льняное платье и не стыкующиеся с ним здоровенные военные ботинки, для лета безмерно жаркие. Она стояла у задней двери автомобиля и махала Ромасюсику, подзывая его к себе. Шоколадный юноша посмотрел вначале в одну сторону, затем в другую. Он был уверен, что машут не ему, а кому-то, кто находится рядом. Но – нет. За его спиной была только улица.

Девушка снова жалобно замахала. Она явно искала того, кто может ей помочь. Ромасюсик не считал, что может кому-то помочь, помогать было вообще не в его правилах, но девушка звала так настойчиво, что шоколадный юноша поневоле приблизился. Брови у незнакомки были вздернутые вверх, изломанные, вопросительные.

– Не посмотришь, что у меня такое? – жалобно попросила девушка, показывая Ромасюсику куда-то за затемненное стекло.

– Где?

– Да здесь вот! Не посмотришь, а? – повторила девушка, открывая дверцу.

Ромасюсик озадаченно наклонился и, заинтересованный, заглянул в машину. В следующий миг мощная рука ухватила его за ворот и без усилий вдернула внутрь. Бедняга не успел даже пискнуть. Девушка хладнокровно захлопнула дверцу, обошла машину и села на место водителя. Машина, как порядочная, замигала левым поворотником и, выскулив себе место в потоке, тронулась.

Глава 9 Тихоплавающий экспресс

Каждый совершенный поступок – дурной ли, хороший – изменяет эйдос и заставляет его расти в том или ином направлении. Поливай саженец кислотой – и вырастет колючее растение-мутант. Поливай ключевой водой – и будет роза. До поры до времени нам не суждено видеть, что мы поливаем. Все, что мы можем, – это развить в себе волю и неустанно носить воду. В засуху, в темноте, при сильном ветре – просто носить и все.

Летопись Света

Первый сплавной день получился недолгим. Не было и четырех, когда путь оказался надежно перекрыт тополем, перегородившим реку. Это был самый причудливый из тополей, который Меф когда-либо видел.

Дерево, некогда подмытое разбухшей весенней рекой, упало, заперев узкую Сережу. Уткнулось вершиной в противоположный берег. Казалось бы, рухнувший гигант обречен на

постепенное гниение и гибель, но случилось чудо. Получив много не занятого другими деревьями речного солнца, боковые его ветви устремились вверх, став отдельными стволами. Уцелевшие корни укрепились и питали их. И вот уже семь рослых пятнадцатиметровых тополей и один молодой, всего-то, может, восьмиметровый тополенок, взметнулись над рекой, усевшись на старом, невероятно толстом и широком стволе, как куры на жердине. Во всем этом невероятном сооружении ощущалась хрупкая и вечно удивляющая надежность жизни.

Проплыть под стволом на лодках было невозможно.

– Ну что? Надо обносить! – сказал Эссиорх, когда все три байдарки сбились рядом.

И тотчас, не дожидаясь ответа, в одежде бултыхнулся в воду, выталкивая «Свирь», «Таймень» и «Вуоксу» в камыш, плавно и неназойливо переходящий в самую стрекочущую крапиву в мире.

Лишь теперь, выбираясь на топкий берег и ощущая, как ноги проваливаются в тину, прорезанную внезапно твердыми и острыми корнями, Меф осознал, зачем нужна сплавная обувь. Все-таки река – это не морское купание с песочком.

Байдарки смогли вынести, только перекидав на берег рюкзаки, весла и гермы. При этом Ната опять вопила «Фотоаппарат!» и требовала взять ее на ручки, потому что вода сырая.

– Ну ты, мать, даешь! Сейчас еще я захочу на ручки, и все наши мужчины закопаются по брови в ил! – урезонила ее Улита.

Пыхтя, ведьма высвободила ноги из байдарки и, грузно плюхнувшись в реку, стоически стала карабкаться в крапиву.

Вытащив вместе с Эссиорхом последнюю лодку, Меф посмотрел на свои руки. Все-таки грести пришлось долго. Хорошо, что ладони у него были твердые, знакомые с турником, и потому водяночная мозоль вздулась только под средним пальцем. Сдуру Меф прокусил ее и ощутил солоноватый вкус того, что ее наполняло.

– Оставил бы – завтра утром ничего бы не было! – сказал Чимоданов. – Шляпа!

– А ты кто?

– Подчеркиваю: этого мы сегодня обсуждать не будем!

Недалеко от тополя Улита нашла стоянку с кострищем и, рухнув в траву на солнцепеке, заявила, что сегодня никуда больше не поплывет. Пусть ее пристрелят, только предварительно накормят и найдут в рюкзаке сухую одежду. К Улите присоединилась Ната, к Нате – Чимоданов с Мошкиным, и, наконец, на их сторону переметнулся Корнелий, поначалу заявлявший, что даже ночевать будет на реке, в байде.

Эссиорх, собиравшийся сплавать часов до шести, вздохнул и сдался. По его оценке, со всеми петлями реки они прошли километров пятнадцать, не больше.

– Не очень-то увлекайся арифметикой, а то зайкой станешь! – сказала Улита. – А ну-ка скажи быстро: «Жил да был да суп ел да кашу варил математик дядя Вова. У него были кошечки Кваттуордециллион и Дуодевигинтиллион, попугай Тредециллион и щеночек Гугол».

Мефодий и Дафна были отправлены в лес за дровами. К ним присоединился Мошкин, приволокший целую засохшую березу. Коричневые, цепко держащиеся листья ее сухо гремели, когда Евгеша буксировал ствол по траве. Бросив березу у костра, вошедший во вкус Мошкин приволок и елку. Его остановили, опасаясь, что он перетаскает весь лес. И так уже костер получился таким, что издали к ним стал принохиваться пожарный вертолет.

Корнелий постелил коврик, выложил на него вещи и, скрестив руки, принялся удовлетворенно их созерцать.

– Знаете, сколько стоят эти носки? Как тридцать пар обычных. Зато они сохнут даже в воде! – похвастался он, демонстрируя непрозрачный пакет с затянутой горловиной.

Эссиорху сразу стало ясно, по какой причине Корнелий едва не опоздал на поезд. Среди его сокровищ были и тонкая обтягушечка, способная разбухать от влаги и греть как шуба; и две пары походных брюк с миллионом карманов; и целый набор алюминиевых мисок и чашек, вставлявшихся друг в друга так хитро, что можно было возиться часами; и

саперная лопатка; и бундесверовская ложка-вилка-открывашка; и надевавшийся на голову фонарь; и еще один фонарь с проводом-втыкалкой и ручкой, вращая которую можно было заряжать мобильный телефон; и топор с пластиковой рукояткой; и метров двадцать троса; и пика-гавайка, которой можно было выстреливать, натягивая ее на привязанной к ручке резинке. С краю лежали три ножа разных размеров. С одним можно было ходить на медведя, с другим на волка, а с третьим, пожалуй, на суслика.

Венцом собрания могла считаться походная сворачивающаяся пила. Корнелий утверждал, что ей можно ампутировать ногу за двенадцать с половиной секунд, и ласково подманивал кого-нибудь подойти ближе.

– Откуда ты знаешь, что за двенадцать с половиной? Ты пробовал? – тотчас принялась подлавливать его любившая споры Ната.

– Почему сразу я? Мне продавец сказал, – стал защищаться племянник Троила.

– А он сколько ног отпилил?

– Слушай, отстань, а? С тобой неинтересно разговаривать! – расвирепел Корнелий и, не зная, кому еще показать свои сокровища, позвал Мефа.

– Да уж! Тут без ограбления туристического магазина не обошлось, – заметил Буслаев, экипированный едва ли не одной вилкой и спальником.

Примерно так же подготовился к походу и Эссиорх, взявший с собой обычную чашку и отправившийся в легких льняных брюках, из прочих вещей захватив только дождевик, сплавную обувь и всякое прочее, по мелочи. Но Эссиорх-то сделал это от опыта и презрения к условностям, что сложно было сказать о Мефе, которым руководила обычная лень.

– Ну ничего! Вот попросите у меня что-нибудь! – сказал Корнелий, с затаенной радостью предвкушая, как его будут умолять одолжить самонадувающуюся походную подушку или негнущиеся колышки для палатки.

– Не знаю, как остальные, а я не попрошу! – уверенно произнес Эссиорх.

– Почему это? – с подозрением спросил Корнелий.

– Не знаю, как тебя, а меня собственность убивает. Я это физически ощущаю. Если хочешь сделать мелкую собаку несчастной – дай ей кость, которую она не в состоянии разгрызть, но будет охранять. Хочешь сделать несчастным человека – сделай его собственником. С любым предметом мы приобретаем себе заботы, которые в десять раз больше пользы от самого предмета.

– Что-то я не врубился, – сказал Меф. – А если предмет совсем жалкий?

– Жалких нет. Назови какой-нибудь, – предложил Эссиорх.

Буслаев испытал кризис воображения.

– Ну, печной горшок, – брякнул он. – Положим, я живу в пустом деревенском доме и только он у меня и есть.

Эссиорх задумался самое большее на секунду:

– Пожалуйста! Вот ты – счастливый обладатель печного горшка. Поздравляю! Горшок – один, а забот – целый вагон. Надо ругаться с тем, кто его запачкал и не вымыл за собой. Надо орать на соседского ребенка, чтобы он не свалил его со стола. Ты не можешь выйти из дома, потому что его упрут вместе с кашей. Ты начинаешь невольно сравнивать свой горшок с горшками других людей и приходишь к выводу, что у кого-то горшок лучше твоего, а у кого-то хуже. Первым ты завидуешь, вторых лезешь утешать, хотя тебя об этом не просят... К тебе начинают приходиться толпы безгоршечных друзей со своими подругами, сидеть у тебя до утра и дебоширить. Ну и так далее! В общем, если очень постараться, то, даже имея один печной горшок, можно захлопотаться до психушки.

– Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не женат. Ты патологически боишься горшков, – заявила Улита.

Эссиорх, как показалось Мефу, напрягся. Женщины не умеют шутить на тему брака без личного вовлечения в процесс, а потому лучше выбрать для юмора более безопасную тему.

– Что же теперь, и горшка нельзя купить? – спросил Буслаев, из мужской солидарности

выручая Эссиорха.

– Можно-то можно, если он действительно нужен, – со вздохом разрешил хранитель. – Но вот привязываться к нему нельзя. Если ты чувствуешь, что способен заикнуться на горшке, как я, к примеру, на мотоцикле, – ну его совсем! Лучше придушить жадность в зародыше, потому что потом она тебя сама придушит.

Меф засмеялся.

– Чего ты хихикаешь? – с подозрением сказал Эссиорх.

– Да про жадность... Однажды, классе в четвертом, мы с одним дружбаном лезем через забор. У меня в руке пять железных рублей и ни одного кармана. Попросил дружбана подержать. Он подержал, а потом пытается отдать, а кулак не разжимается. Вроде как он и согласен, что пять рублей мои, а пальцы все равно сами собой стискиваются.

– То-то и оно, – согласился Эссиорх, отметив про себя, что воспоминания детства у Мефа остались незатронутыми. Вероятно, коррекция была точечной и касалась только службы мраку.

Хранитель завалил молодую сосенку и лихо разделал ее на рогулины и перекладину для котелков. Сосна, полная свежих соков, пружинила и щекотно пахла смолой. Зеленая хвоя постреливала, попадая в огонь.

– И не жалко тебе? – спросила Даф, терзаясь слабыми экологическими муками.

– Турист – умеренный и рачительный вредитель природы! – бодро отвечал Эссиорх.

– М-мм? Ты уверен? А кто неумеренный и нерачительный?

– Да любой другой человек, который в год купил хотя бы пять газет и два журнала. Вот уж кто конченный садист да еще и чистоплюй!

Начиная готовить ужин, Эссиорх обшарил продуктовые гермы и вытряхнул все на траву, приятно заинтересовав муравьев. Огромные муравейники были здесь повсюду. Только неподалеку от костра Даф видела по меньшей мере три.

– А где сахар? – озадаченно спросил хранитель у Улиты.

– Где ж ему быть? В магазине, вестимо, – радостно ответила та.

– Как – в магазине??? Я же сказал: четыре килограмма сахара!

– Не придирайся, пупсик! Я купила кучу шоколада! Согласись, что дорогой шоколад всегда лучше вонючего и дешевого сахара!

Эссиорх так не считал.

– Но не в каше... Ну-ка покажи твой шоколад! – попросил он.

Улита недоверчиво заглянула в зеленую герму, долго пролежавшую на солнцепеке. Весь шоколад смялся в причудливый ком. Откусив от него, ведьма немедленно принялась отплевывать вцементировавшуюся фольгу.

– Ой, блин!

– Точно! В блин все и превратилось! – подытожил Эссиорх, порой нарочито воспринимавший все слова буквально.

– И что мы теперь будем есть? – спросила Улита.

Эссиорх выдержал укоризненную паузу, после чего смилостивился и, пожимая плечами, сказал:

– Не бойсь, все ту же гречку. Может, через день чередуя с рисом. Лучшей еды в походе все равно нет. Разваривается на целый котелок да и укладывается компактно, что в герме, что в животе.

Часов в шесть Чимоданов, громоздивший очередную «устрашающую» гору из трупов оводов, внезапно застыл в очередном замахе. Одну, две, пять, десять минут просидел неподвижно, с занесенной рукой, чутко скользя глазами то вправо, то влево, а затем опустил руку и сказал:

– Подчеркиваю: оводов больше нет!

– А куда они делись? – удивился Корнелий.

– Без понятия! Просто нет! За позапрошлый час я прибил двадцать восемь, за прошлый семь, а сейчас вот вообще ни одного, – авторитетно заявил Петруччо.

С ним не спорили: в Чимоданове начинали уже признавать специалиста, во всяком случае, по оводам. Эссиорх, любивший докапываться до первопричин, предположил, что оводы «работают» только при ярком солнце. Вечером же отправляются спать в траву. Пытаясь подтвердить свою догадку, он долго безуспешно ползал на коленях, пока не отыскал под листом подорожника одного овода. Правда, потом оказалось, что у него нет крыла и вообще это, скорее всего, уползший недобиток из чимодановской кучи.

Меф накрыл своей ладонью руку Дафны.

– Дафна, хочешь кофе? – спросил он нежно.

Дафна покосилась на Мефа с подозрением, ожидая фортеля. В бескорыстную нежность со стороны своего подопечного она не верила.

– Да, хочу, – сказала она осторожно.

– Так иди – сделай!

– Тогда не хочу! – отказалась Дафна.

– Ты же сказала, что хочешь?

– Девушкам свойственно самим не знать, чего они хотят, – заявила Даф.

Поняв, что ее не переупрямишь, Меф вздохнул, взял котелок и отправился к реке. В первый раз он взбаламутил воду и зачерпнул тину. Во второй отошел выше по течению и, держась за наклоненное дерево, черпанул воду почище. Главное, как он сообразил, не цеплять котелком муть, выстилающую реку снизу.

Эссиорх и Дафна наблюдали от костра, как Меф решает проблему с водоснабжением.

– Всегда когда смотришь на реку – думаю: река, как человек. Главное, не задеть дно, а то столько всего всплывет – намучаешься, – негромко сказал Эссиорх.

– А как же человеку тогда очищаться? – удивилась Даф.

– Постепенно. Зажал ноздри, вытянул тину, отжал, выкинул. Улеглась вода – снова отжал и снова выкинул. И так бесконечно.

Вода была коричневатая, с частицами торфа, с заплывшей сухой травинкой и с непрерывно шевелящейся многоножкой на дне. Многоножку Меф выудил пальцами и выкинул, после чего повесил пшикнувший котелок рядом с его приятелем, в котором начинала уже пыхтеть гречневая каша.

Ната заявила, что пошла купаться, и вернулась минут через двадцать с мокрой головой и синими кругами под глазами. Не доходя до костра, она принялась истерично орать на Корнелия, что он разлегся и мешает ей пройти.

– Дорогуша! – сказала Улита, заступаясь за курьера. – Возьми себя в руки или протянешь ноги! Вокруг пятьсот квадратных километров никем не занятого леса! Тебе что, негде обойти?

– Сама обходи! – отрезала Вихрова и, бесцеремонно наступив Корнелию на грудь, придвинулась к костру.

– Я, между прочим, живой! – миролюбиво напомнил Корнелий.

– А мне начхать!

Ната опустила на колени и, протягивая к огню руки, стала греться. Мошкин с Чимодановым переглянулись, поняв, что она опять кормила кровью клеща.

Евгеша взял топор и отправился в лес за очередной сухостойной березкой. Впечатлительному Мошкину требовалось время, чтобы обрести равновесие. Совесть грызла его большими белыми зубами, грозила большим белым пальцем и вопрошала с мошкинской же сомневающейся интонацией: «Евгеша, тебе не мерзко, нет? Душонка не чешется?»

Увы, так все и было. Душонка ныла и чесалась, наполняясь сомнениями, точно закисшими окурками.

Вернулся Мошкин из леса облепленный комарами. Комары копошились у него в волосах, противно звенели у уха, лезли в рукава и за воротник.

– Слушайте! Я, наверное, разворошил какой-то комарятник! – виновато сказал Евгеша.

– Причем во всей Муромской области. Тут их тоже полно! Уже минут пять! – успокоил его Меф, отплеывая в костер очередного комара. Тот вздумал покончить счеты с жизнью,

залетев ему в рот.

– Подчеркиваю: Муромской области нет! – авторитетно заявил Петруччо.

– А город Муром?

– Город есть, а области нет. Области тут Нижегородская и Владимирская!

– Откуда ты знаешь?

– Здрасьте! У меня вся география российская в башке сидит, включая деревню Мортка Ханты-Мансийского автономного округа! Кто отчеты принимал от коми... – самоуверенно начал Петруччо и закашлялся.

В рот ему непонятно как прыгнула сосновая шишка. Дафна деликатно отвернулась и, дуя на флейту, стала полировать ее рукавом.

Избавившись от шишки, Чимоданов ссоры затевать не стал. Вместо этого он принялся хлопать комаров и наваливать их сверху на дохлых оводов. У него снова появилось занятие. Комары, правда, гораздо мельче, и как строительный материал шли десять к одному, зато их было гораздо больше.

– Я поняла! – сказала Улита. – Днем – оводы, вечером и ночью – комары! С пяти вечера до шести вечера – перерыв для пополнения природного полнокровия доноров, а затем смена караула!

Убедившись, что гречка готова, Корнелий сволок с крюка котел, оттер Эссиорха плечом и, покрикивая, стал раскладывать кашу по мискам. Сознание у Корнелия всецело вписывалось в формулу «мы пахали». Раз в неделю притащив из магазина батон хлеба, он полагал, что кормит всю ораву. Сдув со стола крошки, считал, что один за всеми убирает. Теперь же, подбросив в костер пару шишек и трухлявую палку, внезапно осознал, что и ужин приготовил он.

Это было бы еще терпимо, если бы Корнелий не начал покрикивать, на правах всеобщего благодетеля загоняя всех в тараканьи норки.

– Эй, ты! Есть будешь? Тебе какую миску – с мятым краем или с дурацким рисунком? – спросил он у Улиты.

– Без разницы! – сказала ведьма равнодушно.

– Тебе что, по барабану? – поразился Корнелий.

– В точку! – подтвердила ведьма. – Ты очень правильно определил музыкальный инструмент!

Получив эмалированную миску, разрисованную мелкими лягушечками, Улита воткнула в кашу ложку и стала терпеливо дожидаться, пока Чимоданов, мастерски орудуя топором, быстрыми, короткими, безмерно осторожными движениями откроет банку с рыбными консервами. К ключу он никогда не прибегал. Для него это было несолидно.

– Где ты так научился работать топором? – с восхищением спросил у него Меф.

Даф кашлянула.

– Да так... баловался помаленьку. Тюкал-тюкал, – невнятно пробурчал Петруччо, которому не хотелось больше давиться шишками.

Ужин еще не закончился, когда Эссиорх сбегал в палатку и, вернувшись с накомарником, надел его на Улиту. Ведьма, самая вкусная из всех, едва успевала смаргивать лезущих ей в глаза насекомых. С лица она их давно уже не схлопывала (это можно было делать бесконечно), а просто утирала лицо ладонями вместе со всем, что на нем сидело. В Москве о комарах всегда думаешь, как о чем-то существующем в теории. Когда же теория становится практикой, предпринимать что-либо поздно.

– Накомарник – это чтобы она добавки не попросила? – язвительно поинтересовался Корнелий, видевший, что Улите теперь некуда просунуть ложку.

– Ты можешь говорить глупости не каждый раз, а хотя бы через раз? – окрысилась на Корнелия ведьма.

– Я-то могу, да ты и через раз считать замучаешься!

– Не нарывайся! А то буквы так между зубов застрянут, что выковыривать нечем будет! – предупредила Улита.

– Ой-ой, как страшно! Если я врублюсь в твою шутку, ты вырубись! – предупредил Корнелий.

Это был перебор. Ведьма стала медленно приподниматься. Даже в накомарнике она была страшна. Корнелий стал спешно припоминать, где его флейта, и, к своему ужасу, осознал, что она на самом дне рюкзака да еще и в закрытой на «молнии» палатке.

– Что, дудочку потерял? А я свою рапиру нет! – посочувствовала Улита.

– Да я с тобой и без флейты справлюсь! – запальчиво крикнул Корнелий.

– Да уж! Такие дистрофаны, как ты, меньше чем по пять человек домой не возвращаются, а то еще шахматист какой подойдет – ногами запинаят!

– Да я тебя!.. Ведьма!

– Я-то ведьма! – подбоченилась Улита. – А ты кто? Пуп человечества? Сочувствую! Великих полководцев и пупов человечества всегда в избытке. Это психушек вечно строится впритык.

Спохватившись, что лишних Корнелиев в природе нет, Эссиорх удержал Улиту и, усадив ее на бревно у костра, призвал ее сделать пятиминутную паузу. Он отлично знал, что Улита остывает быстро и через пять минут уже и не вспомнит о Корнелии.

– Ну и ладно! Пусть болтает, что хочет! В другой раз его заколю! Каждый имеет право оставить потомкам свои тронутые молью мечты! – смирилась Улита.

Спасаясь от комаров, Мефодий и Дафна давно уже сидели на корточках у костра, стараясь находиться с дымной стороны.

– Закон взаимостолкновения баранов в природе, – сказала Дафна, глядя через костер на Улиту и Корнелия.

– Какой закон? – не расслышал Меф.

Надеясь прожарить комаров, он придвигал лицо так близко к огню, что веки и щеки обливало сухим жаром.

– Закон, что если где-то бежит слишком горячий баран, то самый быстрый способ охладить его – выпустить ему навстречу еще одного барана.

* * *

Вскоре после ужина, выпив по две чашки чая, имевшего привкус гречки, так как готовился он в том же, неотмытом котле, все стали расползаться по палаткам. Глаза склеивались.

– Хлебанули кислорода! Сейчас бы мотоцикл Эссиорхов сюда! Двигатель завел, наклонился к трубе и отдышался! – мечтательно зевнула Улита.

– Давно хотел спросить. Эссиорх – это имя или прозвище? – решил на вопрос Меф.

– Погоняло такое, – ласково пояснила Улита. – На самом деле он Гундаренко Тарас Богданович, уроженец города Таганрога.

Ната, Чимоданов и Мошкин синхронно заржали. Меф был в замешательстве, не зная, верить или нет. Зато Эссиорх, как показалось Дафне, покосился на Улиту без всякого восторга.

«Ну все! – подумала Даф. – Она идет ва-банк! Еще немного – и либо Эссиорх срочно полюбит детские горшки и марш Мендельсона, либо она утопит его в реке!»

Забравшись в спальник, Меф смотрел наверх, где сквозь зеленый с сетчатой серединой купол палатки силилось проглянуть небо.

Слышно было, как недалеко, в соседней палатке, возится Корнелий и, подсвечивая фонарем, истребляет насекомых. Круг его зажженного фонаря Меф дважды спутал с луной, после чего, не доверяя себе, уже и настоящую луну, прочно застрявшую в сосновых ветвях, принял за фонарь. Где-то рядом с Корнелием ворочался и вздыхал Евгеша Мошкин, приданный стражу света в нагрузку.

Ната в другой палатке переругивалась с Чимодановым.

– Ты мыться что, не собираешься?

– Грязь в городе. Тут грязи нет, – философски произнес Петруччо.

– Ага, нет! Посмотри, сколько на ножищах приволок!

– Это не грязь! Это тина, земля и глина! И вообще молчи, женщина: собирай лучше комариные трупы! Мне завтра пирамиду достраивать! – отрезал Чимоданов.

Он ужом скользнул в спальник, долго вертелся и дергал «молнию». Ната уснула быстро. Чимоданову же не спалось. Ему размышлялось, скучалось, ворочалось, пыхтелось, вздыхалось и нылось. Часа через два, устав сам от себя, он вылез наружу и у погасшего костра столкнулся с Депресняком, тоже пребывавшим в тоскливых непонятках, как ему проводить кошачью свою жизнь.

– Тебе чего, тоже не дрыхнется? – сочувственно спросил у него Чимоданов.

Кот неопределенно шевельнул зубчатым хвостом. Петруччо хотел присесть рядом на бревно, но тут Депресняк, выгнув спину, предупреждающе зашипел. Поняв, что его привлекло нечто на берегу, Чимоданов материализовал топор и молодым лосем ломанулся к камышам.

Подбегая, он увидел тень, торопливо скользнувшую к соснам. Петруччо погнался за ней, но споткнулся о корень и улетел в крапиву. Вернувшись к лодкам, Чимоданов оглядел их, пытаясь понять, зачем странная фигура вертелась рядом.

Со «Свирью» и «Тайменью» все было в порядке, но, подсветив фонарем «Вуоксу», Петруччо обнаружил на новом днище длинный, почти полуметровый порез.

– Свины! Изгадили новую байду! – злобно процедил Чимоданов.

Теперь он почти жалел, что не метнул в тень топором. Хотя боевой топор не то оружие, которым можно безопасно подранить. Тут или все, или ничего.

Чимоданов уселся на раненую «Вуоксу», положил на колени топор и стал ждать рассвета. Раз ему все равно не спалось, он решил караулить. Ковер звезд накрывал лес. На затихшей Сереже лежал желтоватый туман, скатанный точно из ключев старой ваты. В реке кормилась и плескала крупная рыба. Большие мотыльки пролетали над водой, изредка взмывая вверх.

Чимоданов грозно высморкался. Красоту природы как таковую он не воспринимал, но все же она затрагивала что-то в его душе и беспокоила, как волка беспокоит луна.

Мысли, прежде заваленные дневными заботами, теснились в сознании Чимоданова. Некоторое время они удерживались раздражением, что кто-то изгадил лодку, но вскоре отлетели и больше к «Вуоксе» не возвращались.

Чимоданов стал думать о девушке, проскочившей мимо по Новому Арбату и которую, если жизнь управляется теорией вероятности, ему никогда больше не увидеть. А если и увидит, то понравится ли он ей? Заблуждений, связанных со своей внешностью да и с нравственными качествами тоже, Чимоданов не имел. Если в нем и было нечто красивое, то только печень, да и та, как известно, в глаза не бросалась, а тихо лежала где-то внутри.

Внезапно у Чимоданова возникла идея. Он вскочил, огляделся и, сунув топор под лодку, быстро направился к средней палатке.

...Когда кто-то зажал ей рот, Даф проснулась. Рванулась, собираясь укунить ладонь, но внезапно поняла, что это Чимоданов.

– Чего тебе? – промычала она.

– Тшш! Иди сюда!

Даф вылезла из палатки и стала дуть на угли, удивляясь, что комары исчезли. Видно, и у них в муромских лесах имелись свои присутственные часы.

– Ну! – нетерпеливо сказала она Чимоданову.

Петруччо сопел рядом, носком ноги толкая в огонь шишки.

– Хочу спросить тебя кое о чем!

– Ну спрашивай!

– Только подчеркиваю: мне заранее плевать, что ты ответишь! – начал он.

Даф пожелала Петруччо счастливого плевания, после чего поинтересовалась, зачем в таком случае было ее будить?

– Я вот тут подумал... Если ты для меня кое-чего попросишь у света: мне это дадут? – спросил наконец Чимоданов.

– Не знаю. Я же в Эдеме не самая главная... Наверное, смотря что, – осторожно ответила Даф, не готовая давать какие-либо обещания. – А чего ты хочешь попросить?

Чимоданов замялся.

– Ты вначале скажи: дадут или нет!.. Ты не думай: это что-то более-менее нормальное, касающееся меня... э-э... лично. Не ключ от врат Эдема и не какая-нибудь глупость, – на всякий случай добавил он и тотчас, спохватившись, что дал слабину, пригрозил: – Учти: если мне это не даст свет, я попрошу у мрака!

– Очень страшно, – зевнула Даф. – Можно я пойду спать и буду бояться во сне?

Петруччо, пристально смотревший на нее, разочарованно набычился. Он, как видно, считал, что Даф испугается.

– Ты выясни вначале: даст свет или нет! – повторил он.

Уловив в его голосе просительную и даже жалобную интонацию, Даф кивнула. В конце концов, что она теряет? Передать просьбу Чимоданова всегда можно, а там уж пусть решает тот, кому положено.

– Хорошо, узнаю. Только на всякий случай имей в виду: ни свет, ни тем более мрак ничего не дают за просто так, – предупредила она.

– То есть? И ваш свет тоже не дает? – поразился Чимоданов, которому втайне казалось, что у добренького света все сплошная халява.

– И свет тоже. Если ты долго и настойчиво просишь у света, допустим, выносливость и сильные ноги, будь готов, что однажды тебя переселят в квартиру на двадцатом этаже в доме, где никогда не работает лифт. Вынужденный спускаться-подниматься по десять раз в день, ты приобретешь и выносливость, и стальные икры... Правда, как ты уже понял, придется побегать.

Цыкнув мелким плевком в пространство, Чимоданов высказался, что от света он другого и не ожидал. Надувательство на надувательстве. Странно, что Даф вообще призналась, как работает ее шарашкина контора.

– А если у мрака попросить? Ну, пускай те же ноги? – деловито уточнил он.

– Если у мрака, то сильные ноги ты, возможно, получишь сразу, но не исключено, что они будут: а) отрезаны у мертвеца; б) не мужские ноги, а женские; в) недели через три ты умрешь от рака или попадешь под трактор. В общем, халявы тоже не будет, поверь мне, – сказала Даф.

Услышав заветное слово «халява», Чимоданов дернулся, поняв, что светлая подглядела его мысли. Родному мраку он доверял даже меньше, чем разведенная теща-москвичка новоявленному зятю, с которым дочь познакомилась три дня назад в поезде «Москва – Жмеринка».

– Я ничего не подписывал! В смысле никаких договоров! И эйдос мой у меня! – быстро произнес он.

– Не подписывал? Ну-ну. А если тебе бандит денег даст без расписки, отдавать надо или нет? – поинтересовалась Дафна.

Петруччо ухмыльнулся, но как-то невесело.

– Бандита всегда могут хлопнуть, – сказал он мечтательно. – Так что, думаешь, у света мне ничего урвать не получится?

– С таким подходом едва ли. Да и потом, при рождении каждый человек уже одаривается светом, – продолжала Даф, вспоминая курс общей теории мироздания. – Получает билет в жизнь в виде определенных способностей, здоровья, внешности – всего, что ему полезно.

Слово «полезно» Чимоданову категорически не понравилось.

– Значит, если я некрасив, мне это полезно? – возроптал он и тотчас прикусил язык, поняв, что брякнул лишнее. Сам сдал свою тайну со всеми потрохами.

– Значит, полезно, – отрезала Даф, не видя причин утешать Чимоданова, утверждая, что

у него симпатичная челка или потрясающе белый зуб на нижней челюсти, приятно отличающийся от прочих.

Понимая, что огорчила человека, она посмотрела на скисшего Петруччо и добавила:

– Кроме того, если человек некрасив, ему наверняка дано что-то другое. Обделенных нет. Сильное тело, или ум, или восприимчивое сердце, или яркий талант. Не факт, что Пушкин стал бы Пушкиным, будь он конфетным красавчиком. Скорее всего, нашел бы себе занятие поинтереснее поэзии. Принцип: «У тебя сегодня был слишком счастливый день! Ты зазнаешься! Получи, пожалуйста, лопатой в нос и отрезвись!» – действует всегда и для всех.

Услышав про лопату, Чимоданов понимающе ухмыльнулся. Такой расклад он понимал.

– Самое трудное понять, что все, что делается, включая боль, которую приходится переносить, – происходит с искренним желанием помочь. В интересах самого человека... – Дафна невольно оглянулась на зеленую палатку, в которой Меф спал здоровейшим в мире сном водного туриста. – Или в интересах стража... – грустно добавила она, зная, что Чимоданов все равно не поймет.

«Скоро тебе предстоит выбор. Или разлука, или...» – отчетливо сказал ей внутренний голос. Ладонь, порезанная мечом, налилась тяжестью, заныла, и Даф принялась неосознанно тереть ее. О Петруччо она почти забыла. Думала о себе. Вот поучала про «получи лопатой и отрезвись!», а ведь это и к ней самой относилось. Увязла в суете, в мелких ошибках, саможалении, залипла в неправильной, земной любви, перестала летать, испачкала и затемнила крылья – и вот приговор: «получи лопатой и отрезвись!»

Чимоданов, успевший заново раскопчегарить костерчик, разглядывал Дафну.

– Чего ты руку так держишь? Копеечку тебе дать? – спросил он.

Дафна опустила глаза и осознала, что больную ладонь она, правда, держит так, словно просит милостыню. «Так мне и надо!» – подумала она.

– Обойдусь! Ну все, пока! – сказала она Чимоданову.

Даф вернулась в палатку и успела еще увидеть нелепый сон. Ей приснилось, что Троил кухонным ножом вырезает из желудка у вопящего человека отравленную конфету, а рядом стоит горбун Лигул и охает: «Смотри гад какой! Всего тебя истерзал! И кто из нас после этого добро?»

На рассвете, когда все было еще серым и неразличимым, в лесу будто выключателем щелкнули. Ток жизни пробежал по проводам, и в разных местах почти без интервала включились птичьи голоса. Ожила и заплескала река. В камыше ударила щука, и мелкая рыба, спасаясь от нее, стала выпрыгивать из воды. Над поляной тяжело пролетела большая птица. Неуклюже опустилась на землю и тяжело, полубоком, запрыгала в кустарник.

Чимоданов удивился. Он по городской наивности считал, что у хищных птиц нет дел на земле и они все больше реют в небесах, а если и обрушиваются, то обязательно стремглав, складывая крылья.

Заря потеряла оранжевые ладони и коснулась лесных вершин. Сосны зажглись, охваченные мягким живительным огнем. Засияла золотая полоса на реке. В муромском лесу объявилось деловитое и бодрое утро. Казалось, оно шагает над землей по воздуху, согревая и пробуждая лес солнечным дыханием.

Часов в десять, когда утро давно прошествовало дальше по круглому глобусу, уступив место дню, Улита выбралась из палатки и, распрямляя затекшую спину, произнесла, с тоской адресуясь в пространство:

– Охо-хох! Старость не радость!

На берегу она обнаружила задремавшего десять минут назад Петруччо и, подкравшись к нему, гаркнула в ухо:

– Эй ты! А ну подъем!!! Ненавижу сонь и лентяев! Мужчина должен быть бодр и свеж с шести утра, чтобы успеть убить мамонта и собирать страусиных яиц на утренний омлет!

– Я тебя удушю! – простонал Чимоданов. Веки он поднимал, как Вий, – руками.

Ведьма поморщилась.

– Фуй! «Удушю!» Какое скучное и мелкое желание! Скатывайтесь дальше, молодой

человек! Успешной вам деградации!

Потеряв к Чимоданову интерес, она принялась ходить по лагерю и, разрабатывая охрипшие за ночь связки, петь:

– Подъем-подъем! Кто спит – того убьем!

После сотого повтора упомянутой кричалки послышался нервный звук «молнии». Из крайней палатки высунулся опухший от сна Корнелий.

– О, первые ценители моего вокального дарования! – обрадовалась Улита. – Ну, и где они?

– Кто? – простонал связной.

– Цветы и аплодисменты!

Аплодисментов, однако, не последовало.

– Ага, ща! Не пой! У тебя нет слуха!

– У кого? У меня?! – начала раздуваться Улита. Задумалась, прикидывая, и добавила: – Ну пусть даже и нет! Зато у меня имеется голос!

К полудню Эссиорх закончил латать «Буоксу». Разгладил латку тряпкой и выволок лодку на солнцепек, чтобы дать ей просохнуть.

– Как выглядела женщина, которую ты видел ночью? – вновь спросил он у Чимоданова.

Петруччо закрыл глаза, в который раз пытаюсь представить скользнувшую в лес фигуру. Представить-то он представил, да вот только вспоминать было нечего. Все продолжалось одно мгновение.

– НИКАК!!! Отстаньте от меня!

– Но ты же как-то определил, что это не мужчина! Волосы? Очертания фигуры? Одежда?

– Ну... э-э... она такая... типа... э-э... дура, короче! – гаркнул Чимоданов. Мозговых переутомлений он не переносил.

Эссиорх безрадостно кивнул. Хотя Чимоданова и расспрашивали все утро, подробностями Петруччо их не баловал. С каждым разом становилось все меньше нужных деталей и все больше ненужных эмоций.

– Ясно. Теперь, когда у нас есть точное описание, будем караулить по очереди, – сказал Эссиорх.

– А если она попытается нас убить? Можно ее кокнуть? – мстительно спросил Чимоданов.

– Пока что она лишь прорезала одну из лодок. Причем с целью, которая нам не известна, – миролюбиво заметил Эссиорх и неторопливо начал сворачивать лагерь.

Перед самым выходом Корнелий, утверждавший вчера, что его уникальные носки только в воде и сохнут, робко подошел к Мефодию и шепотом поинтересовался, нет ли у него сухих носочков.

Глава 10 Spada da filo¹

Сначала жених спрашивал невесту: an tu mihi mater familias esse velis («Хочешь ли ты быть для меня матерью семейства?»), и получал от нее утвердительный ответ; затем такой же вопрос задавала и она.

И.А. Покровский. История римского права

Когда Ромасюсик закончил дергаться, визжать и паниковать, он обнаружил, что рука, небрежно удерживающая его за одежду, принадлежит Арею. Едва бродячая шоколадка

---

¹ Острый меч (итал.).

осознала это, как тотчас заглохла и сама испугалась своих попыток вцепиться зубами в запястье бывшему начальнику русского отдела мрака.

Вела машину Варвара. Она деловито рулила по Тверской в сторону Белорусского вокзала, изредка поглядывая в зеркальце. Руки, слишком близко и напряженно лежащие на руле, выдавали некоторую неумелость.

– Третий день за баранкой, а какое дарование! Всего две аварии и одна оторванная при парковке незакрытая задняя дверь, – задумчиво сказал Арей.

Варвара самодовольно усмехнулась и тут же, зазнавшись, едва не влипла в тормознувшую впереди машину.

Ромасюсика спокойствие голоса Арея не подкупило. Напротив, он мелко задрожал и предпринял робкую попытку выброситься на дорогу. С проезжей части он смог бы телепортировать. Находясь же рядом с Ареем – нет. Ран же Ромасюсик не боялся, будучи в основе своей шоколадным.

– Что, невесело тебе? Душа поет, а кардиограмма пляшет? – поинтересовался Арей.

Ромасюсик на глазах стал из шоколадного сахарным, из сахарного – мармеладным, и из мармеладного – жележным. А из жележного уже заваливался в глухую и безнадежную кексовость. Многократно обжегшись, он давно усвоил: не бойся стражей мрака, кричащих и топающих ногами, поскольку пугают они, когда бессильны, но бойся, когда они ласковы и вкрадчивы.

– В-в-весело! – проямлил он.

– Ну и чудесно. Как там поживает наш милый мрак?

Ромасюсик заверил, что «и-их м-милый м-м-мрак поживает хо-хо-хорошо»...

– Давно заметил: без меня всегда всем хорошо! – не без горечи признал Арей. – А как мой друг Зигги Пуфс? Все так же боится солнца? Таскает с собой запасное тело с четырьмя сердцами, которое атакует вертикальными ударами палицы? Техника, конечно, простенькая, но парировать лучше не пытаться. Да и парочка коронок, помнится, имеется.

– С четырьмя сердцами? – жадно переспросил Ромасюсик.

– А ты не знал? – удивился Арей. – У второго тела Пуфса чудовищная выносливость. Когда-то на моих глазах оно размазало пару стражей из опричнины Лигула, не поделив с ними эйдосы. Дело, конечно, замяли. Все-таки считается, что Лигул набирает лучших, а тут сразу двое против одного... Сложно поверить, что Зигя на такое способен, а? Ведь тьюфак тьюфяком!

Ромасюсик подобострастно закивал.

– Да и сам Пуфс не случайная фигура! – продолжал рассуждать Арей. – Он один из немногих наших, кто ухитряется быть удивительно пунктуальным в злобе. Именно пунктуальным. Другие позлобствуют и впадут в уныние, обвиснут. Этот же постоянен, как клещ, и мстительнее самого Лигула. С ним предпочитают не связываться.

Ромасюсик наскреб немного наглости и пугливо вякнул, что российским мраком управляет Прасковья. Арей не спорил.

– А, ну да, конечно! Вечно я забываю! Привет ей от меня!.. Если, конечно, у тебя будет возможность что-либо передать! – добавил он, и тотчас камень, упавший с души Ромасюсика, вновь на нее взгромоздился.

Арей перестал ухмыляться, и лицо его стало резиновым. На лбу залегла глубокая, с могильной прозеленью, складка. Резко, как шрам, обозначился рот. Ромасюсик ощутил, что культурная часть их встречи завершилась и начинается бескультурная.

– А теперь оставим в стороне то, что я знаю, и поговорим о самом интересном в процессе познания: о том, чего я не знаю, – негромко сказал мечник, кивком показывая Ромасюсику, что при Варваре не стоит отвечать громко. – Первое: где сейчас светлые? Второе: не оставила ли Прасковья надежды получить «законсервированные» силы Мефа и как она собирается это сделать, пока ей мешает Дафна? Третье: какие планы у Пуфса?

Ромасюсик заерзал и вновь сделал попытку вывалиться на проезжую часть.

– Я жду, – повторил Арей еще тише.

Ромасюсик захотел солгать, что ничего об этом не знает, но случайно заглянул в холодные глаза Арея и стал самой правдивой шоколадкой на свете. Он поспешно затарахтел, что светлых видели на вокзале. Он думает, что они отправились в поход, о возможности которого Пуфс говорил Нате, Чимоданову и Мошкину. Последнее Ромасюсик добавил как козырную деталь.

Арей нахмурился. Для него это стало личной обидой.

– А эти-то что забыли в резиденции?

– Да вот! – сказала живая шоколадка, нагнетая тайну. – И Мамзелькина при этом, между прочим, присутствовала!

Ромасюсик сделал головкой пакостное движение и даже подмигнул Арею, считая, что поразил его своей новостью. Однако если мечник и был удивлен, внешне это не отразилось.

– Перестань подмигивать, или Аида и здесь окажется. По срочному вызову! – спокойно предупредил Арей. – Она всегда появляется между замахом меча и мгновением, как он касается чьей-то шеи. Сколько раз я пытался ее опередить, но так и не опередил. Надо признать, старушка – или, точнее, ее коса – шустрее меня... Дальше! Вопросов было три!

Огорченный Ромасюсик пролепетал, что о планах Пуфса ему ничего не известно. Пуфс-то и с Прашечкой не особо разговаривает, а его, Ромасюсика, вообще не отличает от мебели. Тут язык шоколадного героя стало покалывать желанием рассказать Арею о грязном полотенце, которое Пуфс вытянул из переклинившей Прасковьи и которое заползло в нее обратно, но он вспомнил злое личико Зигги, и желание болтать исчезло. Ромасюсик ощутил себя жирненьким кроликом, который, нанюхавшись подозрительных цветочков, сдуру возомнил себя хищником и попытался влезть между львом и крокодилом. При этом львом был Арей, а крокодилом – Зигги.

– Теперь про силы Мефа! Как Прасковья собирается получить их? – напомнил Арей.

– У него же их светлые забрали! Говорят, Буслаев забыл, с какой стороны меч держат! Разносит чебуреки в забегаловке. Я его сам теперь зубочисткой заколю! – сказал Ромасюсик, в сознании которого правда переплелась с ложью так причудливо, что не было никакой возможности их распутать.

Арей посмотрел на Ромасюсика с интересом.

– Про меч – правда. Он многое забыл. Хотя если надо – тело вспомнит. Ну а что касается обещания заколоть Мефа зубочисткой – я принял его к сведению. Я устрою тебе такую возможность. Мефу я дам любой двуручник по его выбору. Тебе – любую зубочистку из любого ресторанного заведения города Москвы. Завтра с утра тебя устроит? – спросил он.

Ромасюсик в тысячный раз пожалел, что не родился немым.

– Не надо! Я пошутил! – отказался он поспешно.

– А я – нет! – заверил его Арей. – Какое бредовое яичко ты еще снес, цыпленок ты мой? Что свет забрал силы, унаследованные от Кводнона? Это чушь! Светлые к ним не прикоснулись бы. Для света взять силы мрака – хуже, чем притащить в дом разложившуюся крысу.

Шоколадный юноша уставился на Арея с испугом. Ничего себе сравнение! Неудивительно, что Лигул не переносит этого бунтаря.

– Исключено! – продолжал мечник, рассуждая сам с собой. – Силы все еще у Мефа, за исключением той части, которая досталась Нате, Чимоданову и Мошкину. Он хозяин сил. Только он один может или подавить их совершенно, или передать кому-либо. Свет, понятное дело, хочет, чтобы подавил. Мрак – чтобы передал.

– Но он ничего не помнит! Для него мрак теперь – это когда в сарае выключили свет! – заявил Ромасюсик, незаметно для себя озвучивая одну из главных истин мироздания.

Арей страдальчески надул щеки. Трепотня с болтливой кучей шоколада не входила в его планы.

– И что из того? Память и обладание – разные вещи. Возможно, где-то у тебя в доме валяется вещь, о которой ты давно забыл, что она у тебя есть. Но она-то от этого не исчезла!.. Нет, дружок! Так дело не пойдет! Я вижу, что разговор у нас с тобой получается в одни

ворота. А теперь, если хочешь все-таки остаться в живых, скажи мне хоть что-нибудь, чего я не знаю!

Ромасюсик посерел.

– Хорошо. Я тебе помогу. Существует некая дата. Какое-то число, когда мрак надеется разом избавиться от Мошкина, Наты, Чимоданова и получить их силы для Прасковьи, а на деле, конечно, для себя. И это будет первым шагом к силам Мефа. Короче: число! Говори его и проваливай!

– В л-л-л... – затрясся Ромасюсик.

– Что за «л-л-л...»?

– В ластовый день джулая.

– Тридцатого, что ли? Что за птичий язык! Так тридцатого?

– Да.

Арей поймал Ромасюсика за щеки, притянул к себе и быстро, но пристально заглянул ему в глаза. Ромасюсик почувствовал, что сознание его опустело. Он помнил, как вышел из резиденции, как дошел до Тверской и... А вот что же было дальше? Тут словно стена стояла.

– Аудиенция окончена! Признателен, что ты уделил мне немного личного времени! – сказал Арей. – Варвара, ты не могла бы ехать быстрее? Не хочу, чтобы задние колеса забрызгало шоколадом!.. Мухи налетят!

Прежде чем Ромасюсик сообразил, что он собирается делать, в салон ворвался ветер и шоколадный юноша ощутил, что куда-то летит.

Варвара в ужасе нажала на тормоз.

– Что вы наделали? Я думала, это приколы такой! Вы его убили! – крикнула она.

– Кого? – ворчливо удивился Арей. – Посмотри в зеркальце и поезжай дальше! Хотя бы день еще проживи без аварии! Вечно меня тянет на водителей-неумех! Взять хотя бы того же Мамаю!

Варвара в ужасе скосила на зеркальце глаза, ожидая узреть на шоссе неподвижное тело. Но увидела лишь дорожную разметку. И никаких Ромасюсиков – ни мертвых, ни живых.

* * *

С любовью связана одна величайшая тайна. Тебе кажется, что любить обязаны тебя, а на самом деле любить обязан ты. Причем не только единственного определенного тебе человека, но и весь мир. Лишь в этом случае механизм любви запускается и начинает работать. В противном случае, можно часами стоять у незаведенного автомобиля, колотя его ключами по лобовому стеклу и удивляясь, почему он не желает ехать. Да просто потому, что ключ не там, где нужно. И ты делаешь не то, что нужно.

Багров же этого пока не осознавал. Ощущал себя обделенным и обкраденным. Злился на свет, который связал Ирку idiotскими ограничениями. Злился на валькирий, невесть зачем заславших его в лес. Даже на Ирку злился. Ему досадно было, что она бежит впереди счастливая, нюхает землю, тревожится ветром и пытается схватить зубами низко пролетевшую сороку. В Матвее не нуждается. Скорее, тяготеет поводком. Без него она могла бы нестись втрое быстрее. На себя же Багров злился так, что перед глазами темные пятна прыгали.

Он не понимал, что душа просыпается не сразу. Болезненно, мучительно. Точно сонный и грязный пьяный, заснувший в луже, прежде ворочается, отмахивается и ругается, когда сердобольный прохожий тянет его за рукав. Так и землю, прежде чем она даст всходы, сначала надо ранить плугом.

Но это все теория – Багров же существовал в мире практики. Вследствие всех этих причин, по муромскому лесу он странствовал во внутреннем остервенении и сердечном остекленении. Загонял себя и выматывал, желая изнеможением тела заглушить тоску духа.

Спал на голой земле, не разводя костра. Ел что придется. То грибы, то рис, на ночь замоченный в речной воде и едва разбухший. Все, что вокруг, не замечал. Лес был для него

театральным фоном, наспех нарисованной декорацией.

Антигон посматривал на Матвея с недоумением. У него, напротив, были сейчас счастливейшие дни. Он точно возвратился в детство. Оводов заглатывал на лету, выстреливая в них длинным липким языком. Комарами же просто лакомился.

– Они как семачки! Знай крылья отплевывай! – объяснял он Багрову, произнося «семачки» на манер базарных торговков.

С радостью энтузиаста Антигон нырял во всякую заболоченную канаву, а однажды ухитрился даже искупаться в колее от лесовоза. В муромском лесу в нем окончательно пробудился кикимор, для которого, как известно, стоячая вода завсегда предпочтительнее проточной.

Багров брел по лесу наугад, то выходя на реку, то вновь ее теряя. У него не было с собой ни компаса, ни карты. Компасом ему служили солнце и Ирка. Причем если солнце двигалось всегда одинаково, то Ирка часто меняла направление, руководствуясь непонятно чем.

Географию их перемещений Матвей отслеживал по обрывкам газет и этикеткам на пластиковых бутылках с водой. Бутылки легко отыскивались на встречавшихся у реки стоянках и кострищах. В последние два дня вода была саровской, а газеты арзамасскими.

Места были глухие, буреломные, с частыми залысинами лесозаготовок. Люди попадались редко. За три дня он встретил лишь двоих, у реки. Бородатые, спокойно неторопливые, одетые в высокие резиновые сапоги и защитные куртки, они заготавливали смолу. Аккуратные, елочкой сделанные стесы Багров замечал на соснах часто, но теперь только понял, зачем они.

Антигон на правах «робенка» подошел к ним и нагло попросил спички. Те, что были у Матвея, отсырели. Заготовщики спичек Антигону не доверили, но как-то по-особенному вкусно выговаривая звуки, сказали: «Здорово, парнек! Позови папу – ему дадим!»

Так Багров стал папой, повторив судьбу Прасковьи, «усыновившей» Зигю.

Вечерами, когда Ирка соглашалась перестать бежать и останавливалась, Матвей сидел на земле, чувствуя, как на разгоряченную спину его капает дождь. Его затягивало в болото пустоты и глухой безнадежности.

«Это, наверное, некромагия моя мне аукнулась. Сам не светлый, а связался со светлой. Канат лопнул и одним концом по мне, а другим – по ней. Не берег я ее, точнее, тело берег, кормил, а душу мял как хотел», – размышлял он.

Нельзя служить свету и иметь при этом свой частный, отдельный, обособленный интерес. Нельзя стать светлым, миновав стадию просто хорошего человека. Или ты гниль, или ты не гниль. Или ты тянешь, или ты не тянешь. Мы вечно ищем что-то среднее, третье, более удобное, а ведь третьего не дано.

До этой истины Багров теперь постепенно и доходил, но не разумом, а усталостью, кровью и потом. Наверное, это и есть главная дверь всякого знания. Разум же – это так себе, запасной вход через кухню, где тебя непременно ошпарят кипятком.

В какой-то момент, где-то уже под утро, что-то в Матвее точно надорвалось. Он вскочил и крикнул в лесные вершины, непонятно к кому обращаясь:

– Я буду беречь ее!

Совсем близко отозвалась разбуженная ворона. Закачались ветви. На голову Багрову полетел мелкий мусор. Матвеем стало смешно, что он поддался глупым эмоциям. И кому он кричал? Ворон только пугать.

На четвертый день к вечеру волчица коварно проскочила между огромным муравейником и сосной, сделавшейся со временем его окраиной. Вручив поводок Антигону на предмет «подержать», Матвей обошел сосну. Волчицу он потерял из виду самое большее на две секунды.

Когда он оказался с другой стороны, Антигон уже торчал головой в муравейнике, волчица же с волочащимся поводком едва виднелась в подлеске. В кустарнике прощально мелькнула белая спина.

– Стой! – диким голосом заорал Багров. – Стой тебе говорят! Ирина!!!

Это был первый случай, когда Матвей назвал волчицу по имени, да еще так официально. Уже понимая, что не догнать, Багров отчаянно метнулся следом, надеясь, что поводок за что-то зацепится. Нет, не зацепился.

Когда пять минут спустя он вернулся, Антигон сидел верхом на муравейнике, весь облепленный, и, широко разинув рот, сглатывал заползавших в него муравьев.

– Кусаются, собаки страшные! Жато вкусные! Кишленькие такие! – пожаловался он Багрову.

– Ты ее упустил! Ах ты, сикимора болотная! – набросился на него Матвей.

Антигон раздвоенным языком слизнул с носа муравья. «Сикиморой болотной» обидеть его было невозможно. Разве что польстить.

– Она дернула, а я легкий! – объяснил он.

– Надо было держать!

– Давай я тебя к трактору привяжу, поставлю сразу за муравейником, трактор дернет, а ты держись! – предложил Антигон.

Он вылез из муравейника, с заметным сожалением отряхнулся и зашлепал ластами по пружинящей хвое. Земля под ногами была гулкая, точно пустая внутри и наполненная воздухом. Казалось, они шли по туго натянутому барабану. Где-то внутри, в глубине, как струны, пели корни.

– Ты куда? – спросил Багров.

Дешевое, бэушное отчаяние охватило его. Ему казалось, все пропало. Ирку они не найдут. Пора мылить веревочку, чистить ваксой белые тапочки и стирать саван.

Антигон удивленно оглянулся.

– Как куда? По следу!

Матвей тупо уставился на сосновые иголки. Он что, издевается? Какой тут может быть след? Это что, кино про индейцев? Три иголки сдвинуты на пять градусов влево? Земляничка зверски раздавлена? Птичка поет неестественным басом?

– А я вот вижу след! У меня он даже не здесь (кикимор показал перепончатым пальцем на глаз), а здесь (ткнул в лоб)! Ты забыл, что я внук лешака. Ну или правнук! Ворчливый был у меня прадедулька, зато толковый!

Багров кивнул. Родословная Антигона была настолько разветвленной, что в ее дебрях любой посторонний свихнул бы шею. Не было такой мелкой нежити, которая не приходилась бы Антигону троюродной бабушкой со стороны племянника пятиюродного шурина зятя разведенной сестры.

Кикимор двигался неторопливо, вразвалочку, то и дело наклоняясь, чтобы сорвать кислицу или отправить в рот жука. Матвею хотелось его пнуть. С его точки зрения, идти таким черепашным шагом было так же бессмысленно, как стоять на месте.

Шли они до ночи. Под конец Багров едва различал Антигона. Рыжие бакенбарды кикимора в темноте изменили цвет и казались темно-коричневыми. Лишь щеки белели приметными пятнами. Над соснами висела луна, но висела совсем без проку, сама для себя, поскольку была занавешена тучами, похожими на подкрашенную марлю.

– Странно. Я обычно вижу в темноте, а тут – ничего, – заметил Багров, налетая на остановившегося Антигона.

– Потому что это заповедные леса, чистые! Тут и нежити, почитай что, нету, ну, кроме меня, конечно, и кое-кого из тех, кто поприличнее, – в голосе Антигона послышалось явное самодовольство.

Матвей правильно ощутил его корень. Сам-то Антигон тут может видеть, а вот Багров нет. Значит, Матвей, как некромаг, «неприличный».

– А кто приличный? – спросил Багров ревниво.

Кикимор в темноте пошевелил растопыренными пальцами. Он всегда шевелил пальцами, когда ему не хватало мыслей или слов.

– Да всякие эти, из нимф... Наяды, дриады, nereиды... Хотя не, nereиды навряд ли. Все

ж таки им соленая вода нужна, – принялся рассуждать он. – А вот лимнады точно имеются... Им ежели озерцо, болотце какое – самый рай. Помнится, влюбился я в одну лимнаду. Взбесилась потом, вакханкой стала, так и сгнула. У лимнад с этим запросто. Еды в болоте навалом, скукотища дикая, ну и бесятся от полноты сил.

– Хватит болтать, идем! – поторопил его Багров.

Они шли до рассвета. Когда же небо стало сереть и подсвечиваться изнутри, размывая точки прорывавшихся в прорехи туч звезд, Антигон неожиданно остановился.

– Слышишь? – шепнул он Матвею.

Ветер неясно шумел в вершинах. Где-то за спиной, с большими перерывами, кричала птица, точно оповещая кого-то: «Я здесь! Да здесь я!»

– Это не человек! – сказал Багров.

Антигон презрительно шевельнул сужающимся ухом, словно желал произнести: «Э, да с кем тут говорить!» – и скользнул в кустарник. Вскоре Багров и кикимор вышли на поляну, которую обступали молодые, тесно растущие сосны. На поляне смутно голубело, шевелилось и дрожало нечто продолговатое.

Антигон, видевший лучше Багрова, вернулся и повис на нем.

– Куртку давай! И вообще весь рюкзак! Чего стоишь? Живее! – потребовал он.

– Зачем? – растерялся Матвей.

– Давай, говорю, куртку! Носки в рюкзаке есть? А теперь топай! Кыш, брысь, фу! Глазки закрыл, ушки свернул!.. – зашумел Антигон и, с лягушечьей ловкостью подпрыгнув, боднул Матвея в грудь.

Он решительно сорвал с Багрова сырую куртку и, развернув его за плечи, толкнул, прогоняя в лес. Почему-то понимая, что надо уступить, Матвей сделал с десяток шагов. Он мало что понимал, но сердце билось радостным предчувствием. Он слышал, как кикимор кудахчет, суетится и нетерпеливо дергает затянутую горловину рюкзака.

Долго до Матвея доносилось лишь деловитое жужжание Антигона, после чего единственной слабой нотой пробился бесконечно родной голос. Это был призыв. Если до сих пор Багров боялся подходить, чтобы, приблизившись, не обрушить робкую надежду, то теперь, все поняв, рванулся на голос.

Рядом с Антигоном он увидел себя. Точнее, свои брюки и куртку, жившие отдельно, оторванной от хозяина, но вполне устойчивой в своей самодостаточности жизнью. Кто-то, одетый в них, стоял к нему спиной, послушно поднимая ногу. Кикимор суетился, натягивая на нее теплый носок Багрова.

– Ирка! – крикнул Матвей, хватая ее за плечи.

Ирка, в шатком ее положении, покачнулась и рухнула на вопящего Антигона. Матвей, до последнего пытавшийся ее удержать, завалился сверху, и радостный клубок из двух людей и одного ругающегося кикимора покатился по хвое.

Успокоились они еще не скоро. Придавленный Антигон негодуя похрюкивал и щупал рукой нос, больше похожий теперь на блин, чем на грушу. Кроме того, пока они катались, левая бакенбарда кикимора ухитрилась закрутиться вокруг Иркиной пуговицы и была теперь гораздо плешивее правой.

Матвей все обнимал Ирку. На него вновь хулиганствующей толпой отморожков – с битами и цепями набросились романтические искушения, частично притихшие, пока Ирка была волчицей. Надежды юношей питают. Особенно любовные. Питают и пытаются. Нюанс всего в одну букву, но существенный.

Ему хотелось стиснуть Ирку так сильно, чтобы наконец поверить в ее реальность. Поверить в то, что Ирку больше у него никогда не отнимут. Антигону такая повышенная хватательность не нравилась. Он втискивался между ними и размахивал булавой, грозя поотшибать Багрову все пальцы на ногах.

– А ну назад! Убери руки, а то протянешь ноги! Давно мерзкая хозяйка волчицей не была?

– Ну я же рад ее видеть!

Кикимор хоть и кикимор, а был не дурак.

– Заложи ручки за спину и рассказывай, как ты рад ее видеть, словами! – потребовал он.

Однако Багрову сложно было отказаться от прикосновений.

– Мне, между прочим, холодно! Я обнимаю свою куртку! Имеет человек право обнять свою куртку или нет? – спорил он.

– Имеет. Когда его куртка висит на вешалке! Тогда – хоть целый день! – отрубил кикимор.

Видя, что слова на Багрова действуют плохо, Антигон все же тюкнул его рукоятью булавы по стопе. Матвей, завопив, запрыгал за удирающим кикимором на одной ноге, пытаясь подшибить его палкой. Для этого ему поневоле пришлось разомкнуть объятия.

Постепенно бестолковые восклицания сменились не менее бестолковыми вопросами. Ирка понятия не имела, как оказалась в лесу и почему перестала быть волчицей. Сказала только, что ей стало холодно и она осознала, что лежит на земле.

– И еще я поняла, что около меня кто-то стоит! – вспомнила она.

– Я, мерзкая хозяйка! Я стоял возле вас и отгонял этого назойливого муха! Этот шмелястый ос лез обниматься как чокнутый пчел! – наябедничал Антигон.

Обнаружив, что Багров выбросил палку, он осторожно приблизился и стоял, прячась за Иркой. Валькирия-одиночка напряженно пыталась вспомнить хоть что-то. Ощущение реальности было размытым и лишь теперь мало-помалу твердело, как крылья вышедшей из куколки бабочки.

Подсказка пришла неожиданно. Увидев поводок, запутавшийся между двух деревьев, и ошейник, попавший в развилку в метре от земли, Ирка схватилась за горло и судорожно закашлялась.

– Чего ты? – озадачился Багров.

– Я помню, как из него выбиралась!.. Волчица застряла и стала рваться. Поводок закрутился, и я... то есть она... оказалась стоящей на задних лапах. А ошейник-то давит! Она металась, пока окончательно не обессилела, и... уступила мне тело.

– А ты не боишься, что... Ну, в общем, она поймет, что ошейник уже не... и может опять... – озабоченно начал Багров.

Антигон подпрыгнул от негодования.

– Она не вернется, если ты снова не поможешь! А если поможешь, вот эта вот штука вырастет у тебя вместо башки! – заявил он.

Ощувив в верхнем кармане куртки нечто плоско-неудобное, Ирка вытащила фотографию. Видно было плохо. Рассвет все смазывал. Валькирия-одиночка рассмотрела только, что некая девушка поднимается по лестнице и у нее нелепо торчат сзади волосы. По этим волосам Ирка себя и узнала. Только она могла иметь такой непричесанно-отсутствующий вид, равно как и не замечать, что ее снимают.

– О, это же я! А чего я такая мятая? Ты меня что, грыз? – воскликнула она.

Багров бросился разжимать ей пальцы и выдергивать снимок.

– Не трогай чужого! – крикнул он.

– Моя фотография – чужая вещь? – возмутилась Ирка. – И вообще я сейчас ее порву!

– Не порвешь! Куртка моя и фотография моя! – отрезал Багров.

– Порву! Кто на фото – тот и хозяин! – заявила Ирка, решительно шагая к Багрову.

Тот мгновенно спрятал фото за спину.

– А если кинозвезда на обложке журнала – то все журналы ее, что ли? Ходи в метро и выдирай их у всех из рук? – насмешливо поинтересовался он.

Матвей больше не убегал, сообразив, что для того, чтобы отобрать у него снимок, пока он за спиной, Ирке придется как минимум его обнять.

– Насчет журналов не знаю, но поотрывать обложки точно имеет право! – заявила Ирка.

Резко прыгнув, чтобы выхватить фото, Ирка случайно прижалась лицом к майке

Матвея и внезапно ощутила, что майка у него сырая, а шея и руки ледяные. Бедняга! Он, должно быть, жутко мерзнет. Она и куртку у него отобрала, и фотографию хочет отобрать...

Ирка испытала нежность и благодарность, однако вслух выражать их не стала. Она давно заметила: если о молодом человеке назойливо заботятся, волнуется, не промочил ли он ноги и поддел ли седьмые треники под пятые штаны, он становится задерганным, вспыльчивым и из чувства противоречия делает все назло. Или того хуже – мало-помалу входит во вкус и начинает вымогать любовь, угрожая причинить себе вред, по принципу: «Держите меня сорок человек – я сейчас выпью молоко из холодильника!» С другой стороны, если о человеке совсем не заботятся, он чахнет и дохнет. Просто и лаконично. Нужен, конечно, баланс, да поди угадай.

– Отсюда до города далеко? – спросила Ирка.

Багров посмотрел на Антигона. Кикимор, у которого чувство пространства было развито острее, ткнул пальцем в сосновые вершины.

– Туда Арзамас – пять тысяч полетов топора. Там Саров – десять тысяч. Там Муром – тысячи четыре. Ближе всего до Теши – тысяча полетов топора. Телепортировать никуда нельзя: запрет Фулоны!

– А в километрах? – неосторожно спросил Багров.

Антигон передернулся.

– Мы в этой иностранщине не считаем. Не положено!

– Пусть остается в топорах, – разрешила Ирка. – Ладно, идем в Тешу! Купим еду и одежду. Мне так хочется есть, что я начну сейчас грызть древесину! Вы волчицу-то кормили иногда?

Багров с Антигоном переглянулись. Им одновременно подумалось, что не стоит говорить Ирке, что последним, кого сожрала волчица, был пожилой еж, как раз собиравшийся (но не успевший) умереть своей смертью.

Глава 11

Все океаны впадают в моря, а моря в реки

*Поскреби циничного пресыщенного москвича и найдешь
здорового провинциала.*

Улита

Дафна страдала. Ледяная змея, порождение клинка мрака, шевелилась у нее внутри. Ей снились дичайшие сны, в которых Арей с Лигулом распиливали ее на две Дафны – земную и эдемскую. Рядом стояла Шмыгалка, грозила им пальцем, но не вмешивалась.

Вот и в то утро она проснулась не просто разбитой, а прокрученной через мясорубку и заново склеенной. Горловина спальника была мокрой и искусанной: должно быть, ночью она вцепилась в нее зубами и долго не отпускала. Сквозь зеленую крышу палатки пробивалось солнце. Даф вскользь подумала, что если бы где-то существовал человек, выросший в палатке и никогда не видевший настоящего солнца, он искренне считал бы, что солнце тусклое и зеленоватое.

Она повернулась. Расстегнутый и смятый, спальник Мефа валялся рядом на пенке, похожий на пустой кокон, из которого уже вылетел мотылек. Дафна выбралась из палатки, которую снаружи покрывали влажные подтеки росы.

Утро только разгоралось.

На крюке над костром висел котелок с холодным чаем. На его дне, точно ил, шевелилась заварка. Стараясь не взбаламутить ее, Даф зачерпнула из котла металлической чашкой. Чья это была чашка, Дафна вспомнить не смогла: посуда перепуталась уже на второй день. Единственным исключением оставался Чимоданов, который принципиально не давал никому ничего своего. Даже из-за ложки он готов был удавиться, если видел ее в чужих руках.

«А ну убрал лапалки и положил мою цацку! Вы все заразные и нестерильные!» – орал он, хотя сам мылся не чаще, чем 29 февраля приходилось на понедельник. Ложку же мыл и того реже.

Глядя на медленно текущую реку, делавшую неспешный и плавный поворот, Дафна отхлебывала чай. Он ощутимо отдавал гороховым супом из пакетика, который варился в котле до него. В городе Даф стала бы отплеиваться, теперь же вкус горохового супа только придавал чаю пикантности.

«Я больше так не могу! Я должна с ним посоветоваться! Он тоже имеет право решать! Скажу: я люблю тебя не так, как должен любить страж, и должна выбрать: буду ли я с тобой, но человеком, или останусь стражем, но без тебя!» – внезапно подумала Дафна и отправилась искать Мефа.

«Поймет ли он, что такое „страж“? Для него теперь „страж“ и „охранник в магазине“ примерно одно и то же», – сомневалась она.

Буслаев сидел на корточках у соснового пня и, положив на него гнутый колышек от палатки, пытался распрямить его камнем. При всяком неосторожном движении колышек соскальзывал, и камень ударял в пень рядом с пальцами Мефа. С учетом этого, надо было родиться Буслаевым, чтобы продолжать свое занятие, тем более что колышек был ему по большому счету не нужен. Палатка стояла и так.

Чем ближе Дафна подходила, тем сильнее стучало у нее сердце. В судьбе у каждого бывают переломные моменты, когда словно стоишь на распутье – и одним словом, одним движением, одной мыслью можешь все изменить. Жизнь потечет или по одному или по другому рукаву реки, и рукавам этим никогда больше не пересечься.

Даф подошла и остановилась. Если бы сейчас, в эту секунду, Меф отбросил камень, вскочил и прижал ее к себе, просто так прижал бы, без всяких слов – выбор осуществился бы сам собой. Даф навеки отказалась бы от крыльев и никогда не пожалела бы об этом. Но он сидел и тюкал камнем, как дятел клювом.

«А вот не буду я ему ничего говорить! Пусть думает сам! Проявляет инициативу! Догадывается!» – решила Дафна.

Ощувив, что кто-то заслоняет ему свет, Меф поднял голову.

– О, привет! – сказал он.

Даф молчала.

– Проснулась? – спросил Меф, хотя в целом и без того было понятно, что если девушка вылезла из палатки, стоит и смотрит на него, то она как минимум не спит.

Даф ничего не ответила, втайне злясь на него. Она принесла ему свою судьбу, свою вечность, свои крылья, он же распрямляет колышек! Это только кажется, что любовь нетребовательна. Нетребователен только легкий и гаденький флирт.

Меф вопросительно посмотрел на Даф. На щеке у него был темный, от глаза идущий след копоты. Коснулся, должно быть, грязной ладонью. Дафне захотелось стереть его, но, спохватившись, она отвернулась.

– Что-то не так? Дуешься на что-то? – удивился Меф.

Даф упорно молчала. В последнее время она все меньше доверяла словам. Когда что-то говоришь, надо понимать не только то, что говоришь, но и истинный подтекст сказанного. Например: я говорю это, потому что хочу понравиться. Или: я вру, потому что думаю, что это меня защитит. Или: я сплетничаю, потому что у меня нет друзей и я пытаюсь выклянчить чужое внимание, чтобы хоть так его заслужить. Или пытаюсь настроить кого-то против кого-то или что-то выгадать. И тогда, возможно, если до конца это осознаешь, лишний раз будет повод промолчать. А то сам себя вечно обманываешь, и потом неудобно становится.

На лице Мефа проступило нечто вроде постепенного понимания. Он стал медленно приподниматься, но в этот момент камень, который он держал занесенным, машинально опустился и ударил его по указательному пальцу руки.

Буслаев досадливо вскрикнул и, отбросив камень, отправился к реке остудить палец. Проводив его взглядом, Дафна наклонилась и подняла колышек. Это была хромированная

круглая железка с изгибом, сантиметров десяти в длину.

«Должна же я, в конце концов, сохранить то, что решило мою судьбу? Возьму его в Эдем и закопаю в саду, а выросшее дерево – кривое и железное – назову „деревом чурбана Буслаева“, – подумала она.

Дафна ощущала себя человеком, который положил свое сердце в пустой молочный пакет, принес его любимому, поставил на стол и тихо ушел. Любимый же, убирая в квартире, заглянул в пакет, увидел там непонятный кусок мяса и, бормоча, что вот свинячат тут всякие, выкинул его в мусоропровод.

Послышался зуд открываемой «молнии». Из палатки выбрался Корнелий. Посмотрев на Дафну пустым взглядом, он, шатаясь, отправился к Сереже, где и умылся двумя пальчиками.

– С добрым утром, новый день! – сказал он.

* * *

Чимоданов дичал на глазах. Дичал в хорошем таком, лесном смысле. Спал уже не в палатке, а на лапнике, наплевав даже и на спальник. В палатку его давно не пускала Ната. До глаз покрытый копотью, Петруччо ворочался ночами у костра, выкладывая дрова по-охотничьи, чтобы по мере их прогорания тепло приближалось к нему.

Во многом лес действовал на него так же, как и на Багрова. Только Матвей, как романтик, сходил с ума от любви и тоски. В переводе на популярный язык: у него ехала крыша. У Чимоданова же крыша, напротив, надежно и прочно нахлобучивалась на хозяина. Петруччо, как практик, радостно опрощался, не тоскуя и ничем не заморачиваясь.

Научился ловить верхоплавку без удилица, поплавка и грузила, только на леску с крючком. Насаживал дохлого, а чаще даже шевелящегося овода, пускал и спустя несколько секунд выволакивал на берег очередную серебристую, с палец, рыбку. Осечек почти не было.

Комаров он теперь не бил, а сдувал или сгонял, первым из всех сообразив, что на раздавленного насосавшегося комара сразу слетаются сотни других, точно вампирам повесили вдруг объявление: «кровь!» В результате самый закомаренный тот, кто больше всех их раздавил.

На стоянках, пока Эссиорх скромно обрубал ветки с сухой елочки, Чимоданов ухитрялся лихо срубить три-четыре молодые березы и чего-нибудь из них соорудить. Ел сырую рыбу, густо соля ее. Один раз, чтобы шокировать Даф, сожрал живую и шевелящуюся верхоплавку вместе со всеми потрохами. Даф-то он не шокировал, зато Мошкин позеленел и трижды повторил, что Чимоданов «больной».

– От здорового слышу! – обиделся Петруччо и метко плюнул в него рыбьим глазом.

– Мне кажется, ты мог бы жить в чаще, – сказал Корнелий, когда орущий Мошкин отказался от попыток удушить Чимоданова и убежал обижаться в лес.

– Это точно! Дай мне топор, соль, и я не пропаду! – заявил Петруччо.

– А зачем соль?

– Полезнейшая штука – соль... Промыл дождевого червя, землю из него выскреб, просолил – уже лопать можно. Опять же и лягушек никто не отменял... С голоду не пропадешь.

– Слушай: заглохни, а? – устало попросила Ната.

Только что она вернулась от реки с кругами под глазами, и теперь ей хотелось смешать кого-нибудь с грязью. Чимоданов же, как самый нестерильный, подходил для этой цели больше других.

Улита подошла к Дафне, которая, сидя на корточках у костра, закапывала в угли картошку.

– Заметила? – поинтересовалась ведьма. – Хочешь узнать: чего стоит мужик, – сходи с ним на неделю в поход. В походе и гниль сразу всплывет, и хорошее проявится. Я бы всех кандидатов на тили-тили-тесто отправляла в поход принудительно. Люди тут проверяются

на раз-два-три. А то маются дурью: тесты всякие на совместимость заполняют в поганых журнальчиках, машины шариками украшают! Поубивала б!

Дафна вопросительно посмотрела на Улиту. Та покраснела и, буркнув что-то, отошла.

«И чего она? У них же с Эссиорхом все вроде нормально. Ах да, машина с шариками! Может, в ней все дело?» – подумала Дафна. Она давно обнаружила у ведьмы одно свойство: чем больше Улита что-то ругает, тем больше она этого хочет.

Разобравшись с картошкой, Дафна отошла к Сереже и опустила руку в воду. Сережа лизала ее пульсирующую ладонь как дружелюбный пес. Порез болел почти непрерывно. Даф даже грести не могла: греб один Меф.

Поиски дриады пока ничего не принесли. Упрямая маленькая особа продолжала скрываться, хотя Эссиорх всякий раз, как они плыли по реке, зорко вглядывался в лес. Даф знала: он чувствует и видит не только то, что на берегу, но еще очень и очень многое.

Продолжали искать дриаду и валькирии, обогнавшие их, по приблизительной прикидке Эссиорха, на дневной переход. Дважды они натыкались на их стоянки. Валькирии, судя по всему, отдыхали с размахом. После них всегда оставался сколоченный стол. К реке, если берег попадался высокий, бывали прорыты укрепленные ступени. По всем признакам, в их большой компании имелся кто-то с умелыми руками. Оруженосец Бэтлы? Фулоны?

Один раз Даф встретила на стоянке разбитое в труху сухое дерево с явными следами копыя.

«Ну без Таамаг тут не обошлось!» – подумала она.

Каким образом ищут дриаду валькирии, оставалось для нее загадкой до вчерашнего дня. Кого можно поймать, шумной толпой сплавляясь по реке? Случайно всплывшего водолаза? Проболтался, как Шмыгалка и предполагала, «Корфелий».

– Ну все! Ща тресну! Скоро они всю мяту развесят? – простонал он вчера, обнаружив, что его дорогая палатка с тентом, якобы выдерживающая тропический ливень, таинственно пасует перед легким русским дождиком. Признать ошибки было не в привычках Корнелия. Он заявил, что дождику не хватило тропичности и какие-то особые дышащие поры в палатке и тенте не успели закрыться.

– Какую мяту? – непонимающе переспросила Даф.

Эссиорх уставился на Корнелия с укором, но почти сразу кивнул, подтверждая, что раз он сказал «А», надо говорить и «Б».

– Тут такая штука! – сказал Корнелий, улыбаясь. – Дриады, как определяет эдемский справочник, «существа психологически сложнопостижимые со множеством ментальных нюансов и склонностью к накоплению отрицательных переживаний». В переводе на нормальный язык: у них полно закидонов. Если кто их когда обидел, тыщу лет будут дуться, хотя бы ей просто на ногу наступили.

Дафна укоризненно посмотрела на Депресняка.

– И не стыдно тебе? Зачем было когти распускать?

Кот не помнил, за что ему должно быть стыдно, но на всякий случай застыдился.

– Так вот, про закидоны! – продолжал Корнелий. – Наша репейная дриада терпеть не может мяту перечную. Если где-то мята растет или просто хоть лист валяется – она к этому месту и близко подойти не может.

– Почему?

– Да потому что там, где мята, сразу появляется мятная дриада – мощная такая бабуленция с мышцами борца, даже не ожидал, что у мяты такая окажется! – и начинает колотить нашу дриаду своей клюкой! У них какие-то старые разборки. В общем, валькирии выделили несколько оруженосцев, и те развешивают мяту по всему муромскому лесу, постепенно сужая кольцо. Мы находимся в его центре. Ну или примерно в центре, так что рано или поздно мы ее сцапаем.

– А она сама разве не может догадаться, что мы ее так загоняем?

– Догадаться-то она может, да только все равно к перечной мяте не подойдет. Ее и в прошлый раз, когда разведчик на кончик стрелы наступил, так отловили. Вот только...

э-э!.. – Корнелий замялся и замолчал.

– «Чудом успели, а тут не факт, что успеем!» – мысленно договорила за него Даф.

К ее неподвижной ладони подплыла стайка мальков. Мелькая между пальцами, они вопросительно толкали их, проверяя, что это тут лежит на песке, в знакомом им месте. Особенно усердствовал один малек, эдакий рыбий Чимоданов, размером в треть спички. Он и так крутился, и эдак, и за ладонь шипал, и за запястье, и к своим отплывал, хвастаясь: «Смотрите, сколько еды я нашел!» Не удержавшись, Даф сжала пальцы, обратив рыбьего Чимоданова в паническое бегство.

Мальки умчались. Дафну же ужалило вдруг тоской. Обычно свет тоски не испытывает, но сейчас в ее крови змеей скользил мрак, впущенный мечом Мефа. А тут еще близость скорой разлуки!

Мысленно Дафна прощалась с Мефодием. Тот же, как назло, казался ей равнодушным, нечутким, дубоватым, слишком здоровым и мало думающим. Совсем не такого Мефа, а Мефа сложного, страдающего, с глазами бунтующего поэта, Дафне хотелось поместить в коробочку памяти и, бережно обмазав края глиной, замуровать там навсегда. Этот же походный Буслаев с удовольствием греб, с аппетитом ел, боролся с Мошкиным и Чимодановым, метал охотничий нож в старый пенёк. Даже кроссворд из случайно попавшей в рюкзак газетенки разгадал. С Дафной он был внимателен, не давал ей весла, все за нее делал, но одновременно нельзя было сказать, что он умирает от любви. Как страж, Дафна понимала, что все нормально, но как девушке ей хотелось больше внимания и больше эмоций.

Легко любить человека придуманного, допустим, певца или актера, которого мы видим в лучшие его минуты и часы, да и то ненастоящим. Несложно любить человека дальнего, от которого едва-едва добредет раз в год открытка. А вот любить ближнего, каждодневного человека тяжелее тяжелого, даже если ты и страж света.

К реке подошел Эссиорх и стал энергично скрести котелок песком.

– Ишь ты, не оттирается! Прямо как иной эйдос! – сказал он жизнерадостно.

– При чем тут эйдос?

– Ну как? Ты когда-нибудь оттирала котелки с присохшей гречкой? Каждое зернышко приходится ногтем отшкрябывать. А ведь пока гречка свежая была, достаточно было слегка ополоснуть. Вот так и грязь внутренняя. Пока свежая – легко ототрется. А присохнет – смерть.

Даф рассеянно кивнула. От Эссиорха не укрылось, что она расстроена.

– Что с тобой такое? Рука? – спросил он сочувственно.

– И рука тоже.

– А кроме руки?

– А кроме руки – Меф. Раньше он гораздо лучше был! – пожаловалась Даф.

Вернувшиеся мальки заинтересованно шныряли вокруг котелка.

– Ты не права. Напротив, он лучше сейчас! – заметил Эссиорх.

Даф уставилась на него с негодованием. Ей захотелось брякнуть, что напрасно он ходит по солнцу с непокрытой головой. Так и перегреться недолго.

– Вот и нет! Я-то помню, каким он прежде был! Гораздо светлее! – упрямо повторила Даф.

– Не-а, не был. Просто раньше свет ему больше помогал. Давление мрака было чудовищным, и требовалось его уравновесить, – пояснил Эссиорх.

Даф мотнула головой, показывая, что не поняла. Хранитель вздохнул. Ох уж этот ускоренный курс обучения. Что вообще можно выучить за каких-то двенадцать-тринадцать тысяч лет? Азы.

– Представь себе парня, который тащит в рюкзаке сорок килограммов общего груза, не считая своих вещей, – сказал он терпеливо. – Ему кажется, что он такой мощный, на деле же рюкзак незаметно помогает нести тот, кто рядом с ним днем и ночью. По мере того как парень становится сильнее, свет слегка расслабляет руку. Вначале он помогает всей ладонью, затем четырьмя пальцами, затем тремя и, наконец, допустим, одним. И вот уже

парень едва ноги переставляет. Ему (и остальным) кажется, что он выдохся и охилел. На деле же – стал сильнее.

– То есть ты считаешь, что Меф сейчас лучше и Троил поступил правильно, когда стер ему определенные воспоминания? – спросила Даф, внутренне бунтуя.

Котелок, которым Эссиорх зачерпывал песок, звякнул и остановился, мгновенно наполнившись шныряющими мальками. Хранитель встал и повернулся к Дафне:

– Совершенно верно. Я так считаю.

Даф уже справилась с собой.

– Ну и отлично! Тем проще нам с ним будет расстаться, – сказала она. – Замолви словечко, пусть ему назначат хранителем Горазда. Горазд хотя бы мягкий. А то я почему-то опасаюсь, что ему дадут Ратувога.

– Почему обязательно Ратувога? – удивился Эссиорх.

Он уже знал от Дафны о встрече со Шмыгалкой и о том, что ей предстоит вскоре сделать выбор.

– Ну предчувствие у меня такое. Меф – конно-спортивный, и Ратувог тоже. Устроят друг другу гонки с препятствиями, только ключья полетят. Мефа же, наоборот, смягчать все время надо, успокаивать, он и так резкий, дерганый. Его спокойствие так, корочка, а под ней огонь... – сказала Дафна жалобно.

Эссиорх улыбнулся.

– А ты составь расписание, когда Мефа супчиком кормить, когда пустырник давать, и приклей Ратувогу на холодильник. Если у Ратувога есть, конечно, холодильник, в чем я сомневаюсь, – посоветовал он.

Дафна ударила рукой по воде.

– Кто, я? Я? – вскипела она. – Да ни за что! Ратувог все равно все по-своему сделает: что толку его злить! И вообще, так этой деревяшке бесчувственной и надо – пусть ее муштруют!

– А ведь тебе не хочется расставаться с этой бесчувственной деревяшкой! – заметил Эссиорх.

Дафна фыркнула, попытавшись наполнить фыркание всем негодованием, которое у нее имелось. Вот только оказалось его совсем немного, потому что она отлично понимала: Эссиорх прав.

Позади них, в лагере, послышался крик. Это Улита в очередной раз накинулась на Корнелия, который осмелился самовольно передвинуть ее вещи, сохнувшие у костра на рогулине.

– А ну убрал свои ручонки от моих шерстиков, пока я тебя ими не накормила! – вопила ведьма со свойственной ей зашкаливающей громкостью.

– Слушай, ты могла бы хотя бы не орать? – поморщился Корнелий.

Сказать Улите, что она орет, было большой неосторожностью. Хотя ведьма и голосила так, что ее слышно было в Муроме, однако при этом не считала, что повышает голос.

– Ты мне рот не затыкай! Веснушки в коробку ссыплю! В носу новые дырки просверлю!

Улита надвигалась на Корнелия, толкая его в грудь. Корнелий отступал, демонстративно зажимая уши. Лишь когда между ними вырос Эссиорх, ведьма согласилась успокоиться и, с видом полководца, одержавшего крупную победу, отправилась перевешивать свои шерстики ближе к костру.

В последние дни отношения Корнелия и Улиты постепенно обострялись, мало-помалу принимая гниlostные формы. Раза три Улита гонялась за курьером с рапирой, один раз скинула в реку и стала топить, всяких же брошенных на землю мисок можно было не считать. Это стало уже в порядке вещей.

Меф нередко размышлял: отчего так? Почему Корнелия Улита терпеть не может, а, допустим, Чимоданова переносит нормально, хотя вреда от него больше. В конце концов, не Корнелий вчера прожег ей палатку и не он покидал в костер все ее баллончики с лаками,

устроив большой взрыв.

Под конец он пришел к выводу, что это не что иное, как ревность. Обычная ревность любящей женщины к мужской дружбе. Улита хочет обладать Эссиорхом всецело, ни с кем его не деля и не понимая, что существует другое чувство, ей не подконтрольное. Если бы Улита могла, она посадила бы Эссиорха в спичечную коробку и всюду носила бы с собой, изредка поднося коробку к уху и слушая, как он там скребется.

* * *

На четвертое утро Чимоданов, Ната и Мошкин упаковались быстрее остальных и, побросав в «Вуоксу» гермы, оттолкнулись от берега.

– Плывите! Мы догоним! – крикнул Эссиорх, только начинавший скатывать свой спальник.

Как обычно, он готовил всем завтрак, потом возился с котлами, с палаткой – и получалось, что он собирается всегда последним. Корнелий, помывший сегодня три ложки, и Улита, вытянувшая из земли четыре палаточных колышка, уже успели обвинить его, что он копается и всех задерживает.

Минут через тридцать «Свирь» и «Таймень» тоже были готовы. Меф, закончивший обжигать в костре консервные банки, чтобы они быстрее ржавели, залил угли и, вытолкнув «Свирь», ловко запрыгнул в нее животом. Даже ноги ухитрился не намочить, что получалось не всегда.

Сережа быстро несла их между притопленными деревьями, часто цеплявшими днище. Чем дальше – тем топляка становилось больше. Они плыли где-то совсем в лесной глуши, в низине. Река то сужалась, то расширялась, образуя тихие затоны. Пару раз случалось, что Сережа разветвлялась, и не сразу можно было понять, куда плыть. Истинное же русло было порой таким узким и заросшим, что не верилось, что здесь река, а не завязший в глине ручеек.

На дне байдарки хлопала вода. Даф, наклонившись, мочила в Сереже разгоряченную ладонь. Желая ее развеселить, Меф незаметно сорвал кувшинку и накинул ей сзади на согретую солнцем спину. Даф вскрикнула и выбросила кувшинку в воду. Буслаев огорчился, что его подарок не оценен. По мужскому свойству видеть главное, но не замечать детали, он как-то не подумал, что кувшинка не только красивая, но и мокрая.

В полдень впереди послышались ровный шум воды и чьи-то крики, далеко разносившиеся по реке. Эссиорх посмотрел на карту.

– Ага! Петров мост! – сказал он.

– А орет кто? – спросил Меф, подгребая к «Таймени».

– Кажись, Вихрова, – сказала Улита.

– А почему она кричит? Нас видит и радуется? – предположил Корнелий.

– Это навряд ли!

– Почему навряд ли?

– Потому что она кричит: «Отстаньте от меня, уроды!» Конечно, не исключено, что под «уродами» она имеет в виду тех, кто покушается на чужие шерстики! В этом случае я с ней солидарна!

– Улита! – серьезно сказал Эссиорх. – Бери весло и гребни! Болтать будешь потом!

Когда «Свирь» и «Таймень» вынесло из-за поворота, они увидели запруду и толстую трубу, лежавшую в воде и пропускавшую сквозь себя реку. За трубой, ниже по течению, торчали сваи старого моста. Слева к реке подходила разбитая дорога, у самой Сережи выложенная крупными плитами. На них валялась «Вуокса».

Рядом Меф заметил Мошкина. Тот отбивался легким байдарочным веслом сразу от трех парней. У одного был черенок от лопаты, у двух других – колья. Местные наседали крепко, честно и оружием своим размахивали с гэком и хрипом. Чувствовалось, что они сердиты и желания брать пленных не имеют. Выше, на подходившей к реке дороге, валялось

три или четыре мотоцикла.

Единственным, кто в этой ситуации сохранял спокойствие, был, как ни странно, Мошкин. Меф глазам своим не верил. Обычно робкий Евгеша работал веслом как-то подчеркнута небрежно. Но все равно к нему невозможно было приблизиться. Казалось, не Мошкин наносит удары, а весло само, под своей тяжестью прокручивается и бьет. Евгеша же имел удивленный вид: и что это вокруг меня мелькает? Что от меня, такого задумчивого, хотят все эти странные люди? Даже когда острый край его весла перерубил одному из парней кол у самых его пальцев, Мошкин, казалось, крайне этому удивился.

Поодаль Чимоданов катался по земле в обнимку с еще одним местным. Ната стояла на трубе и честно вопила хорошо поставленным голосом. Время от времени к ней кто-нибудь подбегал и тотчас застывал с глупым выражением лица, ужаленный стрелой амура.

Противник Чимоданова, более мощный и тяжелый, подмял его и уже занес кулак, чтобы добить, когда его внезапно подхватило вихрем и отбросило в Серезу.

– Надо же! Попал! – потрясая флейтой, похвастался Корнелий и тотчас, чтобы случайно не подумали, что от него может быть польза, неосторожным наклоном корпуса накренил «Таймень».

Эссиорх, попытавшись спасти положение, навалился на противоположный борт, но получилось только хуже, потому что туда же навалилась далеко не воздушная Улита. Байдарка перевернулась и тотчас всплыла кверху брюхом как дохлая рыбина. Корнелий, Эссиорх и Улита оказались в воде среди плывущих герм.

С ревом подъехал грузовик. Из его кузова выпрыгнуло еще парней пять. Шофер вначале сидел в кабине, а затем не выдержал и, хлопнув дверцей, полез с монтировкой. Как многие шоферюги, бегал он плохо, пыхтя и вперевалку. Чувствовалось, что ему не хватает руля и педалей.

Мефодий с Дафной, чтобы не врезаться в «Таймень», свернули на большой скорости в камыш и тоже кильнули, хотя и на отмели. Меф вскочил и, выдернув из байдарки застрявшую между гермами Дафну, поставил ее на ноги. Сам же, увязая в водорослях, устремился на помощь. У самой трубы, где вода вырыла глубокую воронку, небольшие прозрачно-полосатые окуни, залитые солнечным светом, били ошеломленную гулом рыбешку. Ударяя руками, Меф животом скользнул по воде и выбрался на бетонные плиты.

Весело постукивая, к нему подкатился черенок от лопаты. Мошкин, только что гуманно ткнувший краем весла в солнечное сплетение его хозяина, оглянулся через плечо и кивнул Мефу, приветствуя его. Весло не переставало прокручиваться в его руках, играя полуденным солнцем.

Меф подхватил черенок. Времени на раскачку не оставалось. К нему уже бодрой рысью подбегали два парня лет по двадцать пять. Один – повыше – был с железным прутом. Другой на бегу раскручивал старый кнут, сдернутый, как видно, с крюка в курятнике. Про курятник Меф подумал потому, что кнутовище, равно как и сам кнут, были покрыты белыми высохшими кляксами куриного или голубиного помета.

Парень, набежавший на Мефа с прутом, на секунду застыл. Он еще не раскочегарился в злобе и, видно, соображал, что бить железкой по голове – это явная статья, причем не в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. По этой причине он подсел, размахнулся и попытался ударить Буслаева по колену. Не задумываясь, Меф сделал полушаг-полускачок ему навстречу, и парень, сам набежавший на черенок лопаты, скатился в мелкую лужицу сбоку от трубы.

А Меф уже спасался от щелкнувшего кнута. Пользуясь тем, что на узкой площадке его владельцу было не развернуться, он сблизился с ним кувырком. Парень успел мазнуть его по лицу кнутовищем, чего Меф не учел, поскольку думал только о ременной части. Обидевшись, Буслаев сделал черенком лопаты двойной тюк-тюк, поочередно атаковав стопы своего противника. Колосс не устоял на глиняных ногах и рухнул.

Больше ни с кем подражаться Мефу не удалось. На берег вырвались Эссиорх, раздраженная и обмотанная водорослями Улита, размахивающая рапирой, и мокрый

Корнелий, из чьей флейты вместо маголодий вытекала вода. Спустя десять секунд сражение завершилось полным разгромом нападавших.

Уцелевший враг отхлынул от берега, изредка неметко огрызаясь одиночными булыжниками. За неприятелем мчался Корнелий, орущий, что камнями нечестно и надо на шесть и по хлопку.

Дафна, давно сообразившая, что справятся и без нее, выуживала из речки гермы и весла и выбрасывала их на берег. Некоторые гермы успели подплыть к самой трубе. «Таймень» самосплавом волоклась течением по мелководью. «Свирь» прочно и безопасно лежала в водорослях. На ее брюхо успели уже усесться две стрекозы.

Эссиорх подошел к одному из нападавших, отдававшему плоской части весла, и, отбросив валявшийся рядом кол, опустился на корточки. Евгеша свет Мошкин, отважный победитель в битве на реке Сереже, стоял тут же, опираясь на героическое свое весло.

– Привет! – сказал Эссиорх.

Парень приподнял голову и послал Эссиорха туда, куда ему, как хранителю из Прозрачных Сфер, совсем не хотелось. Дождавшись, пока он закончит, Эссиорх кивнул, показывая, что принял все пожелания к сведению.

– Чего вы на нас набросились? Речки жалко? – спросил он миролюбиво.

– А что, нет? Она сказала: вы рыбу электродочкой бьете! Ну мы прикинули, что мимо Петрова моста вам не проскочить, и сюда: рога, значит, обломать!..

И парень снова затрясся от бессильной ярости.

– Что за *она*? – оборвал его Эссиорх, понявший, что естественная речевая пауза наступит еще не скоро.

– А шут ее знает. Тетка какая-то! Никогда ее раньше не видел!

– Тетка?

– Ну да... Че я, тетки от мужика не отличу? – возмутился парень.

– А как она выглядела?

Парень задумался. Он, казалось, понемногу начал что-то просекать. Теперь, когда с его лица ушел гнев, оно стало хорошим таким лицом. Большим, чуть мягковатым, с белесыми бровями и крупными, почти прозрачными, сливавшимися друг с другом веснушками.

– Встрепанная такая, дурковатая. В башке репы и вопит все время! – сказал он озадаченно и крикнул кому-то: – Василич, а куды она делась-то? Дачница та?

– А леший ее знает, куды! – крикнул из кабины запершийся водитель.

– Это она! Больше некому! – шепнула Дафна, быстро касаясь плеча Эссиорха.

Тот кивнул, протянул руку и помог парню подняться.

– А что-нибудь еще эта «дачница» сказала?

– Василич! – снова крикнул парень, окончательно отказавшийся думать самостоятельно.

– Не-а, ничего! – отвечал хозяин мотировки.

Видя, что драка закончилась, вокруг них постепенно сгрудились и другие местные. Лишь один метатель камней маячил на дороге, набирая боеприпасы. Ему орали, чтобы он подошел, но он не подходил. Видать, был мстительный.

Заботливая Дафн быстро оглядела пострадавших. Опасно раненых не было. Все полученные в битве раны легко залечивались в ближайшем фельдшерском пункте.

– Хорошо, что с нами не было Арея, – порадовалась Улита.

– Почему?

– Нормальные люди дерутся – после драки все спокойно разошлись по домам, радуясь, что будет о чем болтать всю ближайшую неделю. А забреди сюда Арей – повсюду валялись бы отрубленные головы. Он понарошку не может – я проверяла. На него хоть старушка клюкой замахнись – снесет ей клюку вместе с руками.

– Если, конечно, эта старушонка не Мамзелькина, – уточнила Ната.

Аида Плаховна была единственная женщина, к которой Вихрова относилась с уважением.

Больше всех в драке пострадал, как ни странно, Меф, которому кнутовищем глубоко рассекло кожу на лбу. Буслаева это заинтересовало. Ему казалось, что удар-то он пропустил слабый. Так, мазнули разве что. Внимательно рассмотрев кнутовище, он заметил на его краю кусок проволоки, которым кто-то додумался прикрутить ремень к палке. Это ж надо было так угадать, чтобы именно выступающий край проволоки и поймать! Для этого требовалось особенное невезение.

Правда, потом Меф о чем-то вспомнил и перестал удивляться.

– А, вот оно что! Ну тогда ясно! – сказал он.

– Чего тебе ясно? – спросила Вихрова.

– Недавно в «Пельмене» парень один на меня накатил. Причем не факт, что он был totally не прав. Я ему даже первый стал грубить. Пошли в туалет разбираться. Можно было и мирно разъехаться, но тут я чего-то взбунтовался, и он нечаянно задел головой батарею. На батарее был кран, и он об этот кран рассек себе лоб.

– Намеряешь, что твое зло к тебе вернулось? – заинтересовался Мошкин.

– Ага! – кивнул Меф. – Типа того.

Он давно понял, что это не просто ценная мысль, но и стопроцентно работающий закон. Плюнешь в колодец – сам же из него выпьешь. Ударишь ты – ударят тебя. Украдешь – украдут у тебя. Солгал – тебе солгали. Наорешь на кого-то – на тебя наорут. По-свински поступишь с родителями, твои собственные дети поступят с тобой по-пороссячи. Исключений никогда не было и не будет.

– А если я делаю зло – и ничего не происходит? – уточнил любящий эксперименты Чимоданов.

Меф пожал плечами.

– Без понятия. Со мной такого не бывает.

Чимоданов вопросительно уставился на Даф.

– Если ты гадишь и ничего не случается – ты уже нарвался. Если человека не пинают за совершаемое зло, значит, он уже труп. В нормальном, незапущенном варианте, жизнь возвращает пинки с той же частотой, с какой ты сам их наносишь.

* * *

Когда деревенские уехали, стали разбираться с байдарками. Сразу обнаружилось, что потеряна герма с продуктами из «Свири», два весла из «Гаймени» и кроссовок Корнелия. Курьер света, как обычно, разулся в байде, чтобы плыть босиком, романтично шевеля пальцами и ощущая потоки свежего воздуха. Про «свежий воздух» это было уже Улитино.

Эссиорха больше всего огорчила потеря весел.

– Вы сделали стратегическую ошибку! Кильнувшись, бросили весла! Байдарочник должен спасти прежде всего весло!

– Так, значит, не товарища, а весло? – поинтересовалась Улита, любившая каверзные вопросы.

– Не выпуская своего весла, спасти всех товарищей, причем тоже желательно с веслами! Вот будешь теперь ладошкой грести – поймешь! – уверенно уточнил Эссиорх.

После долгих поисков одно из весел нашлось на перекате застрявшим в камнях. Другое же исчезло и, тихо злорадствуя, отдыхало где-то на дне. Не связываясь с опасным перегоном, байдарки перетаскивали по дороге. При этом Ната ухитрилась потерять рюкзак, и, разумеется, не свой. Терять свои вещи ей было неинтересно еще с детства.

Перед погрузкой Эссиорх провел ревизию оставшихся припасов. Оказалось, что последняя продуктовая герма, на которую он надеялся, была плохо закручена и во время кия хлебнула воды. Чай подмок. Хлеб раскис. Одна гречка в любом состоянии осталась гречкой.

– Не беда. Я могу сварить щи, если есть капуста! – великодушно предложила Улита.

Эссиорх посмотрел на нее, как пещерный человек на свою пещерную жену, когда она

спросила у него, где розетка для микроволновки.

– У нас что, даже капусты нет? Ни цветной, ни черно-белой – никакой?

– Может, тебе еще и йогуртов дать?

– Цианисто-чесноковых, моих любимых? – уточнила ведьма.

– Молочно-огуречных, со вкусом дохлых оводов! – грустно сказал Эссиорх, звучно отряхивая от воды заламинированную карту.

На карту он смотрел долго. Остальные толпились рядом, заглядывая ему через плечо. Всегда так бывает: сто лет карта никому не нужна была, а теперь как одному понадобилась, так и всем.

– В общем, кому-то придется идти в деревню закупать провизию, – подытожил хранитель. – Тянем жребий, кто потопает. Остальные остаются сторожить байдарки.

Короткие спички вытянули Меф и Ната. Посмотрев на Вихрову, Меф оставил свой рюкзак Дафне и молча взял здоровенный рюкзак Эссиорха. Он сообразил уже, что ему придется все волочь одному. Его напарница в лучшем случае ухитрится донести саму себя, чтобы ее не пришлось тащить на ручках.

Даф едва удержалась, чтобы не отправиться с ними. К Вихровой, которая слово «порядочность» не поняла бы и с толковым словарем, доверие у нее отсутствовало. С другой стороны, Меф уже взрослый. Пусть думает сам.

«И вообще, это уже проблема Ратувога!» – подумала Даф, и нижняя губа у нее запрыгала. И с чего она решила, что новым хранителем Мефа станет обязательно Ратувог? В конце концов, и без него свет не обеднел стражами.

Когда они ушли, Улита, Корнелий и Эссиорх загнали в Серезу Чимоданова и, не обращая внимания на сопротивление, вымыли его с хозяйственным мылом, используя вместо мочалки речной песок и пучок камыша. Петруччо голосил так, будто с него сдирали кожу. Хорошенько намылив Чимоданова, его погрузили с головой в воду и продержали секунд десять, пока река смывает мыло.

Под конец, едва живой, обессиленный Петруччо выполз на берег и уткнулся в песок носом.

– Ненавижу! Всех в салат покрошу! Разве вам, гаденышам, можно применять силу? – простонал он.

Эссиорх присел на корточки и аккуратно пристроил ему на голову измочаленный камыш.

– Ты путаешь свет и мягонькое вялое псевдодобро, которое никогда не было светом! – сказал он.

– А в чем разница? – спросил Мошкин, дальновидно не участвовавший в мытье Чимоданова. Он не хотел, чтобы его придушили ночью.

– Да вот пример, – начал Эссиорх. – Когда свет видит на улице обгадившегося, извините, бомжа со сломанной ногой, он ему помогает, даже если того отказываются грузить в «Скорую». На своей спине, в крайнем случае, тащит. Псевдодобро же, зажимая нос, трусливо перебегает на другую сторону улицы и идет дальше, размышляя о гуманизме в творчестве Льва Толстого и ощущая себя вполне нормально.

* * *

Мефодий и Ната отыскивали деревню не сразу, хотя Эссиорх и дал им с собой карту. Вначале они долго шли по вырубкам, держась проселочной дороги. Среди пеньков и молодых елочек торчали новые щиты, призывающие беречь лес от пожара. За рекой плакалась бензопила. У нее болели зубы.

Под конец деревня обнаружилась, но не у дороги, что было бы логично, а по другую сторону поля. Рядом с ней стояли в ряд девять новых срубов с пронумерованными бревнами – на продажу. У последнего сруба прохаживался рыжеватый мужик в новых резиновых сапогах и неспешно тюкал топориком.

Буслаев подошел к нему и спросил, где магазин. Мужик снял длинную стружку, померил что-то выдвигной рулеткой, положил топор на сруб и поздоровался с Мефом. Вспомнив, что в приличных деревнях без приветствия никакие вопросы не решаются, Мефодий тоже поздоровался.

– А вы откуда? – спросил рыжеватый мужик.

– Да вот, с реки, – сказал Меф.

Мужик склонил голову.

– Что, прям на ряке живете? – недоверчиво уточнил он.

– А, нет! Из Москвы. По Сереже на байдарках плывем.

Рыжеватый недоверчиво задумался.

– Прям из Москвы, чте ль? – спросил он.

– Нет, из Лесуново.

– А, из Ля суново!.. Как бядро сломал, в Лясуново ляжал, – сказал мужик рассеянно. Казалось, отсутствие прямого водного сообщения с Москвой его огорчило.

Он достал пачку сигарет, ловко выщелкнул одну и предложил Буслаеву. Меф не курил. Тогда мужик задымил сам и, не торопясь, убрал пачку. Меф понял уже, что его новый знакомый все делает без суеты. Ему, Мефу, это даже нравилось. Все настоящие вещи в этом мире творятся неспешно. Неспешность – есть истинная мера всех важных вещей.

Меф оглянулся на Нату. Та, скучая, переминалась с ноги на ногу как застоявшаяся лошадь.

– Это какой вам магязин нужен-то? – спросили наконец резиновые сапоги.

– Да любой. Еды купить.

– А в Москве я ды нету, что ль?

– Да вот, не рассчитали.

Мужик снова длительно задумался, казалось, соображая, как лучше указать путь. Мефодий старательно приготовился запоминать.

– Да вот же он! Магя зин-то! – сказал рыжеватый, показывая пальцем через сруб.

Меф посмотрел и немедленно обнаружил решительно втиснувшийся между домами блок из красного кирпича, на котором чернела крупная вывеска: «ПРОДУКТЫ».

Он искал то, что находилось от него в тридцати метрах. Вот почему на него смотрели как на лунного шпиона!

Попрощавшись, Буслаев устремился к магазину. Ната, спотыкаясь, побежала за ним. Кроме продуктов, на витрине обнаружили детские игрушки, журналы и стиральный порошок. Молочка ограничивалась просроченными йогуртами. Видимо, в деревне, где на лугу только в пределах видимости паслись четыре коровы, особого спроса на нее не возникало.

Продавщица была молоденькая, может, годом старше Наты, но как большинство продавщиц решительно накрашенная. Перед продавщицей Вихрова тотчас сделала стойку и принялась корчить из себя москвичку.

Меф во многих своих знакомых замечал подобное. Сидят себе в Капотне и ничего, кроме трех дымящих труб и жутких пробок, не видят. Зато, стоит вырваться из Москвы в провинцию, сразу откуда-то берутся и ухмылочка, и снисходительность в голосе. Должно быть, это закон компенсации. Сдача за толкучку в метро и трубы.

Ната ехидно называла деревенский магазин то мегамаркетом, то гипермаркетом. Тыкая пальцем в развесные макароны-рожки, спрашивала: «А это что за пищевое сооружение?» Интересовалась, почему хлеб лежит прямо на прилавке и нельзя ли его хотя бы газеткой прикрыть от мух. Мух в магазине действительно летало превеликое множество. С потолка свешивались липучки, облепленные ими в таком количестве, что новые мухи садились поверх первых и оттого не приклеивались.

Под конец Ната настолько опротивела продавщице, что та заявила, что ничего не продаст, пока Вихрова не выйдет из магазина.

– Не имеете права не продать! Вы должны! Ясно вам? – сказала Ната.

Продавщица фыркнула.

– Я напишу в книгу жалоб!

Продавщица фыркнула повторно. Ната повернулась к Мефу, точно требуя у него немедленно четвертовать продавщицу и подпалить магазин, предварительно облив его изнутри одеколоном «Тройка».

– Сделай что-нибудь! Ну же! – потребовала она.

Меф сделал.

– Подожди снаружи! Пожалуйста, а! – мягко попросил он.

Ната посмотрела на Буслаева с испепеляющим презрением.

– Тряпка! – прошипела она и выскочила вон.

Меф купил все, что ему было велено, и, загрузив рюкзак до горловины, вышел из магазина. Наты нигде не было. Решив, что она, психанув, умчалась обратно одна, он дошел до берега, где его ждали остальные.

– А Вихрову ты куда подевал? – поинтересовался Чимоданов, когда Меф сбросил рюкзак на траву и произнес: «Пуф!»

– А разве она не здесь?

Оказалось, что нет.

– А чего она с тобой не пошла? – спросила Даф, бросая на Буслаева быстрый взгляд.

– Да так. Поссорились из-за тряпок, – пояснил Меф.

Нату прождали полчаса, после чего отправились на поиски. Еще не добравшись до деревни, на вырубках обнаружили рукоять от ее рапиры. Только рукоять, без лезвия. Сама Ната исчезла.

Мошкин побледнел. Ему вспомнилось, что Нату должны были убрать «на усм. исп». А вдруг это оно и есть, то самое «усмотрение»?

– Какое сегодня число? Не тридцатое, нет? – быстро спросил он.

– Двадцать девятое, – сказал Эссиорх.

Евгеша вздрогнул от близости ужасной даты. А вдруг мрак обманул и не пощадит их? Кто знает, возможно, трейлер «Вольво», гос. номер А 234 УУ 177, уже на дороге в Муром? Водитель Зуев О.П., 1981 года рождения, сидит за рулем, врубив на полную громкость магнитола. Старший санитар Фулер М.Е. мирно выбирает с женой новый кухонный уголок, а врач-реаниматор Цветкова И.И., помогая родственникам, выпалывает на даче вместо сорняков георгины. Пока что они могут отдохнуть. Их смена еще не началась.

– Это деревенские! – предположил Корнелий, подпрыгивая. В груди у курьера успело созреть желание куда-то бежать и кого-то бить.

Эссиорх недоверчиво хмыкнул. Он достаточно изучил Вихрову и понимал: чтобы схватить такую, да еще с рапирой в руках, да еще так, что они не услышали даже крика, нужно собрать жителей пяти деревень. Приходилось искать подсказку на месте. Вскоре на истоптанной траве он обнаружил раздавленное, слабо шевелящееся насекомое. Когда Эссиорх попытался коснуться его, насекомое пшикнуло и исчезло. Хранитель отодвинулся, стараясь не втягивать ноздрями едкий дым.

– Ничего себе жучок! – сказала Дафна, у которой начали слезиться глаза.

– Не жучок. Клещ из Нижнего Тартара. Таких нередко подсаживают на людей, – пояснил Эссиорх.

– Зачем?

– Для слежки, когда нельзя использовать комиссионеров. Если такой клещ насосется крови, страж мрака ощутит его присутствие даже из Тартара.

– Сам приполз! – быстро заявил Петруччо.

Эссиорх задумчиво посмотрел на него.

– Это вряд ли, – сказал он.

Подскочивший Корнелий брызгал идеями, как сарделька соком:

– Тогда его притащил тот, кто украл Вихрову! Допустим, этот клоп был у него на плаще, но в сражении сорвался и его затоптали!

Такая версия Чимоданову понравилась.

– Во-во! Натурально затоптали! Зверушек не жалеют, жлобы! Ноги б поотрывал! – заявил он.

– И чего будем делать? – спросила Даф, нянча распухшую ладонь.

Ей чудилось, что змея улеглась внутри руки, свернувшись в тугое кольцо. Ничуть не меньше змеи ее грызло чувство вины: в конце концов, Вихрова отправилась в поход из-за нее, Дафны, а теперь она исчезла, и не ясно, жива ли.

– А что тут сделаешь? – сказал Эссиорх невесело. – Будем подключать свет и прочесывать лес. Сохранить наше путешествие в тайне от мрака нам, как видно, не удалось. И раз не получилось на мягких лапках, поскокаем на слоне!

Улита, стоявшая в стороне от всех, у старой сосны, наклонилась, разглядывая на взрытой почве четкий отгиск квадратного каблука с неровным, точно огнем оплавленным правым верхним краем. Спутать было невозможно – сколько раз она сама начищала до блеска любимые, прочной старинной работы сапоги Арея.

– Шеф! – сказала она тихо.

Лагерь разбили у реки. Байдарки вытащили на берег. «Свирь», «Таймень» и «Вуокса» лежали грустные, пахнущие водорослями и чешуей, которую Чимоданов, чистя рыбу, имел привычку оставлять внутри лодок, где она плескалась в желтоватой протекшей воде. Байды пока не разбирали, но лодки уже чувствовали, что больше в этом году плавать им не придется.

Глава 12 Человек без прошлого

Относительно всякого человеческого профессионализма. Филологи думают, что философы что-то знают, те смутно надеются на историков, историки на микробиологов, микробиологи – на физиков-ядерщиков. Физики-ядерщики в свою очередь надеются только на авось и майора Пахомова, который сидит на главном пульте управления ракетами, разгадывает кроссворд и жалеет, что не стал филологом.

Йозеф Эметс, венгерский философ

– Слушай, выключи мигалку! Я оглох. Она уже мигает у меня в ушах! – взмолился Арей.

– Это не мигалка, а сирена! Сирена – это то, что завывает, а мигалка – то, что мигает, – назидательно уточнила Варвара.

– Сделай, чтобы не выло! А мигать себе – мигай, – разрешил Арей.

Ему было безразлично. Ко всем изобретениям человечества мечник относился с глубочайшим презрением. Часто даже не брал на себя труд их различать. Так, холодильник он легко мог назвать ледником, а ракету – аэропланом. И в этом не было ничего нарочитого – просто зачем запоминать то, что не имеет никакого значения и все равно вскоре забудется или сменится чем-либо новым? Вечен только эйдос – это же станет хламом и ржавчиной еще при жизни большинства тех, кто ходит сегодня по земле.

Внезапно Варвара, закусив губу, без предупреждения нажала на тормоз. Автомобиль занесло. Арей, разумеется, не пристегнутый, едва не высадил лбом стекло. Ехавший же в багажнике-универсале Добряк перелетел через спинку заднего сиденья в салон. Таким образом Варвара произвела в машине рокировку.

– Ну и зачем это надо было? – спросил Арей. Запах жженных покрышек проникал даже сюда.

– Мне надоело ваше самодовольство! И вы тоже надоели! Вы все всегда знаете, указываете! Обрыдло мне это – ясно?

В голосе Варвары прозвучало раздражение. Она гнала машину вот уже четыре часа,

причем впервые в жизни по загородному шоссе, и порядком устала. Автомобиль, на котором они ехали, был не тем, из которого Арей выбросил Ромасюсика. Старую машину Варвара вчера, паркуясь, вогнула задом в магазинчик сотовой связи. Там в магазинчике ее и оставили, как выразился Арей, в порядке улучшения дизайна.

– Мне понятно, что ты злишься. Но непонятно, чего ты хочешь, – произнес Арей.

Ни Улита, ни Ната, ни Чимоданов его бы не узнали. Начальник русского отдела был сплошное миролюбие. Недаром, видно, говорят, что все реально крутые супермены – дома уступчивые овечки, а все кухонно-домашние вояки на улице робки, как мышки.

– Я много чего хочу! – отрубил Варвара. – Для начала: почему бы вам не вести тачку самому?

– Я не умею.

– Так научитесь! Я сама за баранкой третий день!!!

Однако учиться Арей отказался.

– Мужчина не должен трогать руль. Мужчина должен держать оружие, – сказал он.

– И где ваше оружие? Что-то я его не вижу!

Арей посмотрел на свои пустые ладони.

– Мои руки – уже мое оружие, – заметил он.

– Вот спрячьте свое оружие в карманы и помалкивайте! – огрызнулась Варвара, выжимая газ до упора.

Машина метнулась. Покрышки взвыли. Арей искоса посмотрел на дочку и впервые в жизни потянулся за ремнем – пристегиваться. Пока он не пристегнулся, Варвара коварно дернула рулем, объезжая медленно двигавшийся грузовик. Напуганный мигалкой, водитель грузовика прижался к самой обочине.

Арeya снова дернуло, и он навалился на Варвару плечом. Добряк жалобно заскулил с заднего сиденья и просунул вперед морду. Варвара решительно треснула его по морде локтем. Арей прикинул, что для человека это был бы верный нокаут.

Морда убралась.

– Давно хотел спросить. Откуда у пса шрам? Ну где шерсть седая растет. И у тебя шрам откуда? – спросил Арей.

– Это который на краю рта, что ли? – уточнила Варвара. – Меня из-за него Гуинпленом дразнили. Ну есть такой «человек, который ржет».

– ...«человек, который смеется», – поправил Арей. – Хочешь сказать: у тебя много шрамов?

Голос Варвары потеплел. Рассказывать про шрамы ей было приятно.

– Целая куча. По последним подсчетам, девять или тринадцать.

– Почему такой большой разброс?

– Есть один рваный – в колючей проволоке запуталась. Если считать его как один – то девять, а если как отдельные, то тринадцать.

– А тот, что на щеке, – откуда?

– Да там пацан один, в зале на «Красных воротах»... Взял фигню такую от электросварки – не знаю, как называется – и стал ей размахивать! Вначале Добряка шарахнул, а потом меня зацепил. Хорошо, что не по зубам.

Арей нахмурился.

– Что за пацан? – спросил он деловито.

– Да нормальный пацан. Только обкуренный был, не соображал ничего. Шоколадку потом принес, извинялся.

– И ты взяла? – прорычал Арей.

– Ну да. Че, я тупая: шрам заработала и еще от шоколада отказываться? Я же говорю: нормальный пацан. Правда, потом я с ним в залы уже не ходила... И вообще, чего вам от меня надо? Лезете ко мне с замечаниями: то я не так одеваюсь, то брось курить, то не ругайся! Вы что, самый правильный? – продолжала бушевать Варвара.

Мечник уже успел заметить, что она любит расставлять все точки над *i*. Причем порой

ставит их больше, чем нужно, не умея вовремя остановиться.

– Ну вообще-то не самый, – осторожно признал Арей.

– А я хочу так одеваться и буду! Понятно вам? Вы вообще пробовали в люк в чем-нибудь другом залезть?

Арей угрюмо промолчал. Он сам не мог объяснить, почему его так раздражают кожаные штаны, военные ботинки и пахнувшая подземе́ем куртка. Может, потому, что свою дочь он всегда представлял в длинном льняном платье без пояса, голубоглазой, светловолосой, улыбчивой, а она оказалась брюнеткой, совсем не кукольноглазой, с колючим характером, с кучей инструментов в сумке да еще и с тесаком.

Есть довольно распространенный тип девушек, которые надевают ботинки на тракторной подошве, ошейник с шипами и носят на ржавой цепочке выкидной нож. Это в целом нормально. Просто они вышли на охоту. Не столько даже за принцем, сколько за местом в мире. Когда период становления завершится, они станут хорошими женами и отличными матерями для мальчиков. Будут ходить с ними в походы и обучат их метать строительные гвозди. Гораздо хуже девушки, которые делают все уместно, знают себе цену, хорошо одеваются, но в глазах у которых блестит сталь и вращаются казначейские нолики. Уж лучше бы они обматывались ржавыми цепями и вдевали в нос кольца – для эйдоса это было бы полезнее. В крайности впадать не так страшно. Страшно быть холодным, как скальпель, и расчетливым, как калькулятор.

Арей этого не понимал и понимать не хотел. В нем кипела банальная отцовская соревновательность, согласно которой самая красивая, послушная, некрасящаяся, ласковая дочь в мире – твоя. Если же все это не так, нужно немедленно искать виноватых. Обычно, конечно, не себя, а бабушек, дедушек, маму, правительство, плохих друзей и криворукую акушерку в роддоме.

И Арей уже начал идти по этому пути.

«И у кого она столько мусора нахваталась, спрашивается? Ножи с собой таскает! Хамит! Замашки совершенно пацанские! Это все свет виноват! Взяли у меня мягкую добрую девочку, а вернули чудовище в штанах!» – думал он с гневом.

Причем думал не словами, а ощущал как данность и внутренне кипел. В Подмоскowie, пока они ехали, таинственно пересохло болото, к крайнему удивлению грибника Данилыча, который пробирался в сапогах по жиже и оказался вдруг на сухой земле.

– Не понимаю я вас! – бушевала Варвара. – Чего вы ко мне привязались? Влезли жить ко мне в берлогу! Разрешаете колотить машины, причем даже не вылезаете, когда мы во что-то врезаемся! Если бы хоть приставали ко мне, руки распускали, а то и этого нет! Даже по башке трубой вас треснуть не за что!

Арей посмотрел на нее.

– Треснуть трубой всегда есть за что, – заверил он. – И вообще, если хочешь, могу научить тебя работать тесаком. А то ты его держишь неправильно.

– Как хочу – так и держу! Очень надо! Сами учитесь! – отказалась Варвара.

– Не хочешь учиться? Почему? – поразился Арей.

– Если мне нужно будет кого-то хлопнуть – я куплю пистолет. Или поднимусь на крышу дома и, когда он будет проходить мимо, прыгну ему на голову в своих самых тяжелых бутсах.

– А-а-а! О-о-о! – сказал Арей. У него почему-то потерялись все слова.

Варвара недовольно снизила скорость: впереди тащилось целое стадо, машин так в шесть. Во главе стада ехал трактор с прицепом.

– Станный вы тип! Опекать лезете, мораль читаете. Ведете себя как папаша!

Услышав это слово, Арей надсадно закашлялся.

– Вы чего, еще и туберкулезник? – немедленно отреагировала Варвара.

– Я? Нет. Кх-кххх...

– А я все-таки думаю, что туберкулезник. Лечитесь, если не хотите окочуриться!

Арей пообещал лечиться. В голосе Варвары он уловил грубоватую заботу.

– У вас была когда-то дочь, что ли? – продолжала допрашивать его она.

– Была, – признал Арей, разглядывая в окне березки.

В Подмоскowie пересохло еще одно болото и загорелся одиноко стоящий сарай.

– Хм... И где она сейчас? Молчите! Дайте сама скажу! Сидит где-нибудь на ферме в Аризоне, выращивает индюшек и присылает вам раз в год фотографию: она, муж и индюк? Причем муж и индюк на всякий случай подписаны, чтобы никто их не перепутал?.. Вам, конечно, не хватает общения, вы весь в непонятках и от нечего делать ищите себе шоферов женского пола без прав с трехдневным стажем вождения? Угадала?

– Моя дочь погибла, – сказал Арей.

Варвара посмотрела на него. Потом нерешительно протянула руку и выключила сирену.

– Ну это... короче... простите! – сказала она.

– Не бери в голову. Ты же не знала.

– И что, я похожа на вашу дочь, что ли?

– Нет, – ответил Арей после долгой паузы. – Не похожа. Когда это случилось, моя дочь была маленькой.

– Все были маленькими. Я вроде как тоже. Только вот я не отбросила лыжи, в этом вся разница! – сказала Варвара.

Арей кивнул, принимая соболезнования.

– А кто твой отец? – спросил он внешне равнодушно.

– Приемный, что ль? Да человек как человек. Фирма у них: пластмассовые ведра выпускают, тазики всякие. Только не спрашивайте, как его зовут: я туда не вернусь! – отрубил Варвара.

Арей и не хотел, чтобы она туда возвращалась. Лицо мечника вновь уже было непроницаемым.

– Я имел в виду: настоящий отец, – пояснил он.

Варвара ударила кулаком по гудку, хотя впереди никто и не ехал. Автомобильное стадо они уже обогнали.

– Вот уж без понятия! Небось алкаш. Сдох под забором. Или бандит, которого шлепнули. Или просто мимопробегалло какое-нибудь, – заявила она с вызовом.

Арей открыл окно. Впервые за последнюю тысячу лет ему стало очень душно.

– А ты не пыталась узнать? – поинтересовался он.

– Пыталась.

– У кого?

– Да там, в опеке, или как называется эта фигня? Сидит тетка с бумажками и компьютером. Зыркалки добрые. В углу плюшевый мишка и три букета цветов в двухлитровой банке. Как она их туда впихнула? Молотком?

– А дальше?

– Чего дальше? Ну пришла я. Она поднимает глаза, смотрит на меня спокойно (обычно в обморок грохаются) и вежливо просит меня оставить Добряка в коридоре. Я говорю, что не, не оставлю. Я, может, хочу узнать имена его родителей. Ну и своих тоже, до кучи. Она некоторое время соображает, потом предлагает мне сесть, просит у меня паспорт и глазет на что-то в компьютере. Тыкает пальцем в клавишу, ничего не понимает. У меня, оказывается, дикое количество однофамильцев. С датой рождения сбой какой-то, место рождения не указано. Короче – пустота! Она смотрит по бумажкам – бумажки за мой год оказываются в архиве, который недавно переехал. В общем, полная непонятка. Дебилизм в расцвете сил!

«Свет запутал все концы!» – отметил Арей.

– А ты? – спросил он.

Будучи сам напряжен, он не отслеживал интонацию собеседницы, поэтому когда голос Варвары странно возвысился и утончился, для него это оказалось неожиданностью.

– Чего – я? Я начинаю дико ржать. Потеряло меня родное государство! Ржу-ржу, а потом вдруг понимаю, что я не ржу, а рыдаю, вою и чуть ли не об Добряка вытираю рожу.

Ну тетка меня со знанием дела успокаивает, капает мне какой-то бяки по имени валокордин. Чуть ли не обнимает меня. Добряк скулит, ничего не понимает. Тетка начинает объяснять, что вот, даже если она и узнает, то что мне в том толку? Что она мне скажет? Фамилию-имя-год рождения? Там же все равно не будет ничего о том, кто мои родители по жизни, и так далее... В общем, я оттуда уперлась, и все замялось.

Варвара снова начала дергать руль, путать педали, и Арей, видя это, больше не задавал вопросов. Около часа они ехали молча. Добряк, которого так и не удалось загнать в багажник, все время просовывал вперед голову и всякий раз за это получал. Арей подумал, что следующей машиной, когда Варвара разобьет эту, станет микроавтобус, желательно бронированный, как у инкассаторов.

– Куда мы премся? В Муром, что ли? – внезапно спросила Варвара.

– Откуда ты знаешь? – удивился Арей.

– Да ниоткуда. Указатель был: «Муром 120 км».

– В Муром. А через Муром – в Мухтолово, – признал Арей.

Он успел не только найти на Казанском вокзале «правильного» проводника, но и выпытать у него все, что тот знал. Даже, возможно, чуть больше.

– И чего там в Муроме? – поинтересовалась Варвара.

– Муром – это город, – ответил Арей кратко.

Варвару ответ вполне устроил: любопытной она не была.

– Ну не хотите говорить и не надо! – разрешила она.

Пару раз Варвара останавливала машину и выходила подышать. С непривычки у нее кружилась голова. Со вчерашнего утра она даже конфеты не съела. Арей, как страж, обедавший только изредка, по собственной прихоти, всегда упускал из виду такие мелочи, как человеческая усталость.

– Бабулька какая-то голосует! Остановить? – вдруг сочувственно сказала Варвара.

– Еще чего! Будем сейчас всех собирать! – раздраженно ответил Арей, размышляя, почему дочь не имеет ни малейшего желания его слушать. Чимоданов, Меф, Мошкин – все слушали и дрожали, а этой наплевать!!! И ведь голову не отрубишь, вот что самое досадное!

Они проехали еще километров шесть.

– Снова бабулька, – заметила Варвара, кивая на обочину.

– Развелось их! Дома не сидится, – отрезал Арей.

Варвара с сомнением кивнула, и они проехали еще километров десять.

– Опять бабулька голосует! – жалобно сказала Варвара.

– Слушай, тебе не надоело бабок считать?

– Надоест-то надоело, да только бабка одна и та же! Перебегает она, что ли? – Варвара недоверчиво скосила глаза на спидометр.

– Ты уверена, что та же самая? – удивился Арей.

– Я же не слепая! Кривоногая, с рюкзаком, с палкой!

Арей помрачнел.

– А, ну тогда это Мамзелькина! Тормози! Все равно не отстанет! – сказал он.

– Я уже проехала, – спохватилась Варвара. – Разворачиваемся?

– Не трудись! Она сейчас снова попадется. Приставучая, – проговорил Арей и не ошибся.

Аида Плаховна встретила их метров через четыреста. Она была уже на самой дороге, прямо посреди полосы и решительно топала на треугольных ножках им навстречу.

– И не боится, что собьют! – удивилась Варвара.

– Сбивать не советую, – серьезно ответил Арей.

Варвара затормозила. Как всегда резко, едва не улетев с дороги. Арей, уже привыкший к таким торможениям, выставил вперед руки. С Варварой он не доверял даже и ремням.

Мамзелькина, доковыляв, преспокойно уселась на заднее сиденье. Зачехленная коса не помещалась, и старушка долго устраивала ее так, чтобы можно было закрыть дверь.

– Двинься! Расселся тут! – сердито велела она Добряку.

Пес подвинулся. Отворачивая морду от грязного, давно потерявшего цвет рюкзака старухи, Добряк рычал и дрожал одновременно. Потом сам, без понуканий, перелез в багажник и тихо-тихо лег там, опустив голову на лапы.

– Э-хе-хех! Боятся меня животинки! Коровы и лошади те вообще плачут, как дети, когда их на бойню ведут. Хошь верь, хошь проверь, – сказала Мамзелькина, скашивая умный, с прожилочкой, глаз на Варвару. – Ты чего меня в машину-то не брала, красавица? Бензину жалко?

– Бензин нынче дорогой, – в тон ей отвечал Арей, влезая в разговор и ревниво отгесняя Мамзелькину от Варвары.

Старушка это прекрасно чувствовала, и сухие губки ее улыбались.

– Ох, и не говори! – пригорюнилась старушка. – Сколько водителей таскаю, с каждым об этом балакаю. Человек-то незнакомый, нервничает, а молчать вроде неудобно. Сейчас вот только на этой дороге одного захватила. Так тоже про бензин... Во, кстати, тут и взяла!

Мамзелькина ткнула пальцем куда-то вперед. Варвара сразу ничего не увидела, но, закончив поворот, заметила белую машину, слетевшую с дороги и буквально намотавшуюся на дерево. На обочине стояли «Скорая» и автомобиль ГАИ. Санитары отрешенно курили. Гаишники говорили с кем-то по рации. К белой машине никто не подходил. Она была уже выписана из реестра жизни.

– И что теперь? – спросила Варвара.

– А что таперя? Таперя уже все, приехали! Эйдос на взвешивание – и либо тудыть, либо сюдыть. Либо вамить, либо намить! – хладнокровно отвечала Мамзелькина, толкая рукой свой вяло провисший рюкзачок.

Арею тема не понравилась. Он хотел насколько возможно уберечь Варвару от всей этой кухни. Странное противоречие: не то чтобы он стыдился теперь своей работы, но считал свою дочь слишком чистой для нее. Вроде как некий папашка-бандит, который крышует поставки наркоты, зная, что от нее гробы штабелями ставят. Но если его собственный ребенок к шприцу потянется – рога посшибает. Вот и получается: сами мрак плодим, а для детей света желаем.

– Аида! А что, рейсовые автобусы уже не ходят? – спросил он с нажимом.

– Ходить-то они ходют, да только не тудыть, кудыть мне надоть, – насмешливо отвечала старушка.

– А кудыть тебе надо? – передразнил Арей, прекрасно знавший, что, когда нужно, бабулька способна изъясняться и на древнеперсидском. В конце концов, и персы не были бессмертными.

– А тудыть, кудыть и вам! Давно я чягой-то сянцом да соломкой не дышала! – бойким горохом рассыпалась Мамзелькина.

– Аида! Мы едем в муромский лес! – сказал Арей мягко.

Представляет ли Аида себе вообще муромские леса?

Аида Плаховна вытянула губки ниточкой и заверила, что «малехонько представляют». Конечно, до Арея ей «кудыть», да все ж таки она бывала здесь примерно «восемь бульонов двести две тыщы» раз, да и то, если считать за последнюю тысячу лет. И, разумеется, по делам. А так чтоб просто гулять, нет, не гуляла, не было такого. Ей прохоложиваться некогда, она – бабулька трудовая, на пенсиях не сидит, деньгу лопатой не гребет, дитенков своих к себе на работу «не трудоустраиват».

И Плаховна таинственно умолкла, очень довольная, что Арей ее намек понял, а Варвара нет. Мечник глухо молчал, глядя на дорогу. Добряк тоскливо поскуливал в багажнике. Валявшаяся на панели свежая роза за считанные минуты не высохла даже, а мумифицировалась. Когда Варвара вопросительно толкнула ее, не понимая, что стряслось с цветком, роза рассыпалась мелкой пылью.

Через полчаса Варвара обнаружила, что стрелка горячего прилипла к нулю. Надо было заезжать на заправку. Пока она бегала оплачивать бензин и вставляла пистолет в бак, Плаховна искоса, точно воробей, взглянула на Арея. Тот барабанил пальцами по колену.

– Не рад мне! Ой, не рад! А ить какие друзья были! Не разлей медовуха! – сказала Мамзелькина сладко.

– Друзья? С тобой подружишь. У тебя все больше служба службой... – не то ответил, не то огрызнулся Арей.

Плаховна затрясла копилочкой. Сухие кости запрыгали в суставах. Коса, которую она небрежно придерживала жилистой ручкой, шевельнулась как живая и, лишь опомнившись, вновь одеревенела.

– А ведь испортишь девчонку! Эйдос-то у нее на перепутье: не наш, не ихний, а ты его с перепутья да в самую яму толкаешь! – сказала она.

Арей повернулся к ней, сгреб за ворот и рванул к себе. Гнилая ткань затрещала.

– Не влезай, Аида! Прочь пошла, трупная старушонка! – рявкнул он.

На висках у него вздулись толстые, как канаты, жилы. Лицо стало не красным даже, а раскаленным, точно медным. В салоне машины сделалось жарко, как в турецкой бане. Закапал, плавясь, пластик с зеркалаца.

Мамзелькина взяла Арея за запястья и легко, даже небрежно, стряхнула его руки. Сила в ее иссохших пальчиках была даже не медвежья. Арей снова схватил. Он давил всей своей мощью, разбухая мышцами и потев, Плаховна же лишь похихикивала, словно барышня, которую щекочут.

– Фух! – сказала она с ехидцей. – Ты бы еще мечоныш свой достал, Ареюшко! Да только проку-то что? Рубишь-то ты, а убиваю-то я! Так что возьми «трупную старушонку» назад, куда я не осерчала!

Руки Арея дрогнули и разжались.

– Не лезь, Аида! – повторил он придушенно. – Зачем тебе моя дочь? Чего суешься?

– Берешь «трупную старушонку» назад? Или мне обижаться? – упрямо повторила Мамзелькина, не отрывая от него цепких глазок.

– А Лигул, интересно, знает, что ты Тартар ямой называешь? – спросил Арей, предпринимая встречную атаку.

Лигула Плаховна не устрашилась.

– Ой, боюсь-боюсь-боюсь! – сказала она небрежно. – Чем мне Тартар называть, потолком, что ли? Коли Лигулу нейдется – пусть сам мою косу потаскает хоть денек. Жирок, глядишь, растрясет. А вообще: это сильно! Арей и пугает Лигулом! Рассказать кому – так, почитай, все старые рубаки потешаться будут.

Арей смутился. Он и сам сообразил уже, что брякнул лишнее.

– Хорошо. Беру «старушонку» назад... – пропыхтел он.

– Взял – вот и сиди с ней! – смилостивившись, Аида похлопала его по плечу. – Я ж к тебе, чудак, по старой дружбе. Не трогай девчонку! К чему ты ни прикоснешься – все испортишь, изгадишь, убьешь. Сколько я за тобой трупья перетаскала, только и успеваешь прибраться. А раз так, чего трогать-то? И эта туда же пойдет. Чего ты к ней тянешься?

– Как утопающий к спасательному кругу, – тихо сказал Арей. Видно, он много раз уже произносил эту фразу про себя, и вот теперь она вырвалась.

Зло, безнадежное, серое, болезненное, проступило на миг в его налитых кровью бычьих глазах.

– А если, положим, слон тонет, а кружок-то с копейку? Потянет он его или нет? Не оба ли на дно уйдут? – едко поинтересовалась Мамзелькина.

Арей засопел. Язычок старушки оказывался порой острее ее косы.

Качая головой, Аида Плаховна ноготочком поскребла пятнышко на спинке переднего сиденья.

– Ай, неаккуратно как! Вы б чяхольчики купили – моя коса вот и то в чяхле! – посоветовала она, вновь начиная притворяться мирной рязанской бабушкой.

Арей грузно повернулся, качнув машину.

– Карты на стол? – внезапно предложил он.

Аида перестала скрести ногтем грязь и разнылась, что в карты она в жись не играла. Ей

в азартные игры не везет.

– В кости же играешь, – напомнил Арей.

– В кости? Посмотреть в какие, так поигрываю, бывает... – вздохнула Мамзелькина. – Опять же: я карты на стол, а ты мне соврешь? Что тогда?

– Видела когда-нибудь, как комиссионер и суккуб в подворотне ворованными эйдосами меняются? Каждый свой пакетик за спину прячет и первым из ручек выпустить боится. Вот так и мы с тобой! – заметил Арей.

Плаховна пригорюнилась.

– Оно хуже нету, кагды своим-то меньше, чем чужим веришь! – согласилась она. – Ты уж первым-то начни, Ареюшко, а я продолжу! Уто, бывает, я в ахтобус грузуюся, так мужчины меня завсегда первую пропускают!

Мечник решительно тряхнул головой.

– Ладно, – сказал он твердо. – Знаешь, чем дриада отличается от гамадриады?

– Да где мне, темной? – запела Мамзелькина. – Гамадриада завсегда погибает вместе с деревом! Как дерево срубишь, дык и она, родимая, рядышком лягит! Дрожит вся, дерево цалуит, а с места не сдвинется, покуда ее не подберешь.

Мечник приподнял брови. Он о таком никогда не слышал.

– Интересные подробности. Откуда это?

– И, милый... Для гамадриад-то особой службы увоза нету, – расплывчато ушла от ответа Аида Плаховна.

Арей с пониманием посмотрел на ее брезент.

– А дриад тех поменьше будет, чем гамадриад, – продолжала щебетать Мамзелькина. – Они с деревьями не гибнут, ежели только дерево не одно такое осталось. На каждый, стало быть, вид, своя дриада – на тополь своя, на липу своя... И сколько их, положим, имеется видов лип – с такими листочками, с сякими – столько и дриад разных. Только те дриады уже вроде как родные сестры...

– Репейник? – внезапно перебил мечник, долго вглядывавшийся в красненькое личико Мамзелькиной.

Плаховна ослабилась и заслезилась глазками. Только что Арей выложил вторую карту, и она совпала с картой самой Аиды.

– Ужо и не знаю, зачем эта дурочка Лигулу понадобилась, – сказала она совсем другим, деловитым и собранным голоском. Болтливая расхлябанность куда-то сгинула.

– Знаешь, – сказал Арей.

Аида Плаховна не без кокетства поправила юбку.

– Оно, конечно, знать не знаю, а предполагать могу! – проговорила она не без самодовольства. – Силы-то Мефа покою мраку не дают. Так или нет? Заморит их Буслаич, ох заморит. А все светлая мешается!

Мамзелькина сжала костлявый кулачок.

– А момент-то сейчас подходящий! – продолжала она. – Светлая на меч Мефа напоролась, и темень у нее в крови бушует. А руку рассекла – потому что сама в мире человеческом увязла и втрескалась как обычная девчонка. У их в Эдеме-то все неспроста! Как по нитке идешь, туды шагнул – сорвался, сюды шагнул – сам себя наказал. Это у нас свобода, кого хошь, того режь, а там-то у них как в тюрьме! Убивать, воровать, нажираться, глазки никому не выдавливать – ниче нельзя! Хучь верь, хучь не верь – без брехни говорю! У нас в сравнении с ними прямо не жись, а праздник!

– Особенно в Нижнем Тартаре, к которому мы с тобой оба приписаны, – сдержанно ответил Арей.

Он пытался сообразить, откуда Мамзелькиной известно о ране Дафны, о которой он сам слышал впервые. Хотя старуха-то отслеживает все, что происходит с артефактами мрака, к которым относится и меч Мефа. Мрак, что спрут, – тело одно, только щупальца далеко тянутся.

– Теперь Дафка-то дриаду искать будет. Больше ей никто не поможет. А раз так, мы

дриаду первыми перехватим. Как светлой не станет – мы Буслаеву Прасковью навяжем. А от Прасковьи-то теперь у Пуфса ключик. Ему выданы. Вот и станет Пуфс Мефа за веревочку водить, – тоном старой сводни сказала Мамзелькина.

– Что у Пуфса от Прасковьи? – переспросил Арей.

Мамзелькина, спохватившись, что сболтнула лишнего, мгновенно притворилась глухой:

– Ась? Что ты сказал, милоч? Какая такая Упуфса? Твоя родня – не моя!

Открылась дверца. Варвара, закончившая заправку, заглянула и подозрительно принюхалась, не замечая подтека пластика снизу на зеркале.

– Вы тут что, пластмассу жгли, что ли? В детство впали? Ручки вам связывать, что ли? – спросила она.

Арей, которого отчитывали в присутствии посторонних, налился сизой кровью. Мамзелькина выразительно посмотрела на него.

– Я тоже всягда мячала стать пядагогом! – сказала она.

– Поехали! Живо за руль – и вперед! – рявкнул Арей.

Лучше б он этого не делал.

– Да хоть оборитесь! Не поеду! – хладнокровно отказалась Варвара.

Плаховна восторженно хихикнула. Мечник опешил.

– Как не поедешь? В смысле? – спросил он сипло.

– Не только машины хотят лопать, но и шоферюги... Денег дайте! Там при колонке магазин. И Добряку чего-нибудь куплю.

Сунув руку в заведомо пустой карман, Арей, не глядя, сунул ей пару купюр. Варвара взяла, удивленно посмотрела: бумажки были крупные, – и вышла.

– На месте стой! Раз-два! – негромко приказала Плаховна.

Варвара застыла.

– Вот что, голубка! Там во втором ряду на нижней полке будут стоять бутылки! Возьмешь первую с краю. Это скромненький такой коньяк в три звездочки. Хотя и дешевый, но в отличие от всего прочего, что там стоит, – настоящий! – строго сказала Аида Плаховна.

Варвара удивленно воззрилась на нее, желая спросить, откуда бабулька знает, что и где стоит в магазине, который старушка и снаружи-то едва видела. Но спрашивать не стала, выразительно хмыкнула и пошла.

– Запустил ты девчонку! Характера столько, что ветер подует – до потолка взлетит! – заметила Мамзелькина, провожая ее взглядом.

– Это все свет! – с гневом заявил Арей. – Вырастили из девчонки непонятно кого! Хамит, не слушается! Разболтанная, своевольная! В одно ухо влетает – в другое вылетает!

Плаховна сочувственно закивала.

– Ох уж этот свет! Монстров плодят, натурально! И главное, в кого бы! Такой спокойный тихий папа! Хоть бы ножкой когда на кого топнул! Хоть бы муху обидел! – согласилась она.

– АИДА!

– Да что ты меня все айдкаешь! Плаховна я! Дурачишь ты меня, Арей, ой дурачишь!

Мечник напрягся.

– Это еще почему?

– Да вот с дриадой. Я-то ее для Лигула ищущу: его приказ. Доверяет он моему чутью. А ты ведь свой интерес имеешь.

– Какой? – жадно спросил Арей.

Аидушка протянула руку и задиристо толкнула его кулачком в плечо.

– А то сам не знаешь! Ежели девчонка привяжется к тебе, хотя бы и не зная, кто ты, ее эйдос начнет темнеть! А он и так дохлый совсем, больной, половинчатый. Сам подумай: много б тебе за него дали, если б ты на него меняться с нашими стал, не говоря, чей он? Силенок-то в нем, как в квелой курице! Ярким-то эйдосом звезду новую зажечь можно, а этим мопеда, извиняюсь, не заведешь!

Арей засопел. Одно дело – знать правду самому, и совсем другое – ее услышать.

– Меф-то со мной сколько общался, и ничего! Не потемнел! – сказал он хмуро.

Мамзелькина хихикнула.

– Ты мужской эйдос с женским не сравнивай – это все равно как сухарь и сдобная булка. Сухарь лежит себе месяцами – полеживает, только больше еще черствеет, а в булке едва зараза какая заведется – моментально вся в плесени!.. Да и с Мефом-то Дафна рядом была, выправляла. Ты на Вихрову посмотри! Вроде как и не привязывалась к тебе, а эйдос-то едва чадит. Проку от него! Вот народ и не зарится.

Плаховна перестала хихикать и удивленно вслушалась в себя: не звякнет ли копилочка. Нет, не звякнула. Арей молчал.

– Ну а если ожерелье дриады раздобыть – это как рыбу, чуток подпорченную, в морозилку засунуть. Все процессы в эйдосе законсервируются. Замрет как есть на долгие годы. Даже если тебя убьют, мрак его не скоро получит, хотя бы Лигул к ней из-под земли тоннель прогрыз, – лукаво продолжала Плаховна.

Арей старался не смотреть на нее. Старуха читала его как открытую книгу.

– Да только тут какая штука! – коварно продолжала Мамзелькина. – Не только темнеть, он и светлеть не сможет! Сил-то от бусины у него не прибавится. Консерва она консерва и есть! Мумия-то фараонова не сказать что гнилая – так ведь и жизни в ней нет!.. А как тело умрет – все равно консервированный эйдос мраку отойдет!

– Аида! Что-то ты много о моей дочери волнуешься! – с подозрением сказал Арей.

Аида Плаховна вздохнула.

– Да я и сама дивлюсь! Не скажу, что совесть мучит, да все ж покусывает. Жену-то твою с девчонкой я тогда скосила, хоть на Яраате, возможно, и больше вины... Да и тебе, рубака глупая, я добра желаю. Хо-хо! Мрак: а друг другу добра желаем! Нет чтобы зла пожелать!

Арей от слов Мамзелькиной не расчувствовался, поскольку знал, что слово у нее словом, а дело делом. Велят скосить – скосит, велят погодить – погодит.

– Надолго ты с нами? – спросил мечник.

Прежде чем отвечать, Мамзелькина на миг закрыла глаза. Должно быть, у нее был срочный вызов. Не прошло и секунды, как она, преспокойно поправив рюкзачок, сообщила, что сама пока не знает. Как коса велит, так и поступит. Опять же дриаду велено найти.

– Ясно, – сказал Арей угрюмо.

Уже минуту некая мысль не давала ему покоя. Раза два он быстро посмотрел на Аиду, после чего, протянув руку, попросил:

– Ну-ка, дай посмотреть твой свиток!

Старушка замотала головой:

– Не имею права! Секретная документация!

– Плаховна! – настойчиво повторил Арей.

– Не могу! И не проси! Меня за такое по головке не по... ик!.. Не положено!

– Аида! А ведь все эти коньячки дешевые – дрянцо! Из моего маленького дубового бочонка ты и не пробовала толком!.. – сказал Арей.

Мамзелькина забеспокоилась. Острый носик ее вспыхнул и погас.

– Нет у тебя больше никакого бочонка! У тебя и резиденции нету больше! Выперли тебя! Че я, не знаю? – заявила она решительно.

Арей молчал.

– За такие дела, знаешь, что бывает? – снова сказала Мамзелькина.

Мечник рассеянно посмотрел в окно. По шоссе проносились машины. Через лесок, в поселке, коптила небо труба котельной.

Аида Плаховна заволновалась, зашевелилась на сиденье и в волнении уронила рюкзак. Из бокового кармана выпрыгнул свиток. Перелетел через спинку переднего сиденья, упал на колени мечника и сам собой развернулся на нужном месте.

– Ох! Руки крюки! – переполошилась Мамзелькина. – Не видел, куда упало?.. Ты уж

найди поскорее, а то я сослепу-то и не вижу!.. И если про бочонок забудешь да сироту обманешь, не будет тебе на этом свете счастья! Ох не будет!

Не вслушиваясь в кудахтанье Мамзелькиной, Арей быстро пробежал свиток глазами. Прочитав про Нату, Мошкина и Чимоданова, он задумчиво поскреб запись ногтем, зачем-то лизнул палец и осторожно провел по первой букве в имени Чимоданова. Кивнул своим мыслям, коротко оглянулся на Мамзелькину и внезапно сильным движением ладони заставил свиток проматываться.

Свиток вращался не просто быстро, а с нереальной, пугающей, неправдоподобной скоростью. За несколько секунд размоталось не меньше десяти километров. В машине это, разумеется, не уместилось, и свиток запрудил всю стоянку. Должно быть, он был реален даже для людей, потому что, увидев эту дикую и все растущую гору, парень, заправлявший перед ними «Газель», отскочил и, прижавшись спиной к колонке, точно оружие, выставил заправочный пистолет.

– А ну дай! Мы так не договаривались! Ишь ты, шустрый! – сказала Мамзелькина очень строго.

Она хлопнула сухими ладошками, и свиток сам собой исчез из рук Арея. Мечник не протестовал. Он просмотрел уже достаточно, чтобы понять: его дочери в списке нет. Во всяком случае, до следующей зимы. Настроение у него улучшилось.

Из магазина показалась Варвара. Под мышкой у нее был коньяк для Мамзелькиной, в левой руке – большой пакет, в правой – покрытый целлофаном лоток с сырым мясом. Сообразив, для кого лоток, Добряк нетерпеливо залаял и стал вертеться в багажнике, заметно сотрясая машину.

Варвара бросила Добряку мясо, которое тот проглотил не жуя, оставшись таким же тощим. Тем временем его хозяйка через открытое окно задней двери вручила Мамзелькиной бутылку и, пожелав ей: «Спивайтесь на здоровье!», плюхнулась на водительское сиденье.

– Куда сдачу девать? – спросила она у Арея.

– Оставь себе!

– Нет уж! Мне чужого не надо! Богатейте! – заявила Варвара и уронила на ладонь мечнику пятак.

Все это означало, что после Варвары сдачи не остается.

– Как, и это все? Я же много дал! – заинтересовался Арей. Денег ему было не жаль, но проснулась отцовская любознательность.

– Ничего себе много! Только на одну шоколадку и хватило. Ну, не считая мяса. Правда, я еще купила топор, дрель, сухое горючее, пилу, ножницы по металлу, резиновый клей и кое-что по мелочи, – пояснила Варвара.

Арею стало ясно, почему она закинула пакет в багажник, не опасаясь, что полуголодный пес в него залезет. В пакете не было ничего съедобного.

– Поехали! – сказал он хмуро.

Мечник бы больше обрадовался, узнав, что Варвара купила духи, шампунь или дамский журнальчик с поповыми текстами и множеством гламурных картинок. А то топор и сухое горючее – это же надо!

Машина выехала со стоянки и, набирая скорость, устремилась к Мурому. Засидевшийся Добряк топтался в багажнике. Аида Плаховна переливала коньяк из бутылки во фляжку, ворча, когда их подкидывало на колдобинах.

Отдохнувшая Варвара ехала быстро, изредка для собственного ободрения врубая сирену, чтобы поугагать одиноко ехавшие грузовики. Но все же больше ей нравилось устрашать тракторы.

– Оба на! – вдруг сказала Варвара, когда до Мурома оставалось самое большее километров двадцать. – И этим неймется! Второй раз на дороге попадаются.

– Кому «этим»? – не понял Арей.

– Да вон! Нет, не буду тормозить! У нас не маршрутка!.. – Варвара дернула головой, все же немного снижая скорость.

У желтого ромба «Главная дорога» стояли молодая, до молочности бледная девушка и рыхлый бойкий толстяк. Рядом ковырял в носу мордovorот в военных шортах. И наконец, несколько в стороне на бетонной плите, к которой крепился знак, сидел карлик. Несмотря на жару, он был одет в лыжную куртку, да еще и с поднятым воротником. На карлике были огромные темные очки, закрывавшие лицо на три четверти.

Карлик что-то сказал гиганту, и тот неуклюже выперся на дорогу, растопырив руки.

– Прасковья, Ромасюсик и Зигги Пуфс с запасным телом! И этим не терпится подышать свежим воздухом! – процедил Арей сквозь зубы.

– Тормозить? – спросила Варвара взволнованно.

– Тормози, только не очень близко!

Варвара остановилась метрах в тридцати. Никто из ожидавших под знаком не двинулся с места, только Зигя продолжал косолапо топтать по шоссе.

– А этим чего надо, Аида? – спросил Арей, отслеживая его напряженным взглядом.

– Без понятиев! – лукаво прокудахтала Мамзелькина. – Да только если б они что дурное замыслили, Прасковью с собой не брали бы. Да и Ромасюсик не герой. Может, поговорить с тобой хотят, а?

Арей выдохнул воздух через нос.

– Это ты все устроила? Да?

Аидушка промолчала.

Арей не стал отсиживаться в машине. Он открыл дверцу и с внешней расслабленностью направился навстречу Зиге. Он не исключал, что гигант внезапно атакует его, однако Зигя палицы в руках не имел. Сблизившись с мечником, он воззрился на него радостным щенячьим взглядом.

– А я Зигя! Дядя, у тебя се-нить шладкое есть? – Потом показал пальцем на Прасковью и радостно добавил: – А моя мама вон там вот!

Арей ничего «шладкого» Зиге не дал и вопросительно посмотрел на родительницу великанской разновидности Пуфса. Прасковья рассеянно поглядывала на тучи. Вид у нее был утомленный и разморенный солнцем.

– Сколько раз я просила тебя не кланчить! На улице не называть меня «мамой»! У милиции не выпрашивать пострелять пистолетик! Не врываться в магазины с игрушками с воплем «лезать»! Они же не знают, что ты хочешь узнать, где лежат машинки. Кому это было сказано, а? – проговорила она лениво.

Ромасюсик, только что высказавшийся о себе в женском роде, хмуро захлопнул рот. На Арея он поглядывал пасмурно да и вид имел несколько помятый: все же, должно быть, хоть немного, а прокатился тогда по асфальту.

Арей мгновенно оценил расстановку сил. Прасковья витает в облаках. Ромасюсика в расчет можно не принимать. Зигя хочет «се-нить шладкое». Значит, единственный, кто все решает, – Зигги Пуфс.

Тот наблюдал за ним, сидя на прежнем месте, под знаком. Арей подошел так близко, что увидел свое отражение в его зеркальных очках. Любитель шоколадок придвинулся к хозяину и ненавязчиво держался за дорожный знак. Арей понял, что так велел ему Пуфс. Если что, гигант будет атаковать его этой трубой с бетонной плитой внизу, не тратя время на материализацию палицы.

– Как ты меня нашел?.. А, ну да! Мамзелькина! – догадался Арей, глядя не на Пуфса, а на фиолетовые, почти квадратные ногти Зиги.

Змеистая борода шевельнулась.

– Мы никого не искали. Просто ловили попутку, – сказал Пуфс.

– Всякое бывает, – произнес Арей. – Вначале Аиде Плаховне не на чем было добраться до садового участка. Теперь и вам нужна попутка. А что мой Мамай? Уволился по собственному желанию в связи с переходом на аналогичную должность в монтажное управление?

– Мамай лихачит, а это не по мне. Не люблю я гонок! – удручился Зигги Пуфс. –

Помнишь любимую пословицу Лигула: «Быстро едешь – у нас же будешь»?

Ромасюсик подобострастно захихикал. Услышав имя «Лигул», он всякий раз восторгался, находя это полезным для карьеры.

– Ну! – сказал Арей спокойно. – Чего тебе еще надо? Резиденцию ты у меня уже отнял. Что теперь на очереди?

«Если он произнесет имя „Варвара“, просто произнесет – неважно, какие слова будут следовать после, я его зарублю. Вначале боевое тело, а потом Пуфса», – прикинул он, как бы невзначай поднимая руку, чтобы провести ладонью по лицу.

Всякий опытный боец знает: вовремя согнуть руку в локте – это уже половина дела. Однако Пуфс, будто что-то предчувствуя, про Варвару даже не заикнулся.

– Надеюсь, без обид? Ты же понимаешь, дружище, я тебя не подсиживал и сам на твое место не напрашивался, – брюзгливо, но вместе с тем будто извиняясь, произнес Пуфс.

Арей сразу с этим согласился.

– Да, конечно. Тебе больше хотелось сидеть в Тартаре, вдыхая пары ртути и глаза из окошка на болото с падалью.

Поняв, что разговор сворачивает не в нужную ему сторону, Пуфс прикрыл словесную лавочку и точно собачку подманил к себе Ромасюсика.

– Давай! – приказал он.

Тот развернул какую-то бумажку.

– От лица Его Мрачности, начальника главной Канцелярии, управляющего делами Нижнего, Верхнего и Среднего... – надувая щеки, затарахтел Ромасюсик.

– Довольно! Я уже понял, что речь идет о тебе, Пуфс! – прервал его Арей.

Ромасюсик пожелтел. Шутка Арея показалась ему опасной, причем не только для Арея. Самое же досадное, что на такую шутку не напишешь доноса. Да и как его сформулируешь? «Этот негодяй сказал, что начальник главной Канцелярии я, а не вы. Услышав такое, я был возмущен до глубины души и считаю своим долгом...»

– От лица Его Мра... – вновь стал выкрикивать Ромасюсик.

– Короче! – рявкнул уже Пуфс.

Перепуганный Ромасюсик так опешил от этого внезапного рыка, что пропустил не только верхушку послания, но и всю середину.

– «...с назначением на должность советника и инструктора по оружейному бою. Поступает в непосредственное подчинение к начальнику русского отдела Зы. Пуфсу», – озвучил он и тотчас трусливо посмотрел на Пуфса, как тот отнесется к этому «Зы».

Зигги отнесся нормально. Только посмотрел на шоколадного юношу добрыми глазками палача, которому его ассистент вручил тупой топор.

– Выходит, я великодушно прощен и только разжалован в инструкторы. Больших дел после провала с Мефом мне не доверяют, а железками махать – всегда пожалуйста! – заметил Арей с иронией.

– Кажется, ты не удивлен, – сказал Пуфс. – И давно ты догадался, что Лигул тебя пощадит?

– Я начал предполагать нечто подобное сразу, едва увидел, что меня почти и не ищут. Или, точнее, ищут так, чтобы не найти. Лигул больше предпочитает доверять таким врагам, как я, чем таким друзьям, как всякие прочие! – проговорил Арей.

Пуфс неуютно пошевелился.

– Еще ты – советник! – напомнил он.

Арей скривился.

– Чей советник? Твой? И сильно тебе нужны мои советы?

За огромными очками лица было не разглядеть, но все же ощущалось, что карлик смутился.

– Ну... э-э... высказать свое мнение всегда можно, – заблеял он.

– А если я посоветую тебе не подходить ко мне на сто метров? – продолжал Арей.

Прасковья хихикнула. Пуфс оглянулся на нее и, казалось, поставил себе где надо

мысленную галочку.

«Теперь и за тысячу лет ее не простит. Хотя едва ли у нее и пять лет есть. У нас сгорают быстро», – прикинул Арей, невольно проводя мысленную параллель между Прасковьей и своей дочерью.

Пуфс поднялся, подпрыгнул и с обезьяньей ловкостью вскарабкался на плечи к Зиге.

– Поехали! – велел он. – У нас много дел! К машине!

Арей преградил великану дорогу.

– Ни шагу! Я не припомню, чтобы согласился быть у тебя под началом, Пуфс!

Держась за уши Зиги, карлик свесился к нему. Маленькое его лицо оказалось на одном уровне с лицом Арея.

– Ну нет так нет... Можешь, конечно, и отказаться, – признал он.

– Вот и прекрасно! Я отказываюсь! Если Лигул хочет – пусть присылает стражей, чтобы меня убили!

– Прислать-то он пришлет. За этим дело не станет, – задумчиво согласился Зигги Пуфс и вкрадчиво добавил: – Кстати, я от кого-то слышал, ты взял нового шофера?

Арей пожалел, что не прикончил его сразу. Правда, имени Варвара осторожный Пуфс так и не произнес. Мечнику чудилось, что земля под ним превратилась в воронку, которая сейчас его пожрет. Левой ногой он стоял на асфальте, а правой – там, где асфальт переходил в гравийную подсыпку. Время остановилось. Ему казалось, что он молчал бесконечно долго, на деле же – пауза не длилась и пяти секунд.

– Я согласен, – сказал Арей.

– Вот и прекрасно! А теперь прочь с дороги, советник! Вы мешаєте нам пройти! Зигя, вперед! – небрежно уронил Пуфс.

Грузились в машину долго. Народу было явно больше, чем она могла вместить. Всем мешалась коса Мамзелькиной. Ее то доставали, то вновь заталкивали. Под конец покрытая брезентом часть ее оказалась на коленях у Ромасюсика. Шоколадный юноша в ужасе смотрел на истертый брезент и размышлял, что будет, если он увидит блеск косы хотя бы в дырочку.

Огромному Зиге места в салоне не оказалось, и его затолкали в багажник к Добряку. Варвара опасалась, что пес и Зигя не поладят, однако они неожиданно отнеслись друг к другу с полным пониманием. Вначале Добряк обнюхал Зигю, а потом Зигя, чтобы не остаться в долгу, – Добряка. После чего оба улеглись рядом и принялись энергично возиться, отвоевывая себе побольше пространства. При этом Добряк несильно куснул Зигю за руку, а тот его за переднюю лапу.

«Зигя младенец, а собаки младенцев не трогают», – сообразила изумленная Варвара.

Перегруженная машина кое-как тронулась и, заметно проседая на одну сторону, неспешно поехала к Мурому.

Зигги Пуфс подпрыгивал на костлявых коленях у Мамзелькиной (Прасковья сажать его к себе на колени наотрез отказалась) и, искоса поглядывая на Варвару, рассуждал, как сложно сейчас мраку найти приличного водилу и как повезло Арею. Как видно, ему нравилось поддразнивать мечника, напряженно размышлявшего, насколько много ему известно о Варваре и, главное, от кого.

– Истинный водила отличается от просто профессионала тем, что никогда не выдернет свой таз из машины. Не только из-за радикулита, но и из принципа. Даже если надо пройти два с половиной метра, чтобы бросить письмо в ящик, – болтал Пуфс, пощипывая свою бородку.

– Вы это к чему? – резко спросила Варвара. – Работу предлагаете? Или вам смешно, что я еще тысячи километров не проехала?

– Да нет... – смутился Пуфс, чтобы не ссориться с напрягшимся советником, которому вновь захотелось убивать.

– А если нет, так найдите себе тряпочку и помалкивайте в нее! – отрубил Варвара.

Молчащая Прасковья посмотрела на нее с большим интересом.

Пуфс засмеялся, обращая все в шутку, но Арей заметил, как его маленькая ручка сжалась в кулачок.

«Ну вот. Одного врага моя девочка уже заработала. Хотя стоит ли переживать? Союзником он все равно бы не стал», – подумал Арей.

Да и вообще вопрос, стоит ли страшиться мрака и льстиво заигрывать с ним? Другом твоим он не станет и пощадить при случае не пощадит. Хорек рвет прежде всего ту курицу, которая лезет к нему дружить или знакомиться. У других есть шанс улизнуть.

Глава 13 **«Одежда» и внутренний телеграф валькирий**

Они больше верят одному слову бородатого, чем клятве безбородого.

**Английский путешественник С. Коллинз.
О русских.**

В деревеньку Ирка и Матвей забрели случайно, по дороге в Тешу. Шли-шли, а тут на пути деревенька – завалилась между пригорков, притулилась к реке. На краю деревни попался крупный, возмутительно грязный петух с выщипанным хвостом. Посмотрел лихо, выпятил грудь, с вызовом уронил на глаза гребень и... нырнул в дыру в заборе.

Деревенька состояла примерно из тридцати домов. Все дома на одно лицо – в три окна на улицу, деревянные, с крытыми листовым железом крышами, с щербатым штакетником заборов, подпираемых с другой стороны буйно разросшейся сиренью.

Пройдя всю деревню и никого не встретив, Матвей и Ирка подошли к крайнему дому. Матвей искал глазами, куда можно постучать, и, не обнаружив ничего подходящего, постучал в почтовый ящик. Сразу подниматься на крыльцо было неудобно. Все-таки чужой участок. Охраняется солью и дробью, так сказать.

Сразу за воротами стояло в ряд несколько мисок с раскисшей едой. Рядом лакал из лужи мордатый кот.

На стук в почтовый ящик не отозвался никто, включая почтальона.

– Ау! Хозяйка! – гаркнул Матвей во весь голос.

– Тише! – робко сказала Ирка, хватая его за рукав.

– Зачем тише-то, гадкая мерзайка? – радостно встрял Антигон. – Орут, чтоб услышали!

Тихо орать – какой смысл?

Он решительно перешагнул через давно завалившийся забор и зашлепал лапами в глубину участка. Когда раскачивающаяся спина Антигона скрылась за сараями, послышался собачий лай, и кикимор появился вновь. На этот раз он улепетывал, преследуемый разнокалиберной собачьей сворой. Мордатый кот залез на липу. Деловито залез, с достоинством, без спешки и суеты.

Свора подняла столько шума, что в крайнем окне мелькнуло лицо. Звякнула щеколда. На крыльцо вышел бодрый дед в трениках и овечьей жилетке. Борода у него была, как трехцветная кошка, – по краям седая, в центре же – желтоватая, с четкой рыжей полосой, в цвет прилагавшихся усов. Увидев хозяина, утихшая было свора забрехала втрое громче, оправдывая сам факт своего существования.

– А ну пошли, пошли! Не выслуживайтесь! – прикрикнул на псов дед и, раздавая собакам пинки, подхватил Антигона на руки.

– Не испугался, малец? Сколько тебе? Годов с пяток будет?

– Семь весной! – соврал Антигон, у которого одному только радикулиту было веков восемь.

– Ну так мы ровесники! В один ноль у нас разницы-то, а ноль-то не считается! Нету числа такого – ноль! – обрадовался дед. – Дачники?

– Туристы, – сказал Багров.

– Тоже хорешее дело. Ваш, что ли, робенок?

– Это наш средненький! – брякнул Матвей.

Ирка негодующе забормотала, хотя для нее эта шутка была уже привычной. В конце концов, многие люди не столько шутят, сколько выдают желаемое за действительное. У озабоченного – весь юмор вечно ниже пояса, пьяница шутит про выпивку, жмот – про деньги, ботаник – про Пруста и Бродского. Вот и Багрова, видно, тянуло стать отцом большого семейства.

Деда наличие у Ирки и Багрова старшеньких и младшеньких детей не удивило. Человек так устроен, что четко ощущает своих ровесников и лет по пять в плюс и в минус. Дальше же, как при стрельбе, идет уже большой разброс.

– Ясненько! – сказал дед. – А я вот Макарыч! Если вы за молоком, через угурод пройдите к Петровне – у нее и корова, и коза.

– Да не, нам молока не надо. А одежду тут можно где-нибудь купить? Свитера там и все такое? – спросил зябнувший Багров.

– Одежа – это в Теше, – сказал дед, оглянувшись куда-то в вершины яблонь, где, должно быть, и пряталась Теша. – Это что ж вы, в поход голодранцами, значит, пошли?

– Ага, – согласилась Ирка и внезапно для себя добавила: – Можно мы у вас переночуем, а завтра дальше пойдём?

Багров изумленно оглянулся на нее. Вроде как проситься на ночлег они не договаривались. Ирка виновато улыбнулась.

Макарыч поставил Антигона рядом с лужей, в которую тот немедленно влез. Ирка вспомнила загадку Фулоны про главное отличие свиньи от кикимора: свинья везде грязь найдет, кикимор же ее еще и устроит.

Макарыч посмотрел на Ирку, на Матвея и задумчиво запустил в бороду пальцы. Багров спешно принял все меры к тому, чтобы казаться порядочным человеком, однако, не зная толком, как должны выглядеть порядочные люди, немного переборщил и надулся, как государственный деятель, которому вручают правительственную награду. Учítывая, что всю последнюю неделю он спал на лапнике, верилось в его значительность плохо.

Антигон, не пытаясь никого обмануть, сидел в луже. Со стороны деревенской улицы к нему деловито направлялись соседские утки. На нос Антигону села большая, красивая стрекоза. Выстрел липкого языка – и кикимор отплюнул крылышко. Второе прилипло к губе как прозрачный и твердый ус. В следующую секунду Антигон совершил головоломный прыжок и отвоевал у уток дождевого червя, утопшего после вчерашнего ливня.

Ирка с испугом уставилась на Макарыча: как он к этому отнесется. Тот отнесся нормально, даже одобрил:

– Ишь, какой у вас малец! Сам себе провизию добывает!.. Ну что ж, ночуйте! Вон и место вам!

Он кивнул на дощатую пристройку со стороны двора, имевшую отдельный вход. По случаю лета единственная рама была выставлена и замещалась желтоватой марлей, пузырящейся от сквозняка.

Спросив разрешения, Багров заглянул. В пристройке сложно, но вкусно пахло печью, сыровой побелкой и старыми газетами. По углам стояли две ржавые кровати с проволочной сеткой и закругленными железными спинками. Одна из кроватей была не без кокетства застелена – вторая же вообще без матраца. Ирке кровати напомнили о детском санатории, в который Бабаня возила ее когда-то.

На стене висел календарь с центральной улицей города Арзамаса, обсиженный мухами настолько, что даже солнце на календаре казалось проеденным. Рядом на гвозде болталось одноствольное ружье. Опасности для зайцев оно давно не представляло. Курок отсутствовал. Ствол изнутри был чем-то забит. Во всяком случае Багров, как ни пытался, не сумел увидеть сквозь него просвет.

– На этом когда-то поймали Ахилла, – заметила Ирка.

– На чем?

– Ни один мужчина не может, увидев оружие, не потрогать его.

– А ты-то сама можешь? – спросил Багров.

Разговаривая с Ирккой, он ощущал внутренний трепет, точно она была призраком, который каждое мгновение может растаять.

– Ну я хотя бы трогаю глазами, – призналась Ирка.

Матвей улыбнулся. В этом ответе была она вся.

– Ну и зачем мы здесь? – спросил он.

– Я устала, – сказала Ирка. – Подумала попросимся – а там, если согласятся, то согласятся. Не против?

– Я-то нет. И все, другие причины отсутствуют? – недоверчиво спросил Багров.

– Почти, – ответила Ирка, предпочитавшая не распространяться, что ее позвало сердце. Для Багрова, как для некромага, сердце было только мышцей, перегонявшей кровь по жилам. Даже любить он изредка ухитрялся головой, что весьма сказывалось на качестве чувства.

Матвей посмотрел на нее без особого доверия, однако приставать с вопросами не стал.

Когда они вышли, хозяин уже вернулся в дом, собачья же свора, как-то пронюхав, что в пришельцах признали своих, вертелась под ногами и попрошайничала, мешая пройти.

– Пойду узнаю, есть ли у деда баня. Если есть – попрошусь ее растопить. А то я так грязен, что на меня даже мухи не садятся, – сказал Матвей задумчиво и пошел.

Ирка подумала, что Багров преувеличил. Мухи, оводы и комары садились на него ничуть не реже. Правда, после укуса они почти мгновенно дохли.

С баней у Матвея не сложилось. Банька у Макарыча была, но он еще с прошлой осени сволок туда старые рамы, два улья и кучу другого хлама. Да и печь, по его словам, тянула угаром. В результате Матвей выпросил у Макарыча кусок хозяйственного мыла с выдавленными на нем цифрами «72», означавшими, как видно, число пошедших на него кошек, и отправился к Сереже.

Река у деревеньки была полосатая – у берега к ней примешивался скрывавшийся в траве ручей с торфяным подмесом. Где-то на грани светлой и темной воды плавал дохлый, ставший уже белым окунь.

Матвей вымылся, выстирал одежду и вновь оделся в мокрое, надеясь, что на теле одежда высохнет быстрее. Дохлого окуня прибило к берегу ниже по течению. Матвей усмехнулся, всмотрелся в него, и окунь вдруг, быстро работая хвостом, поплыл к нему.

– Узнаю некромага! Мне все интересно было: удержишься ты или нет! Мы даже поспорили на три фифана, и я, конечно, выиграла! – внезапно послышался насмешливый голос.

Матвей круто повернулся. За его спиной у раскидистой ивы стояла Гелата. Рядом топтался ее оруженосец, на голову которого, как боярская шапка, нахлобучено было розовое пластмассовое ведро. Подмосковная валькирия оттянула ведро назад и трижды щелкнула его по лбу. Качок скалился. Гелата поморщилась и подула на отшибленный ноготь.

– Так нечестно! Лоб у тебя бронированный. И кто кого, спрашивается, наказал? – спросила она.

Оруженосец самодовольно гоготнул.

– Странные вы все-таки, некромаги. В чем тут чудо – с трупами играть? Жизни-то настоящей ты дать никому не можешь. Даже несчастную амебу заново сотворить вам не по силам, а все тянет на фокусы! – продолжала Гелата. – Знаешь, как вас ловили в древности? Бросали у дороги дохлую лошадь и прятались где-нибудь неподалеку. Нормальные люди спокойно проходили мимо, некромаг же обязательно садился на труп верхом и норовил доскакать до города. Но обычно не доскакивал, потому что хорошие лучники с тридцати шагов не мажут.

– Не было такого! – проворчал Матвей и демонстративно заставил окуня выпрыгнуть из воды.

Окунь сделал метровую свечку.

– Оставь в покое дохлую рыбку! – сказала Гелата. – Я-то ничего, но тут за пригорком

Таамаг. Лучше не дразнить! Человек три дня уже ни с кем не дрался и ни на кого не орал – идет на новый мировой рекорд.

Багров подумал, что она права. Он еще не забыл, как долго проходят поставленные Таамаг фингалы. Матвей завернул в лопух дедово мыло и пошел к подмосковной валькирии. Дохлый окунь сразу перевернулся брюхом кверху и закачался на волнах, поднявшихся, когда Багров выходил из реки.

– Мы тут рядом лагерь разбили. Песчаная коса удобная – все байды втащить можно. Вы-то с Ирккой где остановились? – спросила Гелата.

Багров показал дом. Подмосковная валькирия тотчас развила бурную деятельность.

– С одеждой-то что решили? А то я свое дам! – заявила она и тотчас, не дожидаясь ответа, стала отправлять оруженосца за рюкзаком.

– Ты, смотри, пока помалкивай! Пусть девочка хоть в порядок себя приведет, чтобы всякие Холы не издевались. А будут спрашивать, куда идешь, – делай глупое лицо с физкультурным уклоном. Это у тебя хорошо получается! – проинструктировала она его.

– Сама иди! – заупрямился оруженосец.

Гелате это «сама иди!» не понравилось.

– Не перетягивай одеяло на себя! А то еще отдадут, и непонятно будет, чего с ним делать, – предупредила она с угрозой.

Качок выразительно посмотрел на нее, ведром зачерпнул из реки воды и неторопливо ушлепал за пригорок, откуда доносились громкие голоса.

– Совсем распоясался! Если и дальше так будет продолжаться, придется попросить Таамаг на неделю взять его на воспитание. Хотя это, конечно, крайняя мера, – озабоченно заметила подмосковная валькирия.

Когда оруженосец вернулся с рюкзаком, Гелата наскоро просмотрела его содержимое и вытянула легкие брюки, носки и брезентовую куртку с железными пуговицами.

– Это стопудово подойдет. Правда, и остальное не мало будет, но остального мне жалко, – честно сказала она, передавая вещи Багрову.

– Ты, значит, знаешь уже, что она не волчица... – утвердительно произнес Матвей.

– Ага.

– Откуда?

Гелата обошлась без ссылок на верблюда. Правда, и подробных пояснений давать не стала – только ткнула пальцем в лоб.

– У валькирий существует внутренний телеграф. Словами не объяснишь, но когда что важное происходит – мы чувствуем. Как она?

– Нормально. Appetit только... хм... волчий.

– Ну это-то понятно. А ты сам как?

Багров смотрел на Гелату задумчиво. Лгать ей ему не хотелось. Странная штука жизнь! Продавать колбасу не преступление, даже если она из спаниелей, а продавать чувства и слова – преступление. Видимо, объяснение в том, что не все, что подходит желудку, подходит мозгам.

– Сносно, – сказал он. – Хотя, конечно, рад ужасно!

Гелата испытующе посмотрела на него и внезапно улыбнулась.

– Ну раз с рыбкой играешься, значит, и правда, рад, – заметила она утешительно.

У Матвея потеплело на сердце, и с Гелатой поговорил хорошо, без нервозности. Даже не оглянулся на двух помеченных зеленой краской «от умыкания» куриц, любознательно расклевывавших дохлую мышь в поисках протеинов для натуральных деревенских яиц, на которые уже записались в очередь два семейства дачников.

– Когда будете готовы – перебирайтесь к нам. Теперь одним лучше не оставаться, – сказала Гелата напоследок.

– Почему?

– Где-то близко мрак. Мы на военном положении. Наши прочесывают лес, поддерживая постоянную связь. В этих муромских лесах магия действует нестабильно, так

что приходится работать буквально на ощупь.

– Откуда ты знаешь?

Гелата вновь клюнула себя ногтем в лоб.

– Эссиорх сообщил! Первой пропала Ната. Через какое-то время Чимоданов, и сорок минут назад Мошкин. Корнелий клянется, что видел издали Арея и с ним какого-то громилу и атаковал их маголодией.

– И что, не попал? – поинтересовался Багров.

Гелата улыбнулась.

– Флейта оказалась... хм... забита рисом. Кулек порвался или что-то такое. Вот за что я люблю копье – оно ничем не забивается. И с предохранителя его снять не забудешь.

– Корнелий – это который вечно всех на дуэль вызывает? На два и по шлепку? – насмешливо уточнил Багров.

– На шесть и по хлопку! – поправила Гелата.

– Он мог и напугать, – сказал Матвей.

– Он – мог. Но и Даф подтверждает, что видела Арея.

У Багрова испортилось настроение. «Раз Корнелий и Дафна тут, значит, и Мефодий тоже где-то поблизости ошивается», – подумал он с досадой.

Гелата быстро вскинула на него глаза.

– Что-то тухлятиной пахло! Небось старые обидки завонялись, – сказала она, красноречиво касаясь указательным пальцем своего носа.

– Откуда знаешь?

– Ну я же все-таки валькирия воскрешающего копья! Часто бывает, что время прошло, а обида осталась. Опасная штука эта обида. Главное изжить ее поскорее, пока она не закисло внутри. А то, знаешь ли, пованивает в сердце, точно в холодильнике что-то гниет, – сказала она.

Матвей предпочел отмолчаться. Он не был готов рассуждать сейчас о Мефе.

– А дриада-то где? Нашли? – спросил Багров.

– Нет, но она где-то рядом. Хуже, что и мрак наверняка о ней знает. В общем, если в ближайшие сутки обойдется без хорошей драки, прошу считать меня круглой идиоткой с выдачей официального удостоверения.

Ирка одежде обрадовалась. Хотя она и спокойно относилась к тряпкам как таковым, все же ей не нравилось быть закутанной во что попало, как плененный на Березине француз.

– Ух ты! Ты ее что, в реке наловил? – спросила она, с любопытством вертя железную пуговицу.

– Это Гелаты.

– Если не ее мамы... Смотри: на пуговице якорь! У Бабани похожие пуговицы были, когда она для театра шила, – определила Ирка со знанием дела.

Переодевшись, валькирия ощутила, что жить можно. Даже более того – нужно. Вскоре вошел Багров, раздобывший у деда хлеба и у соседки молока. Молоко было козье. Ирка определила это по особому, чуть горьковатому привкусу.

– Все-таки здорово, что ты есть, – сказала она Багрову.

– Ага. Я и сам этому не нарадуюсь, – произнес Матвей.

– Не исчезай больше.

– Это я-то исчез? Даже за молоком?

Как будто ничего особенного сказано не было, но Ирка испытала к Матвею острое чувство благодарности. Другие умеют слУшать, а Багров – слЫшать.

Глава 14 Ластовый день Джулая

*Когда человек желает оправдать себя, уважительные причины
находятся сами собой. Поэтому лучше не желать.*

Книга Света

Чимоданов дернул леску так сильно, что покусившаяся на овода верховодка подлетела метра на два. Соскочила, ударилась о траву, соскользнула в реку и, ошеломленная, замерла у берега. Прежде чем она осознала, что оказалась на свободе, Петруччо прыгнул животом и накрыл ее в туче брызг.

Верховодку-то он поймал, но промок, замерз и вернулся к костру. У огня сидели все, кроме исчезнувшей днем Наты. Эссиорх время от времени связывался с валькириями, однако те не могли сообщить пока ничего утешительного. Ни Вихровой, ни дриады – пусто.

Весь день они искали Вихрову и поиски прекратили только с наступлением ночи.

– Если бы мы ее с собой не взяли, то!.. – начал рассуждать Корнелий.

– Ненавижу это слово! – оборвал его Эссиорх.

Весь день он прочесывал лес и прошел километров тридцать.

– Какое?

– «Если бы». Данность – то, что дано, и никаких «еслибов» нету! Самооправдание – утешительная конфетка для слабаков! Если кто-то два раза подряд скажет «если бы», а потом еще и окажется, что виноват не он, а кто-то другой, то с таким не то что в разведку, в булочную лучше не ходить!

– Спасибо! – сказал Корнелий и надулся: – Если хочешь на кого-то свалить – пожалуйста! Между прочим, это ты согласился их взять, а не я! Если бы ты ко мне прислушался, если бы хотя бы в деревню ее с Мефом не послал, то...

Улита захохотала, и связной, смутившись, замолк.

Даф молчала. Рука у нее больше не болела, но не потому, что прошла, а потому, что сердце ныло сильнее. Его терзало, что в их отношениях с Мефом были какая-то неполнота, невнятица, временная вялость, а она, Дафна, этого не переносила. Страж света не может любить на одну треть или на одну пятую. Любовь вообще чувство, делению и ограничению не поддающееся и не признающее у себя на пути никаких заборов и преград. Все заборы она сожжет и любой лед растопит.

Но все же любовь должна осознавать, что ее не будут принимать расслабленно и небрежно, как нечто само собой разумеющееся. Солнце, конечно, и тогда будет греть и светить, ибо в этом его сущность, но все же ему приятнее светить на лес и поле, чем на свалку.

«Мне нужно внятно услышать, что я ему необходима. Что он любит меня, как любил прежний Меф, что его чувство ко мне не стерлось вместе с памятью о службе мраку. А если нет, пусть марширует вместе с Ратувогом», – решила Даф.

Она по-прежнему готова была без колебаний подарить ему свою вечность, но все же ей хотелось убедиться, насколько это важно для Мефа. Ценит ли он в ней что-то, кроме кукольных глаз, стройной фигуры и волос? Волосы – если она откажется от крыльев – рано или поздно поседеют, кожа станет морщинистой, красота уйдет. Если Мефу важна только ее физическая оболочка, то стоит ли игра свеч? В конце концов, в «Звездном пельмене», если брать все его московские филиалы, работает по меньшей мере две тысячи девушек, среди которых немало хороших.

Подбрасывая в костер сучья и выкусывая скользнувшую под мякоть большого пальца неуловимую занозу, Мефодий незаметно поглядывал на Дафну. Он ощущал, что от него чего-то ждут. Но чего? Он не был так тонко настроен, как Даф, полутонов не улавливал, но все же понимал, что проблема в нем и если вазу их отношений не убрать с края стола, то она может и свалиться, а осколки собирать всегда хлопотней, чем просто протянуть руку и поправить.

Даф отошла к ночной реке и опустила на светлеющее дно перевернутой «Вуоксы». Через какое-то время к ней приблизился Меф и остановился рядом. Краем глаза Дафна видела, что он здесь, но не поворачивалась к нему.

– Привет! – произнес Меф.

Даф молчала.

– В общем, ты понимаешь, что я хочу сказать.

– Я предпочитаю услышать, – заметила Дафна.

Меф беспокойно завожился в темноте. Как человек действия, словам он не слишком доверял. Одновременно он ясно осознавал, что в древности люди лгали меньше. У них не было времени на ложь. Каждое слово означало или само действие, или намерение действия. Не было пустых слов, а раз так, то не было и мутной воды, в которой так сложно увидеть истину.

– Красиво тут, – сказал он безнадежно.

Даф смахнула с глаз челку. Про природу она могла почитать и у Пришвина, причем гораздо подробнее. От Мефа ей нужно было услышать другое.

– Сам не знаю, что со мной. Что-то такое творится, непонятное. Точно сижу в мусорке и только изредка из нее выглядываю, – осторожно начал Буслаев.

Даф подняла руку и сдула с нее комара.

– Голос из мусорки? Это уже интересно. Что же сообщит голос из мусорки?

Меф отнесся к укусу спокойно.

– Ну не умею я объяснять!.. Хочу одно сказать – получается другое. Я как здоровенный дворовый пес. Ворвусь в комнату, толкну кого-нибудь носом, на кого-то тявкну, кого-то повалю и потом удивляюсь, почему меня в очередной раз прогнали веником во двор... – продолжал путаться он.

– Про песиков – это к ветеринару! – проговорила Даф.

Она сама не понимала, почему ее тянет дерзить. Особенно сейчас, когда Меф постепенно подходил к самому важному. Наверное, просочившийся в кровь мрак заставлял.

Буслаев наклонился вперед, как человек, который идет против ветра.

– Ты мне нужна, – сказал он, ворочая слова, как камни.

Дафна, хотевшая сдуть очередного комара, забыла это сделать и позволила комару сосать ее кровь дальше.

– Это мужской вариант: «Я тебя люблю»? – уточнила она, стараясь, чтобы счастье в голосе не было таким явным.

– Почему мужской? – растерялся Меф. – То есть да, мужской. В общем, я тебя люблю.

Даф вздохнула.

– В общем, я тебя тоже люблю, – сказала она, подумав про себя, что это было самое бестолковое объяснение в мире.

Ни черного фрака, ни роз, ни краснопятчатого амура с натянутой до уха тетивой мощного лука. Зато с комарами, костром и Улитой в десяти метрах, которая вот уже целую минуту безуспешно колотила тупым ключом по банке с тушенкой.

– Где этот Чимоданов? Пусть он откроет ее топором! – нетерпеливо вопила она.

Петруччо не отозвался. Евгеша вспомнил, что минут пять назад он ушел в лес. Продав какое-то время, стали кричать, потом отправились на поиски. Пока разыскивали Чимоданова, пропал Мошкин. Немного погодя Корнелий и Дафна заметили, как в соснах мелькнули две фигуры, в одной из которых они узнали бывшего начальника русского отдела мрака.

Даф была без флейты. Пока же Корнелий тряс свою, избавляясь от залепившего ее риса, стрелять стало уже не в кого. После безуспешной погони все вновь собрались у костра.

– Допустим, это действительно был Арей. Ну и зачем ему Мошкин, Вихрова и Чимоданов? А почему тогда меня не выкрали? Что у них есть такого, чего нет у меня? – ревниво спросила Улита.

– Кое-что есть, – сказал Эссиорх рассеянно.

Он старался связаться с валькириями.

* * *

Ната, Мошкин и Чимоданов, переглядываясь, стояли перед Пуфсом. Арей сидел в

стороне, на камне. Варвара возле него. Зигя, скучая, отковыривал от сосны кору. Нашел жука-пожарника, понюхал его и сунул в рот.

– А я жука съел, мама! – похвастался он.

Пуфс посмотрел на луну, отразившуюся в его темных очках двумя плоскими золотыми блинами. Даже ночью он был в очках.

– А ведь уже полночь! – произнес он, точно намекая на что-то.

– Ластовый день джулая! Ластовый день джулая! – пакостно запел Ромасюсик.

Мошкин понял, что терять им уже нечего. Такого ощущения обреченности у него не было никогда в жизни. Даже сомнения все вдруг ушли. Какие могут быть сомнения, когда ты летишь с крыши головой вниз?

– Мы в лесу! Трейлер сюда не пройдет! – крикнул он, сам не слыша своего крика.

– Какой трейлер? – не сразу поняла Мамзелькина.

– «Вольво», водитель Зы-зы-зуюв...

– А, этот! Да не было никакого трейлера! Точнее, и грузовик был, и Зуев такой есть, да не про вашу честь, – хмыкнула Аида Плаховна.

– Как так? – растерялся Мошкин.

Мамзелькина протянула сухую ручку и извлекла свиток. Мошкин, Ната и Чимоданов со страхом наблюдали, как он стремительно раскручивается. И вот уже их фамилии вспыхнули в темноте. Тогда Аида Плаховна сунула руку в рюкзак и, порывшись, извлекла скомканный мужской галстук. Плюнула на него, как и Арей некогда плевал себе на палец, и провела галстуком по свитку. Чимоданов увидел, как буквы его фамилии поплыли.

Вначале уплыло «Чи», затем «мо», прочие же буквы растаяли и смазались, незаметно превратившись в совсем другое, иностранное, ничего не говорящее ему имя.

– То же и с остальными. Немного белил, а затем новая надпись сверху. Несложная работа... – пояснила Мамзелькина. – С каких это пор мрак решает, кому жить, а кому умирать? Сколько надо было мухоморов съесть, чтобы в это поверить?

– Вам просто нужно было, чтобы я за ними следила, да? Клопа вашего вонючего кровью кормить? – не сдерживаясь, крикнула Вихрова.

– И это тоже, – сказал Пуфс. – Но все же важнее было другое: очевидное предательство, какое и свет не сможет оспорить. Такое, чтобы вы все втроем о нем знали и все на него пошли...

– Когда мы предавали? – угрюмо спросил Чимоданов.

– Ну здравствуйте! А клещ из Тартара? А согласие быть со светом, но работать на мрак? Разве это не предательство?..

– А вам-то какая выгода?

– Да такая и выгода. Вы забыли вернуть кое-что чужое, – вкрадчиво напомнил карлик.

– Что вернуть? – огрызнулась Ната. – Эйдосы? Они не ваши!

– Твой эйдос, киса, и так нам когда-нибудь достанется. Особо не обманывайся, – небрежно заверил ее Пуфс. – Пока же нам нужно нечто не менее ценное. Бывшие способности Кводнона!

– Вы их не получите! А отнять их нельзя! – упрямо заявила Ната.

– Нельзя отнять чужое, а свое забрать всегда можно. Вы сами их нам отдали своим предательством... Прасковья! – нетерпеливо окликнул Пуфс.

Совсем близко от своего лица Ната увидела широко распахнутые, жуткие глаза наследницы.

– Пощади! – не помня себя, шепнула Вихрова.

– *За что тебя щадить-то? Ты для меня ничего не сделала. Где мой Меф?*

– Мы плыли в разных байдарках, – поспешно сказала Ната.

Прасковья не ответила. Ее глаза расширились, стали страшными, как у совы. Ната закричала, рванулась, попыталась хотя бы не смотреть в зрачки, но собственные веки уже не подчинялись ей. Мгновение – ее наполнила чернота, она покачнулась и упала, ощутив себя воздушным шаром, в который вогнали иглу.

А Зигя уже подтаскивал к Прасковье Чимоданова и Мошкина. На плечах у гиганта прыгал Пуфс.

– И этих двоих сюда! А ведь, пожалуй, Прасковья теперь станет сильнее Мефа! – услышал Евгеша голос карлика.

* * *

Когда Мошкин очнулся, первым, кого он увидел, был Чимоданов. Тот стоял у сосны, мутил дерево ободраным кулаком и всхлипывал. Евгеша даже не сразу понял, что это за звук.

– Очухался? – мрачно спросил кто-то.

Мошкин повернул голову и увидел Нату. Вихрова мрачно сидела на земле и, зачерпывая хвою, насыпала ее себе на колени.

– А где Арей? Прасковья? – спросил Мошкин.

– Нету их, – ответила Ната серым и опустелым голосом. – Чего им тут теперь делать? Тю-тю.

Евгеша недоверчиво моргнул. Он попытался призвать шест, но с равным успехом мог бы окликнуть и луну. Чимоданов перестал избивать дерево. Повернулся.

– Ну что, идем, что ли! А то я замерз и жрать охота, – сказал он решительно.

– Куда, к Эссиорху и Буслаеву?

– Да ну их! Нужны они теперь! В Москву уж лучше и по домам, – проговорил Петруччо, махнув рукой.

– Что, пешком в Москву? – не понял Мошкин.

Чимоданов обозвал его дураком.

Евгеша шагал молча. Ната и Петруччо ругались и грызлись, ища виноватого. Получив друг от друга кучу словесных туманов, сошлись на том, что виноват во всем безответный Мошкин. Часам к восьми утра они вышли на грунтовую дорогу.

Послышался гул грузовика. По грунтовке, грохоча, медленно тащился «Урал»-лесовоз, груженный бревнами. Вихрова выскочила перед машиной и замахала руками, как мельница.

Лесовоз остановился с неохотным скрежетом.

– Чего надо? Подвезти, что ль? – крикнул, выглянув, парень в кепке.

– К железной дороге. На станцию, – сказал Чимоданов.

Ната по привычке выдала лицом атакующую волну. Прежде такой дозы магии хватило бы, чтобы парень, бросив грузовик, на руках донес ее до Красной площади. Сейчас же он только гоготнул и нетерпеливо хлопнул ладонью по гудку.

– Че кривляться-то? На бревна полезайте и держитесь, чтобы не сбросило. До Салавири доведу, а дальше уж на рейсовом автобусе, – решительно сказала кепка.

Глава 15 Лучший друг Мурашика

Наибольшее число обломов ждут человека на путях к собственным удовольствиям. Не ходи этими путями, и обломы напрасно будут дежурить в кустах.

Книга Света

Таамаг посмотрела на компас.

– Север вон там! А нам туда: значит, на восток! – произнесла она.

– В самом деле? Ты сама додумалась или тебе кто-то подсказал? – порадовалась за нее Радулга.

Она не учла, что иронии Таамаг не понимала. Даже невинный вопрос вроде: «А где бабушка? Ты ее бросила на даче?» – принимала в штыки и обижалась так, будто ее обвинили

в том, что бабушку она бросила в пропасть. Разговаривать с ней надо было не просто осторожно, а суперосторожно. Говорил, а сам точно по тонкому льду шел. Вот когда вспоминалась фраза: «Слово серебро, а молчание золото».

Вот и сейчас Таамаг выпад Радулги поняла не сразу, но когда поняла, возмутилась.

– Когда-нибудь я тебя прикончу! Пока же тебя спасает то, что ты плетешь прикольные лампы из винограда, – сказала она на полном серьезе.

Ирка изумленно уставилась на Радулгу. Она прежде и не подозревала, что валькирия ужасающего копья плетет что-то из лозы, а не только бегает с копьем с утра до вечера.

– Девочки! Вы на работе! – привычно прикрикнула Фулона.

Она шла, часто посматривая на подробную военную карту. Заглянув к ней через плечо, Багров увидел, что на карте синим маркером проставлена куча точек, которые образуют не до конца замкнутую окружность.

– Это места, где мы развесили мяту, – пояснила Фулона. – Мы сейчас тут, движемся со стороны незамкнутой части подковы.

– А дриада?

– Дриада, по логике вещей, где-то в центре. Мы ее загоняем, как волка красными флажками. Ты ничего особенного не чувствуешь? – спросила Фулона у Ирки.

Та прислушалась к себе и покачала головой.

– Пока нет... Глупо, что кто-то может бояться мяты. Она же приятная.

– Ходить в марлевой повязке, когда на березах появляются сережки, тоже глупо. А тут это еще и дело принципа! – хладнокровно заметила Фулона.

Ирка неосторожно хихикнула.

– А что, кто-то ходит в повязке?

– Я, – поднимая брови, ответила валькирия золотого копья.

– Ой! Простите!

– Прощу, когда найдешь дриаду.

Они шли уже больше часа. Вначале от деревушки по дороге, а затем, растянувшись цепью, по лесу. Изредка кто-нибудь из оруженосцев засовывал руку в рюкзак и куском скотча закреплял на дереве или кустарнике мяту.

– Мы скупили весь рынок! После нас невозможно было и двух листиков найти, – похвасталась Бэтла.

Точек на карте становилось все больше. Ирка прислушивалась к лесу и к себе. Она пока не ощущала точного места, где спряталась дриада, но начинала чувствовать, что та где-то недалеко. И не только Дриада – мрак тоже близок.

Хола и здесь оставалась Холой и говорила по телефону с кем-то негодующим, заявившим, что вчера ночью она звонила ему и дышала в трубку.

– Ты уже десятый, кто мне сегодня об этом говорит! Я не дышала. Я спала. Телефон не был поставлен на блокировку, я надавила на него локтем, и он стал трезвонить всему моему начальству без разбора! – оправдываясь, поясняла она, опасливо косясь на Фулону.

Рядом с Холой капризно тащилась Ламина. Антиспортивная и грациозно неуклюжая, она то и дело спотыкалась, охала и возмущалась, что леса нынче неасфальтированные, а настоящие мужчины вымерли как мамонты. Как Ирка вскоре поняла, это была такая прелюдия, чтобы оруженосец посадил ее на плечи.

Но даже и оказавшись на плечах, Ламина мало что выиграла, потому что мешались ветки. Пришлось слезать и снова топтать самой.

– А Эссиорх сейчас где? – спросила Ирка.

Фулона, не задумываясь, ткнула пальцем влево и провела им вперед, точно очерчивая примерный участок, где он может оказаться.

– С трех сторон идем, – пояснила она.

– С трех? А кто третий? – озадачилась Ирка.

Фулона еще не ответила, а она уже поняла, состыковав это с внутренними своими ощущениями. Третьим был мрак.

* * *

Валькирии двигались со стороны деревни Салавирь, то есть с запада, а их конкуренты – от деревни Венец, с востока. Расстояние между двумя группами было километров тринадцать, если брать напрямую.

Мамзелькина, успевшая сменить кроссовки на резиновые сапоги, топала первой. Деловито перешагивала через упавшие стволы и, косою раздвигая траву, высматривала грибы. Не прошло и двадцати минут, а она уже отыскала два белых, три подберезовика, семнадцать свинушек и целую россыпь рыжиков. Все это она спровадила в свой рюкзак, оставшийся таким же тощеньким.

Всякий раз, как Плаховна, скрипя и охая, разгибалась с очередным грибом в руках, «младенец» Зигя приходил в восторг, подпрыгивал и, дергая Прасковью за рукав, кричал:

– Мам,мотри: грип!!!

Заметив на губах Пуфса-старшего снисходительную ухмылочку, Прасковья обозлилась и подманила к себе Ромасюсика. Чтобы высказаться, ей требовался рупор.

– *Еще раз назовешь меня мамой, я тебя прикончу!* – предупредила она Зигю.

Гигант, приготовившийся орать при виде очередного гриба, поник грузными плечами. Ощущение было такое, будто Прасковья подошла и выстрелом в упор убила его радость.

– Хорошо, мам! Больше не буду называть тебя мама! – сказал он покорно.

Варвара держалась рядом с Ареем, в стороне от остальной группы. Привыкшая к тесным залазам, вони коллекторов и сочащейся влагой кладке, в лесу она ощущала себя непривычно. Чистое утреннее небо давило Варвару. От обилия кислорода кружилась голова. Тяжелые ботинки, с легкостью перескакивающие через колодцы и арматуру в тоннелях, здесь путались в безобидной траве.

В какой-то момент из носа у нее пошла кровь. Закинув голову, Варвара стала бестолково заталкивать в ноздри подорожник.

– Ты когда-нибудь за город выезжала? – спросил у нее мечник.

С родной дочерью он разговаривал теперь осторожно, как сапер с миной, всякую секунду ожидая, что она сейчас рванет. Вот и теперь взрыватель сработал мгновенно:

– И дальше что? Завидушки зажирают?

– Может, ты не будешь орать?

– А че вы лезете? Он вон тоже дальше МКАДа не высывался! И че? Носится, как чокнутый олень! – огрызнулась Варвара, кивая на Добряка.

Самого пса видно не было: лишь трещали кусты слева от тропы.

Убедившись, что кровь остановилась, Варвара резко встала, нетерпеливым толчком ладони загнав в ножны тесак. На пристрастный взгляд Арея, она делала все слишком резко, неженственно. Почему, скажем, нельзя было подняться плавно, с мягкой улыбкой, а не вскакивать, точно в тебя выпалили из мушкета и надо спешно увернуться от пули? Мечнику захотелось сделать очередное замечание, но он сдержался.

– Чего мычим? Опять какие-то сложности? – раздраженно спросила Варвара.

– М-м... Нет.

– Тогда встречный вопрос можно? Зачем мы машину в болоте утопили? Чтобы на сигнализацию не ставить? – поинтересовалась Варвара.

– Видимо, да, – ответил Арей.

– А я ключи зачем-то сохранила. Вот что значит запасливость! – задумчиво сказала Варвара, аккуратно вешая брелок на куст.

Пуфс устал идти и, властно подозвав Зигю, вскарабкался ему на плечи. «Мама» Прасковья, в которую Зигя всего за пять секунд до того, хихикая, кидал шишками, увидела, как лицо гиганта дрогнуло, смялось и неуловимо приобрело жестокое и бессмысленное выражение. На Прасковью он смотрел теперь так пусто и с таким сосущим равнодушием, что она поняла: вели ему сейчас Пуфс выдавить ей глаза – он сделает это, не задумываясь. Его

собственная личность была совершенно подавлена карликом.

Пуфс нетерпеливо хлопнул ладонью по гулкой, как спелый херсонский арбуз, макушке Зиги.

– Вперед! – приказал он, и, подминая молодой подлесок, великан двинулся, куда ему было велено.

Километра через три они вышли на свежую вырубку, которую наискось пересекала песчаная дорога с ясно обозначенной колеей от колес. Мамзелькина неприметно осмотрелась и захромала к Арею.

– Что ж ты грибочки-то топчешь?.. Ты их сажамши?

Поохав, выудила из-под ноги у него свинushку и, уже отходя, сказала негромко:

– Видишь раздваивающуюся сосну? Когда будешь рядом, переруби ее, но не раньше, чем я в следующий раз наклонюсь. А ты, девка, собаку свою придержи, чтоб не мешалась! А то смотри: помрет собака!

Арей не переспрашивал. Варваре, стоявшей рядом, почудилось, что он ничего не услышал. Во всяком случае, на сосну он даже не взглянул. Обычной своей усталой походкой, шаркая по траве, он прошел мимо молодой сосны, чудом уцелевшей в центре вырубки. Варвара наблюдала за ним, удерживая за ошейник Добряка.

Мамзелькина, поправляя рюкзачок, обогнула кустарник, косой развела ветки и наклонилась, будто за грибом. В следующее мгновение Арей, с лентой обернувшись, сделал быстрое движение. Меч возник в его кисти уже во время соприкосновения со стволом. Варвара увидела длинную, точно из тусклой меди, выкованную полосу, исчезнувшую быстрее, чем она успела ее рассмотреть.

Несколько мгновений перерубленная сосна стояла, словно определяясь, куда ей упасть, после чего начала клониться в сторону кустарника. Ствол еще не коснулся земли, а Аида Плаховна с невероятной для рассыпающейся старухи резвостью скакнула в самый центр хвойного облака и, теряя рюкзак, покатила по траве.

Когда Арей и топающий ножищами Зигя подбежали, Мамзелькина уже стояла и, стряхивая с юбки прилипшие сосновые иголки, держала за ворот длинноносую дамочку с красноватым, будто чешуйчатым, лицом и спутанными волосами. Дамочка, не переставая, верещала, болтала ногами и пыталась перехватить Плаховну за кисть, чтобы вцепиться в нее острыми зубами.

– Дриада! Вот так встреча! И, главное, раньше светлых! – медовым голосом произнес Пуфс, свешиваясь с плеч Зиги. – Вам медаль, Аида Плаховна!

– Сябе мядалю оставь! Нам побрякушки ни к чяму! Мядовухой бяру! – отказалась Мамзелькина, встряхивая дриаду как котенка.

Скатившись с плеч Зиги, Пуфс попытался сорвать с шеи у дриады ожерелье. У него не получилось, и он решил, что это оттого, что мешает голова. Не задумываясь, Пуфс выдернул из воздуха короткий кривой нож, точно в насмешку изъеденный по краям кариесом ржавчины, и, перехватив его лезвием к себе, вознамерился отмахнуть ей голову.

Репейная дриада закрыла глаза, не переставая визжать и биться. Арей по знаку Мамзелькиной двумя пальцами поймал карлика за запястье. Зигги хрипел и, наливаясь кровью, тянулся ножом к горлу дриады. Он был похож на домашнего зверька, который, прокусив хозяину ногу, отведал вкус крови и впал в остервенение.

Зигя, с которым у Пуфса не было прямого физического контакта, трусливо отворачивался, дрожал и закрывал лицо руками. Он снова был маленьким ребенком, не выносившим драк.

– А ну отпустил меня! Ж-живо! Убрал руку! – верещал Пуфс.

– Аида, а правда: зачем мы ему мешаем? – поинтересовался Арей.

Как истинный страж мрака, он не видел в том, чтобы отмахнуть дриаде голову, ничего особенного. Просто мелкую причуду не вышедшего ростом начальника.

– Ты что, еще не понял? Она и ожерелье – одно целое! Дают друг другу жизнь! Убей ее – останешься с носом! – насмешливо заявила Мамзелькина.

Арей недоверчиво пригляделся и обнаружил, что старуха не ошиблась: концы ожерелья выходили из шеи дриады, словно выросли из нее.

– Убери нож, Пуфс! Это я тебе как советник советую! Хочешь долго жить: избегай ножей, вилок и прочих кухонных опасностей! – веско сказал Арей.

Зигги разжал пальцы. Желая оказать мечнику услугу, Варвара наклонилась поднять выпавший нож, но прежде чем она это сделала, барон мрака без церемоний наступил ей на запястье.

– А-а! Вы что, озверели? Больно!

– Не надо этого трогать! – попросил Арей, отпуская руку Пуфса.

Варвара, морщась, растирала кисть.

– Ну нельзя и нельзя! А словами слабо объяснить?

– Нога порой бывает убедительнее языка. Говоришь: языком «нельзя» – не слушают, объясняешь ногой – всем сразу все понятно, – сказал мечник.

Взяв голову Варвары, он бесцеремонно повернул ее в сторону. Кривой нож Пуфса поспешно зарывался в землю. На нож он уже походил мало, а больше на крупную многоножку с дрожащей, как желе, оранжевой спиной и короткими ядовитыми отростками по центру.

Пуфс с любопытством помял одну бусину. Та оказалась мягкой и податливой.

– Надо же! Репейник без колючек! – пробормотал он.

Дриада перестала визжать и недоверчиво открыла один глаз.

– Я сама по себе! Не свет и не мрак! Даром услуг не оказываю! – вызубренно сказала она, на глазах нагляя.

– А даром ничего и не будет, – заверил ее Арей.

В руке его возник меч. Дриада скосила на клинок умные глазки и поспешно добавила:

– Вы меня уговорили, негодник! Но все же я требую уважения! Напоминаю: к свету я не имею никакого отноше...

Арей утомился слушать болтовню. Оглушив ершистую дамочку рукоятью меча, он взял ее за ногу и перекинул через плечо, как дохлую выдру.

– Приятно, когда кто-то верит в нейтралитет. Это наш практически нескончаемый резерв, – заметил он.

* * *

Добряк огромными скачками носился по поляне. Весело прикусывал Зигю за пятку и удирал, а радостный гигант мчался за ним, прыгая и пытаясь ухватить Добряка за заднюю лапу.

– Интеллектуальное равенство – центральное условие полноценной дружбы, – заметил Арей.

Кислый, как десять кило квашеной капусты, Пуфс сидел и чего-то ждал. Варвара заметила, что оводы на него не садятся, а облетают стороной. Прасковья, получившая силы Наты, Чимоданова и Мошкина, вслушивалась в себя. Была рассеянна и печальна. Особого торжества в ней не ощущалось.

Арей, на плече которого по-прежнему болталась оглушенная дриада, посматривал на Пуфса вопросительно, не понимая, чего тот ждет. Пора бы уже, кажется, и в Москву.

Аида Плаховна бочком приблизилась к Арею. Сама старушка все еще паслась с ними, хотя коса ее то и дело исчезала, отправляясь трудиться.

– Ну и что ты собираешься делать? – поинтересовалась она вполголоса, чтобы не обременять Пуфса излишними знаниями.

– Ясно что. Возьму бусину!

Мамзелькина посмотрела на Варвару, убеждаясь, что та далеко и не может их слышать.

– Для нее, конечно?

– Да.

Аида Плаховна деловито погладила свой острый подбородок.

– Оно, конечно, ногти грызть не запретишь, да тока консерва она и в Африке консерва, – напомнила она.

– А тебе что за дело? Ее эйдос и так отойдет к мраку. Она обречена, – резко ответил мечник.

Цепь дарха глухо звякнула у него на шее.

– Ну-ну, ты-то откуда знаешь? Свет не выпустил бы ее в мир, если бы у нее не было шансов. У каждого свой дар. Обделенных нет. Обделен только тот, кто считает себя обделенным, – заметила Мамзелькина.

Колочая Варвара ей нравилась. Возможно, старухе она напоминала ее саму.

– Я в курсе, но она все равно обречена! – отрезал Арей. – С такой вспыльчивостью, с таким упрямством! И нечего на меня смотреть. Думаешь, я не понимаю, куда ты клонишь? К твоему сведению, я не таскаюсь по Подземью и не хватаюсь, как болван, за тесак каждые двадцать минут!.. А держит она его как? Как она его держит?! Перестань хихикать, тебе говорят!

– Ну хорошо, – миролюбиво согласилась Мамзелькина. – Ты обозлен на свет, обозлен на мрак – тотальные такие обижульки в стиле подростка, у которого родители за хамство отняли мопед. Ну тогда почему бы тебе не сказать ей правду? Подойди к ней и давай: «Варвара, я все решил! Хочу подсадить тебя на магический протез, который поможет тебе прохромать лет эдак „дцать“. Потом придет вот эта тетя (тут можешь показать на меня), и дальше все будет быстро и не больно, потому что у нас с ней алкогольная дружба. А затем, если меня не зарубят раньше, потому что я все время нарываюсь, ты окажешься в моем дархе. Хотя там все равно будет плохо, потому что дарх – он сам по себе и сильнее меня, и я не могу контролировать того, что в нем происходит».

Арей посмотрел на ногу дриады. Пальцы на ноге шевелились. Оглушенная особа мало-помалу приходила в себя.

– Аида! – сказал мечник тихо. – Вопрос можно? Чего ты тут торчишь? У тебя что, работы нет?

Мамзелькина уставилась на свою косу, точно призывала ее возмутиться вместе с собой: смотри, мол, на нас клеветают, что мы с тобой бездельники!

– Потому и сижу, что работка может подвернуться, – успокоила она мечника.

– В смысле?

– Сюда идет толпа валькирий. Им тоже нужна дриада. Вот Пуфс их и поджидает.

Арей присвистнул. Чутью старухи он доверял. В конце концов, и дриаду нашла она.

– Так вот в чем дело! Ушам своим не верю! Малютка Пуффи хочет сразиться со всеми валькириями сразу?

Мамзелькина поднесла палец к губам.

– Маленький Пуффи ни с кем сражаться не будет. Во всяком случае сам, – сказала она.

– И на кого он тогда надеется? На меня?

Плаховна таинственно молчала. Арей недоверчиво всмотрелся и прислушался. Наконец взгляд его скользнул по стволу одной из дальних сосен.

– Ого! Пора выписывать очки, если я мог проморгать такое! И давно *они* тут?

– С той минуты, как я нашла дриаду.

– Надо же! И не боится Лигул оставаться в Тартаре без своих «мальчиков»? Кто ему принесет теперь стакан воды и наполнит чернильницу?

– Тут далеко не все его «мальчики». Но все же достаточно, чтобы надолго забыть о валькириях, – успокоила его Мамзелькина.

Арей пожал плечами и стал прохаживаться по поляне. Примерно через четверть часа Пуфс вскочил и поспешно направился к мечнику.

– Ну все! Начинается! Иди! – приказал он.

– Куда это мне «иттить»? – не понял барон мрака.

– Я получил сигнал, что валькирии близко. Убей их!.. Ты поступаешь в распоряжение

посланной Лигулом группы.

Вместо того чтобы послушаться, Арей демонстративно вытянулся перед ним.

– Гав! – сказал он.

– Что «гав»? – возмутился Пуфс.

– Когда мне приказывают таким тоном, я могу ответить только «гав!». Я советник? Вот и советуйся со мной! Вежливо!

Пуфс поджал губы.

– Я советую тебе идти и сражаться с валькириями, Арей! – сухо повторил он.

– Ну уж нет! – отказался мечник. – Никуда я не пойду! Еще не хватало, чтобы мальчики Лигула мной помыкали!.. Да и вообще групповой бой слишком непредсказуемая вещь. Пришибут – и не заметишь. Как говорила моя бывшая секретарша: «Пока чемпион мира по боксу решал, против кого из противников первым применить коронную связку, его подшибли со спины низколетящей урной и сняли золотые часы».

Увидев, как передернулся Пуфс, Аида Плаховна не выдержала и хихикнула.

– Мне тоже топать супротив валькирий? Косу наголо, свиток в зубы? – спросила она.

– Сидите, гражданка Мамзелькина, тут! О времени формирования спецбатальонов из пенсионерок вам сообщат дополнительно, – стал отговаривать ее Арей.

Пуфс посерел, комкая свою змеиную бородку.

– Довольно! – взвизгнул он. – И без вас управятся! Дриаду я забираю! Давай ее сюда!

Арей перестал улыбаться и взглянул сперва на Мамзелькину, а затем на Варвару, которая, мало что понимая, держала за ошейник Добряка.

– Ты действительно хочешь ее забрать, Пуфс? – спросил он.

Прежде чем ответить «да», осторожный карлик вскарабкался на плечи своему боевому телу и материализовал палицу. Он явно жалел, что не подстраховался и не вывел на поляну несколько стражей для охраны себя любимого.

Внезапно, когда бой казался почти неминуемым и Ромасюсик прикидывал уже, куда ему спрятаться, Арей разжал пальцы и уронил дриаду на траву.

– Да запросто! Бери! – внезапно разрешил он.

– Ты уверен? Ничего не забыл взять? – спросила Мамзелькина.

– Нет. Я тут тоже подумал и решил, что не люблю консервы, – процедил Арей.

Не сводя с него подозрительных глазок, Пуфс заставил боевое тело наклониться, поднял дриаду и отступил на ту часть поляны, где стояли Прасковья и Ромасюсик. Но и там он не остался, а, бросив пару слов Прасковье, видимо, самых незначительных, будто невзначай перекочевал дальше, где поляна обрезалась оврагом, похожим на бритвенный шрам на щетине леса.

– Мы остались без вождя! Место полководца в блиндаже второй линии обороны, куда не долетают ядерные тапки, – сказал Арей с насмешкой.

– Ты о чем? – заинтересовалась Мамзелькина.

– Если валькирии каким-то чудом прорвутся на поляну, тут их встречу я, ты и Прасковья. Пуфс же в надежном тылу.

* * *

В лесу, где нет дорог и все направления условны, сложно организовать засаду. Это и оказалось спасительным. Рассыпавшаяся цепь валькирий натолкнулась на нее лишь одним крылом. Оруженосец Ламины упал. В плече глубоко засела стрела.

Валькирии поспешно укрылись за деревьями. Оруженосцы прикрывали их и себя щитами. Просвистело еще несколько стрел, одна из которых ударила в щит Радулги прямо напротив ее груди. В ответ Хаара и Фулона метнули копья, но, учитывая, что цели ни одна из них не видела, пользы это не принесло.

– Дешево отделались! – сказала Бэтла, осторожно выглядывая из-за сосны.

Стрела, выпущенная невидимым лучником, сбила кору в десяти сантиметрах над ее

головой.

– Говори за себя! – прорычала Таамаг. – У меня полный ботинок крови.

Бэтла повернулась и охнула. Бедро у Таамаг было пробито вошедшей наискось стрелой.

– Бьют откуда-то сверху. Небось с деревьев. Смотри, как торчит, – мрачно сказала Таамаг и, стиснув зубы, коснулась стрелы.

– Больно? – спросила Гелата, подползая к ней.

– Нет. Вообрази: щекотно!

– Не груби! Я дерну, а ты...

– А-а-а! – завопила Таамаг.

– Именно об этом я и хотела попросить, – сказала Гелата.

Валькирия воскрешающего копья, только что сделавшая резкий рывок, спокойно оглядела стрелу. Наконечник был четырехгранный, насаженный плотно, без зазоров. Гелата осторожно понюхала его, не смущаясь, что он был в крови Таамаг.

– Тебе повезло! Даже не отравленная!

– Откуда ты знаешь?

– Орешь громко. Смертельно раненные так не орут. Они орут печально! – утешила ее Гелата.

Оруженосец Ламины, лежащий лицом вниз на открытом месте, был хорошей мишенью. Матвей прятался от него шагах в десяти. Из своего укрытия он видел зеленоватую куртку оруженосца, темный полукруг его затылка и правую ногу, согнутую в колене. Видно, пытался ползти, прежде чем потерял сознание. Изредка кто-то из «мальчиков Лигула» развлекался, выпускал стрелу, и она вонзалась в землю недалеко от лежавшего оруженосца.

Надо было его вытаскивать, пока не стало поздно. Матвей понял это первым, и тотчас ему до тошноты стало жалко удобного своего дерева с выпирающими корнями, за которым он так надежно залег.

«Неужели я боюсь? Да, боюсь, – осознал он. – И чем дольше раскачиваюсь, тем будет страшнее. Неужели я хочу, чтобы у меня на глазах его вытащили тетки?.. Но ведь пока я буду волочь эту тушу – меня самого подстрелят. И почему его сразу не убили? Если бы стрела попала ему в башку – не надо было бы сомневаться. Лежал бы себе и лежал. Жаль, что он жив».

Как некромаг, когда-то впустивший в себя мрак, Матвей часто терпел жгучие нападki злых мыслей. Целые их потоки, едкие, противные, захлестывающие. Было время, когда они пугали его и он считал их собственными, пока не понял однажды, что это мысли бестелесного зла. Сами по себе они бессильны, пока ты не принял их и не счел собственными. И еще одно Багров понял: если хочешь, чтобы мерзкие мысли совсем не запинали, надо заранее наметить, что собираешься делать, и потом уже действовать неуклонно, не считаясь с расхолаживающей ленью, неохотой, злобой или страхами.

«Нет, нужно его спасать. Иначе я себе этого не прощу... Но, может, еще немного подождать и все разрешится само собой? Ну, например, его все-таки прикончат?»

Страх шевелился внутри, как улитка. Холодная, склизкая, ощутимая. Чем дальше, тем глубже она заползала. К улитке страха добавлялась мерзостная пиявка всезнайки-разума, который шептал, что нет смысла погибать двоим, когда можно погибнуть одному. Нет логики. Только какой? Логика плоти? Ну так в плоти ее вообще нет. Предел ее мечтаний – жить сытно, спокойно, пересидеть все опасности, обмануть все вирусы и как можно позже достаться гробовым червям, чтобы благодарные потомки написали на могильном камне: «Здесь лежит восьмидесятилетний трус и эгоист, искренне считающий, что он умер насовсем».

Мысли пронеслись торопливо, точно заскакивали в вагон электрички, толкая друг друга в спину. Багров еще колебался, но, заметив, как шевельнулась Ирка, рванул сам, чтобы не побежала она.

Поднять оруженосца он не пытался – тот был накачанный стокилограммовый лось. К

тому же Багров понимал, что, закинув оруженосца на спину, по сути, сделает его живым щитом. Значит, надо иначе. И, схватив раненого за ступню, он, проскальзывая, поволок его по траве к укрытию.

Багров дергал неудобную, выскальзывающую, одетую в новый ботинок ногу и ожидал стрелы. Он видел, как Хола, показавшись из-за сосны, далеко, в отлет, занесла руку и метнула копьё во что-то дальнее, должно быть, едва видимое ей. Замешкавшийся оруженосец Бэтлы, выскочив, прикрыл Матвея своим щитом, но немного не успел.

До укрытия оставалось шагов пять, когда в спину Матвею что-то ударило. Боли он не почувствовал, но толчок был такой силы, что он покачнулся и сделал два шага вперед, чтобы не упасть. Багров, давно ждавший этого, испытал даже облегчение, какое всегда чувствует человек, когда то, чего он страшится, наконец случается, а случившись, не оказывается и на треть таким страшным, как представлялось.

«Ну вот! – подумал Матвей удивленно. – А умирать-то особенно и не страшно!»

Оруженосец Бэтлы и еще один подхватили раненого и втянули его и Багрова за ближайшее дерево. Гелата, перевязавшая уже Таамаг, оглядела Матвея, потрогала торчащую стрелу, покачала головой и занялась оруженосцем Ламины.

«Сортировка раненых на поле боя. И правильно: помогать надо вначале тем, кому еще можно помочь», – подумал Багров, ощущая, как нечто теплое течет у него по спине, просачиваясь сквозь одежду.

Ватные ноги не держали. Матвей присел на землю и стал смотреть, как Гелата ломает стрелу, выдергивая ее из плеча стонущего оруженосца. Закончив перевязку, она дала ему что-то отхлебнуть из фляжки и перепоручила заботу о нем своему дылде. О дылде ходили слухи, что он тоже медик, правда, ухитрился вылететь с первого курса стоматологического. Как, впрочем, и из двух других мест.

Сама же Гелата взяла копьё и, перебежав к соседней сосне, заняла позицию.

– А я как же? – тревожно спросил Багров, так и не дождавшись, пока наступит его очередь.

Он не хотел быть навязчивым, но все же считал, что умирающим должны оказывать чуть больше внимания.

– Все плохо, – сказала валькирия, даже не повернувшись к нему.

– Что, совсем?

– Да, совсем. Термос на выброс!

– Что?

– Термос, говорю, на выброс! И вообще: ты бы рюкзак снял, – повторила Гелата.

Матвей осторожно скинул рюкзак, обнаружил торчавшую в нем стрелу и пробитый металлический термос, истекавший теплым липким чаем.

Ирка стояла рядом с Бэтлой. Всматриваясь в желтые спички деревьев, она видела, как от них отрываются и быстро перебегают фигуры. Однако происходило все очень быстро – среагировать и метнуть копьё она не успевала. Никто из стражей мрака не подставлялся – все были предельно осторожны.

– Наступают, – крикнула из-за соседнего дерева Радулга. – Их там десятка три-четыре. Хорошо еще, что стрелки они посредственные. Клинками они работают лучше.

– А почему не телепортируют? – озадачилась Ирка.

– Муромский лес, – усмехнулась Радулга. – Телепортировать здесь, конечно, можно рискнуть, но с такой кривой точностью, что наверняка залипнешь в дерево. Проще дочапать ножками и перерезать нас на месте. Копьями здесь особо не навоюешь – бурелом.

Ирке стало не по себе, когда она услышала, как просто это было сказано. Без всякого пафоса. Просто констатация факта: придут и перережут. Она осмотрелась и увидела, что среди валькирий паники нет. Даже раненая Таамаг стоит с копьём, стараясь не наступать на простреленную ногу.

Ирка поймала краем уха, как оруженосец Фулоны негромко спросил у своей хозяйки:

– Места тут гнилые. Может, рискнем все-таки и отступим?

– Чтобы сказали, что валькирии сбежали, да еще когда были все вместе? – резко оборвала его Фулона. – Стой и умирай!

– Да нет вопросов. Я, в общем, это и делаю, – успокоил ее оруженосец.

«Мальчики Лигула» подбирались все ближе. Потерь у них не было. Даже Радулга в который уже раз метала свое копьё напрасно. Ирка пока не бросила свой дрот ни разу. Не видела ни одной четкой цели, а метать наугад не хотела.

Бэтла что-то радостно насвистывала себе под нос.

– Чего ты такая веселая? – подозрительно спросила у нее Ирка.

– А что нельзя?

– Да нет, можно. Просто интересно.

Толстая валькирия перестала свистеть.

– Тебе как: честно сказать или правильно?

– Честно.

– Ну говорю честно. Видишь эти две елки? Вот между этими двумя елками мрак не пройдет, пока я мертвой не лягу. Это мой участок боя и на моей совести. А что между другими елками – уже не мое и меня не волнует. За те елки не с меня спросят. А если буду головой вертеть, свои елки упусти.

Внезапно Бэтла резко, почти без замаха, метнула копьё, и короткий крик в дальнем кустарнике подтвердил, что она не промазала.

– Обычно я первая... Но с этой ногой мне бы хоть вертикально стоять! – ревниво произнесла Таамаг.

Не дожидаясь, пока оруженосец прикроет ее щитом, Фулона перебежала к Бэтле и Ирке и остановилась рядом, прижавшись к сосне плечом. Пока она бежала, в нее выпустили стрелу, но стрела отклонилась, зацепив молодое дерево.

– Одиночка! – сказала Фулона дружелюбно. – От тебя все равно толку мало. Нечего тут сосны подпирать. А ну-ка сбегай-ка вон туда!

– Я вас не брошу! – отказалась Ирка, решившая, что это такой способ сохранить ей жизнь.

– Тебе и не предлагают кого-то бросать. Видишь те кусты? За ними начинается овраг. Проверь, далеко он идет или нет!

– Зачем?

– Если овраг подходящий, вероятно, мы сможем зайти к ним с тыла. Ну давай, бегом! Марш!

Там, куда показывала Фулона, лес чуть заметно раздвигался. Ирка оглянулась на Багрова, но Матвея закрывало дерево, а позвать его она не успела. Фулона уже вытолкнула ее из укрытия. Пришлось, пригибаясь, бежать к оврагу.

Скатившись по осыпающемуся песчаному склону, Ирка едва увернулась от Антигона, вздумавшего прыгнуть сверху ей на голову.

– Уф! Могли бы подождать меня, кошмарная хозяйка! У меня ноги, между прочим, не оленьи! – заявил он, негодуя.

– Увязался? А Матвей не с тобой?

– Этот гнусный мыр пытается отразить их атаку некромагией! Курам на смех!

– Ну почему?

– Ну как же, хозяйка! Подумайте сами! Использовать против мрака способности мрака – все равно, что заглушать запах навоза тухлыми яйцами! Если и заглушишь – лучше не будет.

Не слушая Антигона, Ирка уже бежала по оврагу, держа копьё в расслабленной руке. Забить напряжением руку – верная заявка на то, чтобы не попасть даже в забор.

То сужаясь, то расширяясь, овраг протянулся метров на четыреста. Сразу за поворотом он помельчал и плавно перешел в заросшую высокой травой поляну.

На поляне Ирка увидела карлика. Рядом с ним лежала мелкая дамочка со связанными ногами, а поодаль у муравейника сидел на корточках гигант. Зигги Пуфса

валькирия-одиночка никогда прежде не видела, но по дороге слышала о нем от Фулоны и теперь сразу догадалась, кто это.

Услышав за спиной шорох, карлик обернулся. Ирка находилась от него шагах в шести. В круглых темных очках Пуфса Ирка увидела себя с занесенным для броска копьем и по дрогнувшей нижней челюсти поняла, что трусость в очередной раз не окупилась.

– Нет! – заорал карлик в ужасе. – Не надо!

– Только двинься! – предупредила Ирка.

Пуфс, дернувшийся в первый миг, когда она появилась, застыл. Он достаточно знал о копьях валькирий, чтобы понять: промаха с шести шагов не будет. Секунду или две маленькие, скрытые под очками глазки изучали Ирку: хватит решимости или не хватит?

– Размажьте его, гадская мерзайка! Или давайте я! – запрыгал от нетерпения Антигон.

– Не шевелись! Стой, где стоишь! – предупредила Ирка Пуфса.

Тот передернул плечами, показывая, что повинует, но вместе с тем неуловимо, почти не шевеля ступнями, сместился влево. Ирка скользнула взглядом туда, куда он направлялся.

Громила Зигя как ни в чем не бывало сидел на корточках у муравейника и, сопя, засовывал в него ветку. Чтобы он озверел, Пуфсу надо было прикоснуться к нему хотя бы ногтем. Ирке стало ясно, на что надеется Пуфс. Укрывшись за спиной великана, он обезопасит себя от копья. Такой гигант, как Зигя, даже с копьем валькирии в груди успеет сделать прыжок и опустить на ее голову палицу.

– Я сказала: только двинься! – повторила Ирка, заноса копье. – Замерзни!

Пуфс «замерз».

– Видишь эту ромашку?

Зигги «отмерз» и деловито скосил глаза. Ромашка была сантиметрах в пяти от его ноги со стороны муравейника.

– Считай, что это государственная граница. Перейдешь ее – брошу копье. Больше предупреждать не буду! – сказала Ирка.

Пуфс с такой ненавистью посмотрел на ромашку, что она завяла, однако сдвигаться больше не стал. Теперь у него оставалась одна надежда, что Зигя сам к нему приблизится.

Великан наконец оторвался от муравейника и выпрямился, глядя на Ирку искоса, как кокетничающий карапуз, увидевший незнакомую тетю.

– Привет! – сказала Ирка, ухитряясь держать в поле зрения и его, и Пуфса.

– Привет! – прогудел монстр. Заметно было, что Ирка ему нравится.

– Как тебя зовут?

– Зигя Пуф!.. – представился гигант и, осмелев, показал Ирке ветку, которую до того совал в муравейник.

– А я Ирка!

К Иркиному имени Зигя отнесся рассеянно. Детям не столько важно имя, сколько сам человек. Добрый он или нет. Можно с ним обсудить нечто важное или нельзя.

– Хоцыс потмотреть мурашика? – робко предложил он.

– Хочу! – согласилась Ирка.

– Тока ты его не раздави! У него лапки тонкие и их мога-мога. Лана? – попросил Зигя.

– Лана! – кивнула Ирка.

Пуфс с ненавистью наблюдал, как его боевое тело, способное голыми руками разодрать валькирию в клочья, показывает ей «мурашика».

Пуфс заскрежетал зубами.

– Иди сюда! – прошипел он.

Зигя, тоскуя, покосился на Пуфса. Ему не хотелось никуда подходить. Разглядывать мурашика вместе с тетей было интереснее.

– Я еще пять минут, лано? – попросил он тоном ребенка, которому не хочется уходить с улицы.

– Я кому сказал?!

Зигя обреченно шевельнулся, перестал сдвигать мурашика и обреченно потащился к

Пуфсу.

– погоди! – велела ему Ирка.

Копье само рвалось у нее из рук. Такого с ним никогда прежде не было. Казалось, его даже и бросать не надо: просто разожми пальцы, и оно само понесется к цели. Но вот чтобы целью становился Зигя, Ирке совсем не хотелось. Лучше уж размазать десять Пуфсов.

– Ребенок хочет еще погулять. Вы же не против? – веско спросила она у карлика.

– Н-нет! – прохрипел Пуфс, не хуже Ирки видевший, что происходит с копьем.

– А ты, Зигя, давай мне сюда дриаду! – велела Ирка.

Кто такая «дриада», гигант не знал.

– Это вон ту вот тетю? Я ее боюсь! Она меня за палец укусила! – наябедничал он.

– Да, ее.

– А кусаться тетя больше не будет?

Ирка пообещала, что не будет. Зигя тоскливо посмотрел на ветку.

– А мурашник не упозет? – спросил он с грустью.

– Мурашика я подержу!

Зигя вздохнул, вручил Ирке ветку и затопал к дриаде, успевшей уже, пользуясь моментом, отползти довольно далеко от Пуфса. Подхватил ее и направился обратно. Дриада выгибалась, пыталась тяпнуть его, и кричала:

– Ты, переросток! Не трогай меня немытыми руками! Я в ваши черно-белые игры не играю! Я сама по себе!.. Пусти, тебе говорят!

– Антигон! – велела Ирка. – Бери Зигю и ищите Эссиорха! Скорее!

Она опасалась, что кикимор будет спорить и препираться, но он послушался. Антигон кивнул и, велел гиганту не отпускать дриаду, властно поволок его с собой за штанину.

– А мы куда? – не понимал Зигя.

– Куда надо! Идем покажу тебе жука-носорога!

– Не хосю носорога! Он будет бодацца! – упрямылся Зигя. – Хосю се-нить шладное и сам рулить большой масынккой!

Антигон пообещал все устроить. Зигя сделал несколько шагов, остановился и, о чем-то вспомнив, тревожно оглянулся на Пуфса.

– А-а-а... – начал он.

– Он согласен! – перебила Ирка. – Вы же не возражаете, Пуфс?

Валькирия смотрела теперь не столько на Пуфса, сколько на свои пальцы. Ей приходилось стискивать их, чтобы копьё не вырвалось. Казалось, оно уже подписало Пуфсу смертный приговор.

Карлик тоже не отрывал взгляда от наконечника копья. Похоже, только его он воспринимал всерьез, как реальную и действительную силу, Ирку лишь как некое приложение к ней. Одиночка поняла это, и ей стало, с одной стороны, досадно, а с другой – радостно. Приятно служить силе, которая больше и мудрее тебя. Тогда ты точно птенец под крылом у могучей птицы.

– Вы согласны или нет? – повторила Ирка нетерпеливо, видя, что Зигя мешкает.

Карлик был на все согласен. Провожая свое уходящее боевое тело глазами, он так поморщился, что во всем лесу похолодало на два градуса.

– Чего тебе еще надо, валькирия? – спросил он, когда Антигон и торопливо шагавший за ним Зигя скрылись. – Дриада у вас! Отпусти меня!

– Это еще не все! – сказала Ирка, прислушиваясь к дальнему звуку боя. – Отзови стражей!

– Они мне не подчиняются! Они подчиняются Лигулу! – поспешно заявил Пуфс.

Ирка безошибочно ощутила, что он тянет время. Надеется, что «мальчики Лигула» справятся с валькириями, после чего кто-то из них поможет и ему. Препираться можно было бесконечно. Валькирия, рискнув, немного ослабила пальцы и успела поймать устремившееся вперед копьё только за конец древка. Пуфс, видевший это, посерел.

– Живее! – сказала Ирка. – Ты сам видишь: мне лишь пальцы разжать. Даже если меня

сейчас стрелой уложит – дрот все равно тебя добьет.

– Что ты хочешь?

– Думай сам! Тебе придется сделать так, чтобы они тебя послушали. Или к твоему имени отныне будут добавлять «покойный». «Покойный Пуфс, начальник русского отдела... Как, вы не слышали? Ну его еще в лесу размазало!» – «Кого?» – «Да Пуфса!!!»

– Ладно! – внезапно сдался карлик и, подняв руку, коснулся виска. – Уже!

– Что «уже»? – не поняла Ирка.

– А то «уже»! Отозвал! – проорал Пуфс, кривляясь и обращаясь все к тому же копыю.

И по тому, как он взвился и прокричал это «уже», Ирка поняла, что карлику можно поверить. Во всяком случае, сейчас. Копье, рвавшееся до той поры из руки, ослабело, точно позволяя Пуфсу на этот раз свалить.

Карлик тоже как-то почувствовал, что копые уступило, и, не спрашивая у Ирки позволения, стал медленно и с явным усилием телепортировать. Ирка убедилась в правоте Фулоны: муромские леса не самое подходящее для этого место. Вначале у Пуфса исчезла одна нога, затем другая – тело продолжало преспокойно держаться в воздухе. Потом, точно свежая акварель, замылились руки. В груди проелась разрастающаяся дыра, и, наконец, последним в воронку со свистом втянулся дарх.

После Пуфса остался черный контур, словно кто-то взял фотографию леса и аккуратно вырезал из нее ножницами фигуру. Лишь минуту спустя шрам окончательно затянулся.

Через четверть часа на поляне вновь появился Антигон. От быстрого бега кикимор запыхался, и слова выплевывались из него слипшимися партиями.

– Фуф! Я сдох! А где этот? – крикнул он.

Ирка пояснила, что «этого» нету. Нельзя сказать, чтобы Антигон огорчился.

– Надо было все-таки прибить, – сказал он. – Жаль, Фулона кого другого не послала. К примеру, скажем, Радулгу.

– А где Зигя? – спросила Ирка.

– Не поверите, хозяйка! Он... фух... признал в Корнелии пропавшего папу и играет с ним в обнимусики!.. Переломов еще нет, но едва ли без них обойдется! Это все Улита! Это она подсказала, что папов положено обнимать.

– А дриада?

– Она, как Депресняка у Дафны увидела, вся передернулась. Стала снова орать, что она нейтра... короче, тупая какая-то у нее фамилия... и никаких бусин не даст.

– И не дала? – забеспокоилась Ирка.

Антигон ухмыльнулся.

– Ну, до поры до времени зажиливала, конечно. Но когда Эссиорх заявил, что позовет переговорщиком Ратувога, дриада спохватилась и вспомнила, что у нее чисто случайно есть лишняя бусина. Совсем уже созревшая и все такое.

– И?

– Что «и»? Бусину взяли, растолкли и тотчас скормили Дафне. Она говорит, по вкусу похоже на крыжовник, только незрелый.

– И как? Выздоровела?

Антигон таких подробностей не знал.

– Да навряд ли, – сказал он с сомнением. – Сразу даже грипп от аспирина не проходит. Время нужно. Дриаду Улита пока недельку подержит у себя, чтоб потом знать, кому уши откручивать, если она бусину неправильную подсунула. Дриада вроде как смирилась. Соображает, что где на Улиту сядешь, там с нее и упадешь.

* * *

Когда Эссиорх с Корнелием выбежали на поляну, к ним тотчас кинулся Ромасюсик, вопя, что переходит на сторону света. На сторону света его не взяли и посоветовали успокоиться. Оказалось, что Прасковья телепортировала минут пять назад, не то бросив свой

«рупор», не то, что более вероятно, просто забыв о его существовании. Ромасюсик немедленно стал всех сдавать, хотя его, в общем, и за язык особо никто не тянул. Просто, быть может, поинтересовались: а остальные-то где?

По словам говорливой шоколадки, после Прасковьи утопала Мамзелькина, несколько огорченная тем, что не засунула никого в свой рюкзак. Арей и Варвара ушли в сторону деревни Венец, как только на поляне появились отхлынувшие по приказу Пуфса «мальчишки» и ясно стало, что следом за ними появятся и светлые.

– Ага! Испугался! Ну бойся меня! Дрожи, Арей! Я иду! – потрясая флейтой, восторжествовал Корнелий.

Он уже приписал мечника к своим трофеям. Не было сомнений, что Корнелий теперь раструбит на весь Эдем, что Арей удирал от него, простого связного, в то время как столетние сосны вокруг трещали и дымились от его, Корнелия, маголодий.

– Если и испугался, то за Варвару. Таамаг или Радулга не станут докапываться: мрак ты или не мрак. Если с мраком тусуешься – получи копье, – успокоила его Даф.

Она опиралась о руку Мефа. Самой ей идти было трудно. Голова кружилась. Перед глазами летали черные мухи. Невидимая змея в крови панически металась, ища места, где можно вырваться. Места этого она пока не находила, но в метаниях своих утомлялась и слабела. Дафна ощутила, что рано или поздно змея, выбившись из сил, замрет и начнет таять. Но вот сколько времени это займет – непонятно.

«Только бы не расставаться с Мефом!» – думала она, но расстаться все же пришлось. Еще в лесу Эссиорх заявил, что в Москве забирает Дафну к себе. Никаких общежитий озеленителей и никаких Буслаевых. Во всяком случае, пока она окончательно не придет в себя. А там видно будет.

– Пожалей девчонку, Буслаич! А то видок у нее: пристрелить хочется, да в тюрьме сидеть неохота!.. Ничего – у нас есть доктор Пилюлькин, который проследит, чтобы все прошло успешно! – сказала Улита, без церемоний державшая дриаду под мышкой. Примерно так грузные дамы таскают пекинесов.

– Ненавижу вас, черно-белые! Обойдетесь! – пропыхтела дриада.

Улита достала носовой платок и деловито промокнула созревшую на носу у дриады каплю.

– Зигя! У тебя появилась младшая сестричка! Хочешь потискать? – предложила она.

Репейная дриада трусливо хрюкнула и запросила пARDону.

Глава 16 «Фрикас Фроила»

В тот миг, когда человек покажется себе вполне хорошим, все нужно начинать сначала.

Книга Света

Даф не совсем понимала, как это «выздоровливать». Она чувствовала себя нормально, а ей твердили «выздоровливай!», будто это происходило не само собой, а по ее воле.

Дафне велено было сидеть или лежать, а она ходила по комнате, изредка в поисках разнообразия прилипая носом к балконной двери. На балконе жили мотоциклетные покрышки и стояла красная переносная ванночка для купания младенцев. Ванночку эту купила Улита, чтобы она своим румяным видом постепенно капала на мозги Эссиорху, приобщая его к радостям отцовства.

Когда кто-нибудь после шума и суеты оказывается в тишине, с ним начинают происходить странные вещи. Он внезапно осознает, что тишина вообще-то совсем не тишина. В ней живут мысли, чувства и вообще гораздо больше настоящего, чем в любой толкотне или разговорах.

Примерно это происходило теперь с Дафной, давно отвыкшей от тишины. И, хотя

Мефодия не было рядом, она все равно ощущала, что он близко, мысленно беседовала с ним и представляла, как при встрече она ему скажет:

– Ты думаешь, что признание в любви – это слова? И что тебе не хватает именно правильно расставленных слов?..

Дважды приезжал рыжий Баснецов, и Дафна играла с его девочкой, которую не брали в сад, потому что она всех там перекусала. Другим родителям не понравилось, что дети их ходят покусанными, они отправились к заведующей гневной делегацией, и девочку вернули Баснецову. К известию, что девочка кусается, Эссиорх отнесся спокойно.

– Она привыкла, что нужно все выгрызать, – вот и выгрызает. Потерпи чуть-чуть, и все будет хорошо. Внезапных чудес не бывает, – сказал Эссиорх Баснецову.

Дафна удивленно уставилась на него: и от кого она слышит, что чудес нет?

– То есть чудеса, конечно, бывают, если считать чудом какой-нибудь банальный телекинез, но все главные чудеса происходят всегда медленно и постепенно. И нужны для них любовь и терпение. Целая куча любви и вагон терпения, – поправился хранитель.

Улита сидела на кухне и обучала «трофейного» Зигю играть в «камень-ножницы-бумага» на щелбаны. Разумеется, если бы она проиграла, Зигя с двух щелчков пробил бы ей лоб, но ведьму спасало то, что она мухлевала. То она говорила, что бумага завернет камень, а то утверждала, что показала такой здоровенный камень, что ему любая бумага просто тьфу. В общем, проигрывал всегда Зигя.

Что делать с Зигей, Эссиорх представления не имел. Отдавать его Пуфсу – свинство, на улицу прогнать – не прогонишь, держать же такого гиганта у себя громоздко. В результате как-то само собой получилось, что Зигя достался Улите в качестве заместительного младенца. Интеллект он имел соответствующий, характер привязчивый, одна беда – в детскую ванночку не помещался.

– Мама Улита, а маму Прасковью мы позовем? – спрашивал Зигя.

– Не сейчас. В другой раз. А то папуля Эссиорх меня не поймет, если мы еще и ее притащим, – поясняла Улита.

И так уже все вокруг говорили о том, что мрак отнял силы у Наты, Мошкина и Чимоданова и отдал их Прасковье. Теперь дело только за силами Буслаева.

– Мама Улита, а две мамы быть может?

– От степени инфантильности зависит! У некоторых что не тетья, то мама. Открой ротик! – и заправляла в распахнутый рот гиганта половник каши. Любая, даже самая большая ложка была бы для него формальным издевательством.

Кроме Зиги, Улите приходилось опекать репейную дриаду, которой особая маголодия мешала сбежать, пока не истечет неделя. Дриада шаталась по квартире, на всех ругалась, устраивала в ванной потопа и воровала из холодильника продукты. Когда ясно стало, что бусина помогла и дриаду можно уже не удерживать, ей вручили целый мешок рыбьих голов (Улита где-то вычитала, что у дриад к ним слабость) и проводили обратно в муромский лес. Предварительно Эссиорх позаботился очистить его от мяты.

На восьмой день произошло то, чего Дафна ждала и одновременно боялась: появилась Шмыгалка. Случилось это вечером, хотя Эльза Керкинитида Флора Цахес и вечером была воплощенная бодрость. Оптические прицелы ее очков укоризненно нацелились сперва на Корнелия, а затем, убедившись, что он выскользнул из комнаты, на главную свою мишень – на Дафну.

– Ну фот, тарогой мой фюпсик! Как ты себя фюствуешь?

– Плохо! Кашляю вот, – быстро сказала Дафна.

Шмыгалку провести ей не удалось.

– Кафель вылечишь позже! Тафай перейдем сразу к делу! Чем пыстрее прижжешь ранку, тем меньше пудет фоплей! – сказала она с видом медсестры, которой не терпится сделать укол большим шприцем.

Даф ждала вопроса, созерцая под толстыми стеклами увеличенные зрачки Шмыгалки. И вопрос прозвучал:

– Пофумала, о чем я тебя фросила?

Даф молчала.

– Так «да» или «нет»? Идешь со мной или остаешься?

– Не знаю. Я не могу так скоро. Я еще не решила, – выдавила Даф.

Ей казалось, что преподавательница по музомагии сейчас раскритичится, будет давить, но та отнеслась к ее ответу как к чему-то ожидаемому.

– Ну и неважно!

– Почему неважно?

– Я, фюпсик мой, знала, что ты путешь колепаться, и сделала фсе за тебя! – успокоила ее Шмыгалка. – Пусть ты путешь на меня злиться какое-то фремя, но рано или поздно скажешь мне «спасибо». Я таждусь этого момента!

– За что злиться? – испуганно спросила Даф.

– Час назад я была на приеме у Фроила. Сообщила ему, что поюсь за тебя и что Пуслаеву нужен новый хранитель! – жизнерадостно продолжала Эльза Керкинитида Флора Цахес.

Даф смотрела на паркет под ногами. Ей важно было, чтобы он перестал вращаться. Глупо будет вот так вот взять и упасть.

– И что он сказал? – спросила она как будто без всякого выражения.

– К софелению, ничего! Сообщил, что пришлет свой фриказ сам! – отрезала Шмыгалка. – Но уферена: он фнял моим тофотам! Он кфайне фнимательно слушал! Я же была, как фсегда, упетительна!..

Рядом возник златокрылый. Он вложил в руку Шмыгалке конверт и мгновенно исчез. Это был профессиональный курьер – не чета «Корфелию», который неделю промариновал бы его в своей сумке, а затем устроил бы из его вручения целое лазерное шоу.

– Ну фот и фриказ Фроила! Тебя отзывают! Я же кофорила! – сказала Эльза Керкинитида. – Сопирайся, тарогой мой фюпсик! Не пудем тянуть Тепресняка за фост!

Даф повернулась и, ничего не видя, все шла, шла, шла, пока не уткнулась в стену. У нее было ощущение человека, которому должны выстрелить в затылок.

* * *

Мефодий считал дни, когда Дафна к нему вернется. Хуже всего, что он не знал, сколько нужно ждать, поэтому дни нельзя было отнимать, а можно было только складывать. И Меф складывал. Как дикий человек, делал ножом зарубки в ванной на двери и удостоился от дяди Хаврона титула «ужаленного пчелой в мозг».

Мефу это было безразлично. Он действительно ощущал себя «ужаленным в мозг». Он все ходил, не находя себе места, натыкался на стены, не понимал содержания книг, которые читал. Мог трижды прочесть страницу прежде, чем до него вообще доходило – что перед ним: учебник или художка.

На работу он вышел раньше, чем закончился отпуск, и этим так поразил всех, что Митина три дня пыхтела, не зная, какую гадость ему сказать. Меф смотрел на Митину и любил ее. Просто любил, абстрактно. Ему казалось, что вот, какой она хороший человек. Ругает его, цепляется, две докладных написала на тему «съедания просроченного йогурта, направленного по накладной для уничтожения», а все равно хороший. Да и вообще плохих людей нет. Когда у человека все внезапно становятся плохими, а он один хороший, это верный признак того, что в детстве надо было меньше вертеться в коляске и вообще не нюхать столярный клей.

Как-то после ранней смены Меф съездил в универ, чтобы уяснить окончательно, светит ли ему что-нибудь, кроме солнышка.

В приемной комиссии замотанная седая дама вначале потребовала у него, чтобы он вышел в коридор и не вычерпывал легкими воздух, которого и так нет, а потом внезапно вспомнила, что ей нужно срочно перенести стол с одного этажа на другой, на кафедру.

Других достойных кандидатов на переноску мебели не отыскалось. Пока Меф, потев, волок в одиночку тяжеленный стол со встроенной тумбой, заставляя его «шагать» по ступенькам, дама прониклась к нему симпатией.

– Погодите! А оно вам все надо? – спросила она, когда стол после третьей попытки благополучно вписался в дверь кафедры.

– Что надо? – не понял Меф.

– Ну вот это все! – Дама кивнула на гору дипломных работ, лежащую на полу и задумчиво накренившуюся в сторону ближайшей стены.

Буслаев сказал, что надо. Дама подумала и, сказав, что ничего не обещает, записала его имя и телефон.

– А то мебель старая, тяжелая, а таскать некому. Все сплошь бывшие пианистки! Стул и тот вдвоем волокут!.. А фамилия у вас, дорогой мой, филологическая. Может, вам на филфак стоило поступать? На русское отделение? – произнесла она с размышляющей интонацией.

Университет Меф оставил обнадеженным и отправился домой пешком, хотя до его спального района было километров двадцать. Он шел, пытался, но все никак не мог устать.

Громадные, радостные, нескончаемые силы распирали его. Сил было столько, что, пройдя километров десять, он готов был вернуться обратно и по первому зову затащить стол еще куда-нибудь. Но столов его таскать больше не заставляли, и тогда он нашел в ближайшем дворе расшатанный турник и устремился к нему с жадностью, с какой пьяница устремляется на бесплатную дегустацию новых сортов водки.

Перекладина уличного турника была зачем-то выкрашена неизвестным умником, и слезавшая краска резала ладони. Обычно Меф подтягивался расчетливо. Не выматывал себя, заранее записывал количество подходов, абсолютный максимум, рабочий процент от максимума, время отдыха. Нет смысла надорвать себя сегодня, чтобы завтра не сделать ничего. Сейчас же цель была другая – довести себя до изнеможения, до того состояния, когда просто физически невозможно думать ни о чем, кроме своей усталости.

Двадцать шесть, двадцать три, двадцать, восемнадцать, шестнадцать, почти без отдыха двенадцать, десять, снова десять, девять, семь, шесть, три...

Наконец он довел себя до такого состояния, когда не мог подтянуться даже единственного раза, а только спина вздрагивала и ослабевшие ладони соскальзывали с турника. Гребной, еще с реки Сережи привезенный волдырь под средним пальцем правой руки лопнул.

Меф сел на бетонное основание турника и внезапно ощутил, как разгоряченную его спину гладят мокрые ладони дождя.

– Даф! Я знаю, что ты вернешься! – негромко, но уверенно сказал он дождю.

Дождь не спорил.

* * *

– Тафна! Что за тетские игры? – строго окликнула Шмыгалка.

Даф оглянулась. Приподняв очки, точно не доверяя им, Эльза Керкинотида разглядывала приказ Троила, бормоча: «Не пойму, что тут!»

Но, видимо, прекрасно понимала, потому что, когда было нужно, зрение у Шмыгалки становилось близким к идеальному. Даже очки и те нужны ей были больше из особого кокетства, которое заставляет некоторых дам намеренно казаться старше и нелепее, как бы выводя себя этим из привычной системы координат.

Наконец Шмыгалка пожалала плечами, показывая, что сделала все, что могла, и протянула письмо Дафне.

– Иди сюда! Ничего-ничего, читай! В конце концов, это о тебе!

Даф взяла лист. Пальцы у нее дрожали. Она была в том состоянии, когда смысл доходит не сразу, хотя письмо состояло всего из двух слов. Точнее, из одного глагола и

отрицательной частицы.

В центре листа было размашисто написано:

«Не спешить!»